31/IX

N 395 и 401

отд. IX

Московскаго Учительскаго Института
№ 461

М. Ч. Н. IX

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. 7.

Пед. Ин-т им. Горького
Журнальный фонд
57439

ИЗДАВАЕМЫЙ
Петромъ Бартеневымъ
(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письмо Русскаго плѣнника въ Швеціи, *князя А. Я. Хилкова* къ адъютанту Чебышову (1714). Переведено съ Шведскаго и сообщено *А. А. Чумиковымъ*. Стр. 1.

II. Письмо *Е. И. Кострова* со стихами къ Суворову. 1792. Сообщено *Н. Н. Мурзакевичемъ*. Стр. 4.

III. Письмо *Бестужева (Марлинскаго)* къ К. А. Полевому. 1833. Сообщено *Т. В. Кабальчичемъ*. Стр. 6.

IV. Изъ бумагъ *князя В. Ѳ. Одоевскаго*. (Къ исторіи Русской цензуры.—О мѣрахъ противъ заграничной Русской печати.—19 Февраля.—Замѣтки, наброски, афоризмы). Сообщено *А. И. Кошелевымъ*. Стр. 11.

V. О происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ (посвящено Третьему Археологическому Съѣзду). Изслѣдованіе *Д. И. Иловайскаго*. Стр. 59.

VI. Лордъ Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Депеши и письма 1779 года. (Потемкинъ. Греческій проэктъ. Война Англіи съ Испаніею. Личные переговоры съ Потемкинымъ и Екатериною. Противодѣйствіе Панина. Ланской). Стр. 143.

VII. Изъ Старой Записной Книжки (Московскій врачъ до 1812 года. Дѣвица Жоржъ. Милиція. Князь Тюфякинъ. Князь В. С. Голицынъ. Н. И. Кривцовъ). Стр. 186.

VIII. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1856 годовъ (Дѣло на Черной и князь М. Д. Горчаковъ). *И. И. Красовскаго*. Стр. 207.

IX. Неизданные стихи *А. С. Пушкина*. Сообщ. *М. В. Юзефовичемъ*. Стр. 221.

X. Неизданные стихи *Ѳ. И. Тютчева*. Сообщены *П. Д. Голохвастовымъ*. Стр. 223.

XI. Стихи *И. В. Кирѣевскаго* Мицкевичу, при поднесеніи ему кубка (1828) Стр. 223.

Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р. (съ пересылкою по 4 р. 50 к.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1874.

7, 8, 9
1874.
610 д

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874.

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816 — 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры.

Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.—Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горе отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.* — Записки *Хрщонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.*—Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго. — Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung. Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

XIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

(1874).

КНИГА ВТОРАЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(СЪ ГРАВИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

ПИСЬМО КНЯЗЯ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ХИЛКОВА КЪ АДЪЮТАНТУ ЧЕБЫШЕВУ ОТЪ ІЮЛЯ 1714 Г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО [1]).

(Князь Хилковъ былъ посланъ Петромъ въ Швецію въ то время какъ Карлъ XII подвигался къ Нарвѣ, поэтому былъ тамъ задержанъ и интернированъ въ Эребро. Это же письмо относится ко времени тайныхъ переговоровъ, которые тогда велись съ Россіею Шведами, недовольными правленіемъ Карла XII; переговоры были прерваны внезапнымъ появленіемъ Карла въ Швеціи изъ Бендеръ).

Какъ я замѣтилъ изъ ордеровъ ко мнѣ всемилостивѣйшаго Государя, что ихъ наконецъ нужно представить Сенату, то я ихъ тебѣ опять возвратилъ. Когда ты ихъ получишь, то препроводи какъ только возможно будетъ къ самой принцессѣ (Ульрикѣ). Ты, вѣроятно, по прочтеніи этихъ приказовъ, поймешь, что такъ какъ они подписаны самимъ Царемъ и запечатаны печатью его тайнаго кабинета, то ненужно ихъ отдавать Сенату, а ей самой. Ибо можетъ быть они (сенаторы) возмутъ пакетъ и потомъ отрекутся въ полученіи онаго. Но если она ихъ получитъ въ собственныя руки, то они не могутъ не исполнить приказанія Его Величества и отвезти меня въ Стокгольмъ; не думаю также, чтобы удержали этотъ пакетъ и возвратили мнѣ его назадъ. Почему ты долженъ отдать этотъ пакетъ съ тѣмъ уговоромъ, что такъ какъ онъ содержитъ точный ордеръ Его Царскаго Величества и подписанъ имъ собственноручно, и тебѣ переданъ съ приказаніемъ мнѣ вручить, то ты до сихъ поръ все меня ожидалъ и поэтому не показывалъ никому, чтобы онъ не могъ исчезнуть; но теперь, долго меня прождавши и увидѣвъ, что меня не пускаютъ въ Стокгольмъ, ты принужденъ отдать его самой принцессѣ и никому другому, чтобы избѣгнуть немилости Царя, которой ты могъ бы подвергнуться, еслибъ ты его далъ бы кому нибудь другому, и онъ впослѣдствіи бы затерялся. Наконецъ, ты долженъ настоять на томъ, чтобы ордеръ Его Величества былъ бы ко мнѣ посланъ, и требовать аудіенціи и чтобы меня отвезли въ Стокгольмъ, дабы я могъ бы исполнить этотъ ордеръ. Если сіе не будетъ исполнено и если Царь не получитъ отвѣта на свое предложеніе, то вѣроятно узнаютъ, что я не въ Стокгольмѣ, и тогда Шведскіе генералы за это поплатятся. Ибо Его Царское Величество не знаетъ, что я высланъ изъ Стокгольма, что̀ хорошо замѣтно изъ того же ордера, такъ какъ онъ адресованъ въ Стокгольмъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше бла-

[1]) Подлинное находится въ собраніи рукописей д-ра Вестина, въ Швеціи.

городіе, соблаговолите по сему дѣлу руководствоваться приказаніями Его Величества. Если тебя не допустятъ къ принцессѣ, то отправь этотъ пакетъ къ ея каммеръ-юнгферѣ Емеренціи Дюбенъ, съ тѣми словами какъ выше сказано, что ты можешь сдѣлать черезъ Спарвенфельта. Онъ ее знаетъ и если ты его объ этомъ попросишь, то, я думаю, что онъ тебѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ и переведетъ тебѣ содержимое въ пакетѣ на Шведскій языкъ, послѣ чего ты только дашь переписать другому Шведу. Потомъ ты передашь заразъ и переводъ и оригиналъ, такъ что изъ сего, полагаю, не произойдетъ никакой задержки. Когда они меня отпустятъ въ Стокгольмъ, ты съ удивленіемъ увидишь, какъ я тебѣ служилъ и впередъ намѣренъ служить, въ чемъ только я могу тебѣ быть нужнымъ. Я удивляюсь князю Трубецкому [2]). Онъ знаетъ, что ты сюда посланъ Царемъ и имѣетъ свободу пріѣхать изъ Сурбрунена (Surrbrunnen) въ Стокгольмъ, когда вздумаетъ, а все таки не ѣдетъ туда. Онъ здоровъ и, значитъ, могъ бы тамъ оставить и жену, и дѣтей, и самъ сейчасъ ѣхать сюда, чтобъ тебѣ помочь въ царскомъ дѣлѣ. Что же касается моего здоровья, передъ Богомъ и какъ всѣ люди и сами Шведы могутъ разсказать, я полумертвый. Но еслибъ мнѣ, какъ ему, дозволенъ былъ въѣздъ въ Стокгольмъ, когда угодно, и былъ бы я въ десять разъ нездоровѣе чѣмъ теперь, а услышалъ бы, что пріѣхалъ курьеръ, посланный Царемъ, я бы не медлилъ и часу, а поѣхалъ бы туда, хотя бы дѣло и не касалось меня лично, только чтобъ узнать что нибудь о моей родинѣ и чтобы ей послужить въ чемъ будетъ возможно. Любезный, пиши мнѣ относительно Шведскаго короля, гдѣ онъ теперь, и въ какомъ онъ положеніи, и ждутъ ли его домой. Здѣсь всѣ говорятъ, что онъ уже въ дорогѣ и въ Германіи. Съ этой почтой я послалъ просьбу, чтобъ меня бы отвезли въ Стокгольмъ. Узнай объ этомъ у Лильемарка. Я также послалъ къ тебѣ письмо для виду, какъ будто бы я прежде съ тобой не переписывался; почему я, ни въ просьбѣ, точно также какъ и въ письмахъ къ тебѣ, не упомянулъ объ ордерѣ Царя и что они ради того мнѣ дозволятъ пріѣхать въ Стокгольмъ, а только что я по ихъ приказанію въ моемъ письмѣ къ Царю ходатайствовалъ о Розенганѣ (Rosenhane). И болѣе ничего. Впрочемъ остаюсь твой слуга.

Князь Хилковъ.

Сатрабрунъ (Satrabrunn)
іюля 1714 г.

P. S. Прошу тебя написать отвѣтъ на все это, какъ скоро получишь это письмо; напиши что совершится по этому дѣлу. Еще говорятъ здѣсь, что генералъ-маіоръ Шлиппенбахъ вступилъ въ службу Царя и командуетъ эскадрой флота. Пиши мнѣ, правда ли это. Когда ты получишь это письмо въ складкахъ, то положи его подъ прессъ или въ книгу, то оно опять разгладится.

(*Сообщено А. А. Чумиковымъ*).

ПИСЬМО Е. И. КОСТРОВА КЪ СУВОРОВУ.

Сіятельный графъ, милостивый государь!

Полученное мною отъ Дмитрія Ивановича г. Хвостова письмо, въ которомъ изъясняетъ онъ удовольствіе и благоволеніе вашего сіятельства, въ

[2]) Князь Трубецкой, взятый въ плѣнъ при Нарвѣ, отецъ И. И. Бецкаго.

разсужденіи Оссіана *), правдивою восхитило меня радостію. Такъ, сіятельный графъ! Я не столько горжусь добротою перевода (много есть лучше меня переводчиковъ) сколько тѣмъ, что онъ украшенъ и возвышенъ знаменитымъ вашимъ именемъ, и притомъ имѣлъ счастіе удостоиться вашего вниманія и одобренія. Получить похвалу отъ героя, и отъ справедливаго дарованій судіи, есть счастіе для всякаго завидное, и тѣмъ болѣе, что я, посвящая вашему сіятельству посильный мой трудъ, руководимъ былъ однимъ только достодолжнымъ высокопочитаніемъ къ такому подвижнику, котораго имя и потомству будетъ любезно, драгоцѣнно, восхитительно. Я смѣло могу сказать:

Суворовъ почестей чрезъ подвиги достигъ
И грудью собственной трофей себѣ воздвигъ;
Не знать, что праздность есть, его отлична доля;
Онъ любитъ бодрствовать средь бранноносна поля.
Сынъ славы, чести сынъ, воспитанникъ побѣдъ,
Онъ правотой души въ восторгъ приводитъ свѣтъ;
Не раболѣпствуетъ онъ счастію слѣпому,
Но къ славѣ по пути онъ шествуетъ прямому;
Такъ я, поя ему Парнасскія хвалы,
Ужели заслужу завистной ядъ хулы?
Что́ мирный звукъ гласитъ, о томъ весь свѣтъ вѣщаетъ,
И струны онъ мои конечно оправдаетъ.
Героямъ ненужна ученыхъ хитра лесть:
Ихъ собственны дѣла имъ достодолжна честь.

Такимъ образомъ изъясняться въ разсужденіи вашего сіятельства за счастіе себѣ почту, хотя предъ цѣлымъ свѣтомъ: онъ удивленъ, онъ наполненъ геройскими вашими подвигами, а потому и мнѣ охотно отдастъ справедливость. Стократно я благополученъ, естли и впредь удостоюсь быть Музою, покровительствуемою вами и которой лира посвятится къ прославленію знаменитыхъ вашихъ дѣяній. Такъ, мой долгъ, моя честь, слава и счастіе быть всегда съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ, преданностію и признательностію вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшимъ слугою

Ермилъ Костровъ.

1792
Сентября 30.

(*Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ*)

*) Переводъ съ Французскаго, подъ заглавіемъ: Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка. 2 части. Москва, въ университетской типографіи, 1792 in 8. См. Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина. СПбургъ, 1828. стр. 522, № 6739. Подлинное письмо принадлежало правителю канцеляріи Суворова И. О. Курису, теперь же его внуку.

ПИСЬМО А. А. БЕСТУЖЕВА (МАРЛИНСКАГО) КЪ К. А. ПОЛЕВОМУ.

23 Ноября 1833.
Дербентъ.

Дорогой мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Сегодня я имянинникъ и сижу одинъ, больной, грустной. Мечты моего дѣтства машутъ около меня крыльями, но я ихъ вижу сквозь крепъ. Боже мой, куда дѣлись и зачѣмъ не могутъ воротиться хотя немногіе часы изъ минувшаго? Зачѣмъ хоть для обращика не оребячится вновь сердце, чтобы я могъ имѣть органы для прежней радости, органы давно огрубѣлые или вовсе утраченные. Воспоминаніе! Что такое воспоминаніе? Живая картина, но все картина, а не дѣйствительность, картина, у которой время кривитъ перспективу и уноситъ у насъ изъ подъ ногъ точку зрѣнія. Мысль простираетъ между было и есть желѣзный аршинъ свой и говоритъ: это мое, это твое.—Досадный раздѣлъ!.. Мысль принадлежитъ міру, чувство

мнѣ. Мысль братъ, чувство—любовница... Чувство сладостнѣе, горячѣе, нѣжнѣе мысли. Но Провидѣніе спаяло обѣ половины времени, сроднило оба эти существа, слило во едино жизнь и смерть; и эта связка, эта амальгама, это бытіе - гермафродитъ —Сонъ. Тамъ только солнце юности не только свѣтитъ, но и грѣетъ; тамъ только цвѣты любви прежней не только блистаютъ, но и благоухаютъ. Въ немъ, какъ въ котлѣ Медеи, младенѣетъ и сердце, и духъ нашъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ Шекспировскихъ вѣдьмъ, видимъ мы туманные облики будущаго; имъ переживаемъ порой то, чего не было и не будетъ, даже то, чего не могло быть и не можетъ статься. Но, о добрый другъ мой—блѣднѣютъ и самые сны, вянетъ солнце, тускнетъ небо грезъ моихъ.... Кажется, огромныя буквы неизмѣримой книги этой стираются; смыслъ чаще и чаще убѣгаетъ отъ понятія, образы сливаются съ туманомъ; ощущенія поражаютъ какъ тупыя стрѣлы, не какъ мечъ раскаленный.. Скажите, отъ чего это?—Неужели кровь моя стынетъ? Зачѣмъ же кипитъ еще мое сердце? Зачѣмъ сны на яву волнуютъ его, а оно не оживляетъ моихъ сновидѣній по прежнему? Да, въ эту ночь я видѣлъ себя ребенкомъ, видѣлъ отца моего, добраго, благороднаго, умнаго отца; видѣлъ, будто мы ждемъ его къ обѣду отъ графа Александра Сергѣевича Строганова, которой бывалъ имяниникъ въ одинъ день съ нами.... И всѣ заботы хозяйства, раскладка вареньевъ на блюдечки, раскупорка боченка съ виноградомъ, и столъ блестящій снѣгомъ скатерти, льдомъ хрусталя, и миндальный пирогъ съ сахарнымъ амуромъ посрединѣ, и себя въ новой курточкѣ расхаживающаго между огромными подсвѣчниками, въ которые ввертываютъ восковыя свѣчи, и все это видѣлось мнѣ точь въ точь какъ бывало. Но кругомъ было сумрачно, внутри меня холодно;—я былъ уже зритель, не дѣйствователь на этомъ праздникѣ. Я проснулся съ досадою.... И такъ лучъ мороза судьбы проникаетъ даже въ воображеніе, даже въ сонъ—горькое открытіе, горькое сознаніе!

Получилъ я 13-й номеръ Телеграфа и съ наслажденіемъ прочелъ главу Гюго. Cесі tuera cela; онъ великій мыслитель: другіе перебиваютъ мысль изъ его выжимковъ. Онъ звѣзда, прочіе спутники; но и онъ звѣзда-комета, звѣзда-предтеча. О, зачѣмъ не доживемъ мы до обновленнаго міра, послѣ потопа, уже вздувающагося! Въ разборѣ путешествія Бѣлявскаго вы говорите о могилѣ Менщикова. Знаете ли, что до 1827-го года не знали точно, гдѣ похороненъ онъ. Тобольской губернаторъ Бантышъ-Каменскій былъ въ Березовѣ, рылъ по преданіямъ въ 3-хъ мѣстахъ, и наконецъ нашелъ его, вовсе нетлѣннымъ отъ замерзшей почвы. Съ нимъ былъ хорошій портретъ Менщикова; нашлось, что и всѣ черты сохранились въ точности и въ свѣжести. Онъ былъ одѣтъ въ атласъ и бархатъ, съ черной скуфьею на головѣ. Желая сохранить что нибудь на память для потомка его г. а. Менщикова, Бантышъ-Каменскій срѣзалъ нѣсколько волосъ съ брови покойника и взялъ золотой съ груди крестикъ. Потомъ, отслуживъ панихиду, закрылъ могилу и означилъ ее крестомъ. Эта археологическая выходка дорого стоила археологу. На него былъ сдѣланъ безъимянный, доносъ въ кощунствѣ, якобы онъ смѣялся надъ трупомъ и вырѣзалъ у него глазъ. Велено сдѣлать слѣдствіе, со строжайшимъ

ему выговоромъ и хотя онъ оправдался, но ему замѣчено было, что любознательность его вовсе не умѣстна. Потомки Менщикова до сихъ поръ не сдѣлали никакого надгробія надъ славнымъ сподвижникомъ Петра, и прахъ человѣка, давшаго имъ милліоны, лежитъ подъ сосновымъ крестомъ, водруженнымъ чуждою рукою. Вотъ что́ значитъ опала.

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нашелъ въ Якутскѣ могилу Анны Гавриловны Бестужевой, умершей тамъ въ ссылкѣ съ вырѣзаннымъ языкомъ. На ней не было уже и креста. Могилы Войнаровскаго не знаютъ, но указываютъ на другомъ берегу Лены противъ Якутска, въ селеніи называемомъ Ярмонкою, мѣсто, гдѣ стояла его юрта. Для первой хотѣлъ я своими руками высѣчь камень, съ сердцемъ въ терновомъ вѣнкѣ по срединѣ; но прежде чѣмъ привезли хорошую плиту, я долженъ былъ выѣхать,—страдать за другими горами.

Если есть еще время, удержитесь печатать отказъ мой Смирдину. Онъ писалъ ко мнѣ; говоритъ, что сестра моя завѣрила его въ моемъ содѣйствіи, а мнѣ не хочется впутывать этаго чистаго имяни въ каверзы Петербургской журналистики. Я отвѣчаю ему, какъ онъ стоитъ, и сказалъ, что обращаю противъ него же оружіе, которымъ думалъ побѣдить меня. Онъ предлагаетъ мнѣ 300 р. за листъ, я требую 500. Зло уже сдѣлано, надобно наказать виновника. Это впрочемъ не помѣшаетъ мнѣ писать для васъ. Еслибъ у меня не было брата за Кавказомъ, которому нужны деньги, ибо онъ выходитъ въ отставку и расплачивается съ долгами, никогда бы я не написалъ ни строчки для людей, которые думаютъ купить мое перо еще въ гусѣ, и щиплютъ живаго.

Недѣли три не брался за перо: сборы къ смотру мѣшали, теперь присяду. Чтобъ втравить себя въ дѣльное, начну чѣмъ нибудь шуточнымъ. Во всякомъ случаѣ первое дѣло будетъ для васъ.

У насъ Мюриды (преданные) убитаго Кази-Муллы отъ голоду начинаютъ шалить не на шутку. Недавно увели цѣлое село съ людьми и скотомъ въ горы. Вельяминовъ добираетъ съ Чечны прошлогоднюю подать. Партіи разбойниковъ уводятъ и рубятъ Русскихъ дровосѣковъ, грабятъ даже офицеровъ; на будущій годъ должно ожидать усмирительнаго похода.

Благодарю за всѣ посылки. Ложки и ноты получилъ вчерась. Не посылаю поправокъ съ этой почтою, ибо не всѣ еще номера отыскалъ. Бѣда не велика, если и не напечатаются. 3-й томъ будетъ слишкомъ дороденъ, не расколоть ли его на двое? Въ 1825 году въ Августѣ есть мое письмо о Петергофскомъ праздникѣ. Оно вздоръ, но можетъ пригодиться въ добавку. Поцѣлуйте ручку у супруги вашей.

Вашъ душею Александръ Бестужевъ.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО. [1]

I.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

(Писано послѣ 1857 года).

Въ 1827 году въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому составить проектъ устава для цензуры книгъ иностранныхъ, находившейся въ вѣдѣніи сего министерства: ибо въ вышедшемъ тогда недавно (въ 1826 году) уставѣ о цензурѣ находились постановленія лишь для цензуры книгъ, издаваемыхъ въ Россіи.

По сему поводу министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ: дозволено ли будетъ при составленіи устава о цензурѣ иностранной не держаться въ точности правилъ устава 1826 года, на томъ основаніи, что цензура книгъ иностранныхъ, по многимъ соображеніямъ, не можетъ быть подчинена одинаковымъ со внутреннею цензурою правиламъ.

Въ слѣдствіе сего послѣдовала Высочайшая воля: не только не держаться устава о цензурѣ 1826 года, но и самый сей уставъ подвергнуть подробному разсмотрѣнію, не смотря на его недавнее обнародованіе.

Сія мудрая рѣшимость Государя была основана на томъ, что уставъ 1826 года былъ составленъ съ чрезвычайною поспѣшностію и даже, какъ слухи носились, бывшій тогда директоръ департамента народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, желая сколь возможно ускорить исполненіе по требованію Государемъ цензурнаго устава, поднесъ къ подписанію министра Шишкова готовый проэктъ, найденный въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, сочиненіе—знаменитаго Магницкаго, при пособіи Рунича. Сей уставъ, сверхъ необычайной стѣснительности всѣхъ мѣръ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ запрещались не только цѣлые роды сочиненій, но цѣлые отдѣлы наукъ; запрещалось не только что либо противное какому бы то ни было правительству, или какому бы то ни было вѣроисповѣданію, но философія, политика, геологія, вообще всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходитъ мыслію къ божеству; наконецъ, даже біографіи и мемуары и проч. т. п. Независимо отъ строгой цензуры, авторъ подвергался тяжкой отвѣтственности какъ за пропущенное цензурою и напечатанное, такъ и за представленное въ рукописи къ цензурному дозволенію.

Для сего сколь важнаго, столько и труднаго государственнаго дѣла былъ, по Высочайшему назначенію, образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Членами въ семъ комитетѣ, сколько помнится, были: Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Бенкендорфъ, кажется президентъ Академіи и другія лица. Главнымъ редакторомъ сего комитета былъ тогдашній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей, которыхъ когда либо имѣла Россія—Дмитрій Василье-

[1] См. выше, стр. 278.

вичъ Дашковъ *). Работы этого комитета были ведены весьма тщательно. Вопросъ о цензурѣ былъ разсмотрѣнъ съ истинно-государственной точки зрѣнія, а не въ границахъ полицейской, почти всегда ошибочной сферы; даже съ тѣмъ вмѣстѣ были зрѣло и глубоко обдуманы всѣ подробности цензурнаго дѣла, какъ относительно послѣдствій, которыя отъ нихъ могутъ произойти, такъ и относительно ихъ практическаго примѣненія.

Составленный на сихъ основаніяхъ разборъ постановленій устава о цензурѣ 1826 года встрѣтилъ естественно въ комитетѣ сильную оппозицію со стороны министра народнаго просвѣщенія Шишкова. На разборъ былъ написанъ отвѣтъ; на сей отвѣтъ натурально послѣдовали возраженія; словомъ, возникла полемика, выражавшаяся съ той и другой стороны огромными тетрадями. Сія полемика однакоже была весьма полезна, ибо дала поводъ къ разъясненію разныхъ вопросовъ о цензурѣ, еще весьма мало оцѣненныхъ положительно, а равно разныхъ мнѣній или лучше сказать фразъ, считавшихся по привычкѣ за непреложную истину, а между тѣмъ вошедшихъ въ правительственныя распоряженія и даже законы изъ источниковъ самыхъ противоположныхъ: изъ измѣнявшихся политическихъ обстоятельствъ и другихъ временныхъ, скоропреходящихъ случайностей, изъ ученія библейскихъ обществъ, изъ мистическаго направленія, изъ личныхъ козней Магницкаго, изъ блестящихъ фразъ графа Іосифа де-Местра и наконецъ даже изъ ученія Іезуитовъ, которыхъ пребываніе въ Россіи и, въ особенности воспитаніе, полученное у нихъ нѣкоторыми лицами, въ послѣдствіи дѣйствовавшими на службѣ, не осталось безъ вліянія на понятія, имѣвшія тогда ходъ въ нашей правительственной сферѣ.

Къ счастію, всѣ эти понятія, не только не примѣнимыя къ Россіи, но и вовсе ей чуждыя, не имѣли успѣха. Государю Императору благоугодно было, 1828 года Апрѣля въ 22-й день, утвердить составленный комитетомъ новый уставъ о цензурѣ, долженствующій (какъ выраженовъ предшествующемъ уставу указѣ) „замѣнить во всѣхъ частяхъ изданныя до „нынѣ по сему предмету узаконенія.“

Но должно замѣтить, что комитетъ 1827 и 1828 годовъ не счелъ возможнымъ ввести въ проектъ устава всѣ тѣ убѣжденія, къ коимъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія государственнаго вопроса о цензурѣ. Многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ, имъ установленныхъ и одобренныхъ Государемъ Императоромъ, до свѣдѣнія котораго была доводима вся полемика, происходившая въ комитетѣ.

Къ сожалѣнію, происшествія 1830 года, а въ послѣдствіи 1848 года дали поводъ не къ развитію цензуры въ смыслѣ комитета 1828 г., но къ разнымъ самопроизвольнымъ административнымъ распоряженіямъ, затемнившимъ ясность и опредѣлительность устава 1828 г., запутавшимъ цензурное дѣло разными не только безполезными, но вредными для самой цензуры формальностями; не говоримъ уже о гибельномъ ихъ дѣйствіи на развитіе наукъ въ Россіи. Всегда были люди готовые стяжать славу Магницкаго и Рунича и ихъ права на признательность Царя и Отечества. Эти люди соединяли несоединяемое:

*) Князь В. Ѳ. Одоевскій служилъ также въ этомъ комитетѣ занимая должность (если не ошибаемся) дѣлопроизводителя при Д. В. Дашковѣ. *П. Б.*

какой либо ничтожный недосмотръ цензора съ чужеземными событіями, не имѣвшими никакой связи съ бытомъ Русскимъ, съ безумнымъ болтаньемъ какого либо полупомѣшаннаго Француза или Нѣмца, — чтобы проводить, ради личныхъ своихъ житейскихъ выгодъ (разумѣется, подъ видомъ усердія къ общественному благу, и даже спасенію Отечества) разныя, вовсе ненужныя мѣры, опиравшіяся на какой либо временной случайности и которыя потомъ оставались уже постоянно, не смотря на то, что и помянутой предлогъ къ симъ мѣрамъ разсѣевался, какъ всякая фантасмагорія.

Посему, въ настоящее время, когда понятія о цензурномъ дѣлѣ прояснились и мы стали на настоящую государственную точку зрѣнія, было бы не излишнимъ обратить вниманіе на все дѣлопроизводство, бывшее въ комитетѣ 1827 года и которое должно находиться въ архивахъ частію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, частію въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Пишущій сіи строки не можетъ здѣсь войти въ подробности относительно цензуры вообще, ибо настоящее положеніе сего дѣла и возникшіе въ послѣднее время вопросы ему вовсе неизвѣстны; онъ ограничится лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

Обыкновенно говорятъ, что цензура есть труднѣйшая изъ задачъ въ системѣ государственнаго управленія. Это — совершенная правда. Но, кажется, не было еще довольно изслѣдовано: отъ чего именно зависитъ эта трудность; другими словами: съ чѣмъ должна бороться цензура?

Всякій чисто-полицейскій законъ имѣетъ дѣло съ опредѣленными, осязательными проступками человѣка, таковы: воровство, контрабанда, нарушеніе полицейско-медицинскихъ правилъ и проч. тому подобное. Цензура напротивъ должна бороться съ неопредѣлительностію человѣческаго языка и съ возможностію одному и тому же выраженію, даже слову, давать всѣ возможные смыслы. Здѣсь, а не индѣ, основа всѣхъ затрудненій, — а эта основа недоступна человѣческой силѣ. Полагать возможнымъ посредствомъ какихъ либо правилъ предупредить всѣ отступленія отъ цензурнаго устава все равно, что добиваться, посредствомъ какихъ либо правилъ, предвидѣть дѣйствія бури, наводненія, землетрясеній и прочихъ тому подобныхъ общихъ, естественныхъ явленій, не зависящихъ отъ воли человѣческой. Должно признать существованіе этой основной причины, сколь она ни печальна, и посмотрѣть прямо въ лице двумъ вопросамъ: „Что̀ можетъ сдѣлать цензура? Чего она не можетъ сдѣлать?“

Если никакой законъ, ни по какому предмету, не можетъ предвидѣть всѣхъ могущихъ представиться въ практикѣ случаевъ; то для цензуры это еще менѣе возможно: ибо, повторяю, она имѣетъ дѣло съ существами въ высшей степени неопредѣленными, каковы: самыя формы языка, фантазія сочинителей и мнѣніе публики. Законъ, который бы хотѣлъ предвидѣть и предупредить всѣ возможные случаи его нарушенія, достигъ бы цѣли совершенно ему противуположной, т. е. привелъ бы въ недоумѣніе исполнителей, при всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые законъ не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть. Въ цензурномъ дѣлѣ такое явленіе представляется на каждомъ шагу,

Изъ сего явствуетъ, что въ цензурномъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ не отъ писанныхъ правилъ и даже не отъ выбора ихъ исполнителей, т. е. цензоровъ; во всякое, такъ сказать, цензурное явленіе вмѣшиваются постоянно два вышеозначенные элемента: общее настроеніе литературы въ данную эпоху и общественное мнѣніе. Отъ сего происходитъ, что въ цензурномъ дѣлѣ вводятъ въ безпрерывное заблужденіе оптическіе обманы, отъ которыхъ необходимо себя предохранять прямымъ, добросовѣстнымъ и многостороннимъ воззрѣніемъ на предметъ.

Одна и таже фраза (какъ опытъ ежедневно показываетъ) можетъ показаться сегодня невинною, завтра предосудительною; чаще случается на оборотъ. Напримѣръ, нападали на разныя выраженія Нѣмецкой философіи, которыя, будучи отдѣльно взяты, по темнотѣ ихъ, могутъ быть растолкованы, особливо людьми спеціально не занимавшимися симъ дѣломъ, различно. Но спрашивается: какой вредъ могутъ произвести сіи фразы въ публикѣ, гдѣ едва ли полсотни людей занимаются этимъ предметомъ? Напротивъ, достаточно было одного названія извѣстнаго указа, чтобъ собрать на Сенатской площади, тому года два *), цѣлыя толпы людей. Все зависитъ не отъ того, что̀ авторъ написалъ и что̀ цензоръ пропустилъ, но отъ того, какъ публика поняла написанное.

Въ настоящее время всѣ журналы наполнены статьями объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и напротивъ запрещается то, что̀ бы говорило въ пользу крѣпостнаго состоянія. За нѣсколько лѣтъ было совсѣмъ наоборотъ: позволялись статьи въ пользу крѣпостнаго состоянія и если бы тогда кто рѣшился хоть слегка намекнуть о вредѣ крѣпостнаго состоянія, тогда люди, завидующіе славѣ Магницкаго, указали бы на сочинителя и на цензора какъ на нарушителей общественнаго спокойствія и подвели бы ихъ подъ какой угодно пунктъ закона.

Выводъ изъ этого явленія легко примѣняется ко всѣмъ другимъ. Такъ напримѣръ, сатира, существующая у насъ со временъ Кантемира, всегда представлялась чѣмъ-то опаснымъ. Многимъ изъ старожиловъ памятенъ ропотъ, поднятый Магницкими того времени, противъ Недоросля и Бригадира. Лишь покровительство императора Павла I-го могло позволить сочинителю Ябеды (правда, сильнѣйшей сатиры на чиновниковъ, когда либо существовавшей) обнародовать его произведеніе и спасло Капниста отъ преслѣдованія. На нашей памяти все что̀ говорилось противъ Горя отъ ума и Ревизора. Еще въ недавнее время нашелся господинъ, который, по усердію къ пользамъ Отечества, ходатайствовалъ о запрещеніи большей половины басней Крылова.

Все то что̀ говорили противъ вышеназванныхъ сатирическихъ сочиненій, повторяется и нынѣ противъ появляющихся сатирическихъ сочиненій, какъ наприм. Губернскіе Очерки, комедіи Островскаго и пр. т. п. Но спрашивается: государственная цензура можетъ ли раздѣлять понятія, выражающіяся въ семъ говорѣ нѣкоторыхъ людей и внушенныя часто или голосомъ раздраженной совѣсти, или удобствомъ выказать свое усердіе и благонамѣренность не трудомъ,

*) Намъ неизвѣстно это обстоятельство; пусть объяснятъ помнящіе. *П. Б.*

а легкимъ отыскиваніемъ и толкованіемъ фразъ въ неопредѣленномъ морѣ цензуры?

На этотъ вопросъ лучшій отвѣтъ можетъ дать публика. Какое вліяніе на нее производятъ сіи статьи? Полезное или вредное? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сіи статьи остановили многихъ на скользкомъ пути къ мошенничеству; публичность, данная тайнымъ злодѣяніямъ, считавшимъ себя совершенно обезопасенными, не осталась безъ вліянія по крайней мѣрѣ на молодыхъ людей, поступающихъ въ службу, для которыхъ до того безнаказанность старыхъ преступниковъ и торжество мошенничества, поощреннаго безгласностію, служили ядовитымъ примѣромъ. Полицейская цензура, имѣющая въ виду лишь прикрыть язву, чтобы ее не замѣтили, можетъ запрещать подобныя статьи; государственная цензура должна не только позволять, но и поощрять ихъ. Вообще четыре главные предмета, выраженные въ 3-ей статьѣ устава о цензурѣ 1828 года, а именно: вѣра, престолъ, нравственность и честь личная, могутъ служить вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки произведенія въ цензурномъ смыслѣ. Эти коренныя начала часто забываются людьми, ратующими противъ всякаго сочиненія несогласнаго съ ихъ собственными видами. Спросите ихъ, противъ котораго изъ сихъ четырехъ пунктовъ погрѣшаетъ указываемая имъ книга или статья; они весьма затруднятся отвѣтомъ и будутъ отвѣчать одними восклицаніями или неопредѣленными словами: предосудительно, неблагонамѣренно.

По моему убѣжденію, цензоръ, который, читая книгу, спроситъ самаго себя по совѣсти: противно ли прочтенное имъ сочиненіе одному изъ сихъ четырехъ пунктовъ: вѣрѣ, престолу, нравственности или личной чести и по совѣсти же дастъ себѣ отрицательный отвѣтъ, такой цензоръ, какъ равно и сочинитель, правы предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, что́ бы потомъ не говорили въ публикѣ о пропущенномъ сочиненіи: ибо угадать вліяніе на публику той или другой статьи невозможно ни цензору, ни какому либо другому человѣку, живущему въ семъ мірѣ; ибо сего вліянія угадать нельзя, и оно происходитъ не отъ того или другаго слова въ печати, но отъ общественнаго мнѣнія или, лучше сказать, отъ индивидуальнаго мнѣнія каждаго читателя, взятаго отдѣльно. Для иного человѣка съ кривымъ умомъ опасно чтеніе каждаго указа, печатаемаго въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Слѣдутъ ли изъ этого, что указы не должны быть обнародываемы? Кому неизвѣстно, что изъ полутораста существующихъ разныхъ христіанскихъ ересей каждая указываетъ на Св. Писаніе, какъ на подтвержденіе своего ученія? У насъ секта скопцовъ не указываетъ ли на извѣстное мѣсто Апостола Павла? Слѣдуетъ ли изъ этого, что должно раздѣлять сожалѣніе, одного нынѣ умершаго сановника, о слишкомъ большой извѣстности Евангелія, препятствующей его исправить или запретить вовсе *)?

Присовокуплю къ сему, что никакая строгая цензура, которая однако допуститъ же что либо къ напечатанію, не предупредитъ того что́ называютъ вреднымъ вліяніемъ на публику. Вотъ тому примѣръ на нашей памяти: извѣстный Польскій поэтъ Мицкевичъ,

*) См. выше стр. 727, въ Запискахъ графини Блудовой, *П. Б.*

живучи въ Москвѣ въ пріятельскомъ кругу Русскихъ литераторовъ, написалъ поэму Валенродъ, поэму самую невинную въ цензурномъ отношеніи. Дѣйствіе происходитъ въ Гренадѣ; есть сцена, гдѣ Мавры выходятъ изъ города и подъ видомъ пріязни обнимаютъ Испанцевъ, чтобы сообщить имъ заразу чумы. Во время предшествовавшее Польской революціи, Поляки нашли въ этой сценѣ указаніе ихъ народнаго поэта на то, какъ они должны поступать съ Русскими, т. е. прижимать ихъ къ груди, для того чтобъ погубить. Спрашивается, какое цензурное чутье могло бы угадать такого рода вредное вліяніе на публику?

Выше мы упомянули объ оптическихъ обманахъ, играющихъ столь важную роль въ толкованіяхъ о цензурѣ. Самый странный изъ этихъ обмановъ есть именно то, что называютъ вліяніемъ книги или статьи на публику. Спрашивается, гдѣ эта публика? Книга, наиболѣе расходящаяся у насъ въ Россіи, есть Календарь, но и его расходится, кажется, не болѣе 20 тысячь экземпляровъ. Журналы, имѣющіе у насъ наиболѣе подписчиковъ, суть Сенатскія Вѣдомости и Московскія. Число подписчиковъ на первыя намъ неизвѣстно; Московскія Вѣдомости имѣютъ, кажется, не болѣе 10 т. подписчиковъ. Другіе журналы — 5. 4. 3. 2 тысячи и менѣе тысячи подписчиковъ. Рѣдкая книга печатается у насъ болѣе одного завода, т. е. болѣе 1200 экземпляровъ.

Если положить въ Россіи число читающихъ 100 т. человѣкъ, то и въ этомъ числѣ надобно положить 90 т. читающихъ единственно Календарь и Сенатскія Вѣдомости. Для остальныхъ 10 т. трудится вся Русская литература и привозятся всѣ иностранныя книги.

Спрашивается, что значутъ 100 т. въ массѣ 75 милліоновъ, и можно-ли назвать эту сотню тысячь публикою?

На этомъ оптическомъ обманѣ основываются два болѣе вредныхъ: первый изъ нихъ есть отыскиваніе направленія, перешедшее къ намъ по прямой линіи отъ Іезуитовъ. По милости сего обмана, нѣтъ книги, нѣтъ фразы, которую можно было бы позволить и которую нельзя было бы не запретить, ибо оцѣнка направленія зависитъ единственно отъ взгляда цензора и степени его познаній. До сихъ поръ можно найти въ Коммерческой Газетѣ текущаго 10-тилѣтія извѣстія о томъ, что военный корабль, по выдержаніи карантина, поступилъ въ *торговую* практику. Это невѣроятное извѣстіе произошло отъ того, что цензоръ усумнился пропустить слово въ *вольную* практику, не подозрѣвая того, что это выраженіе находится въ самихъ законахъ. Цензоръ находилъ въ этомъ выраженіи какое-то опасное направленіе. Въ бумагахъ одного умершаго цензора найденъ, говорятъ, черновой проектъ объ исключеніи изъ сочиненій Державина Оды Богъ по ея направленію, будто-бы несогласному съ Священнымъ Писаніемъ.

Подобной участи подвергалась у насъ цѣлая наука, а именно геологія. Она не преподавалась въ училищахъ, книги объ образованіи коры земной запрещались на Русскомъ языкѣ и приводили въ недоумѣніе цензуру книгъ иностранныхъ. Цензоры отыскивали въ трудной номенклатурѣ сей науки, въ разныхъ формаціяхъ, согласны и несогласны-ли они съ тѣмъ что говорится у Моисея о сотвореніи міра.

Одно полное, невѣроятное невѣжество въ положительныхъ наукахъ

могло допустить нелѣпое предположеніе о томъ, что будто-бы геологія можетъ поколебать истину Св. Писанія, точно также какъ нѣкогда думали о Коперниковой системѣ или объ Линнеѣ, котораго классификацію обвиняли въ распространеніи безнравственности. Кажется, не дошло до свѣдѣнія гонителей геологіи, что она занимается образованіемъ коры земной, а отнюдь не сотвореніемъ міра и что этотъ предметъ совершенно различный, который не можетъ видѣть лишь тотъ, для кого всякая геологическая книга есть грамота недоступная и что напротивъ, геологія приравненная къ Пятикнижію (чѣмъ занимались немногіе) служитъ новымъ подтвержденіемъ вѣрности выраженій, находимыхъ у Моисея и слѣдовательно новымъ подтвержденіемъ истинъ Священнаго Писанія.

Какъ бы то ни было, это явная нелѣпость, происшедшая просто отъ незнанія предмета, имѣла весьма вредное вліяніе.

Нынѣ, какъ извѣстно, геологія играетъ важную роль въ разработкѣ государственныхъ богатствъ; она необходима не только въ горныхъ промыслахъ и золотыхъ пріискахъ, но глубокое, спеціальное знаніе сей науки необходимо при отысканіи каменнаго угля, при проложеніи желѣзныхъ дорогъ, при раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ, при устройствѣ дренажа и другихъ т. п. важныхъ производствъ.

Что же произошло у насъ въ Россіи (для которой надо было бы изобрѣсть геологію, если бы она не существовала) благодаря гоненію на сію науку? Геологія, составляющая насущный хлѣбъ каждаго промышленника въ странахъ, надѣленныхъ менѣе насъ земными богатствами, сдѣлавшаяся почти простонародною въ Германіи, Англіи и Франціи до того, что объ ней толкуетъ каждый порядочный земледѣлецъ, у насъ не существуетъ и развѣ извѣстна нѣсколькимъ академикамъ. Отъ того намъ должно было дожидаться Мурчисона, который подъ ногами у насъ указалъ мѣста нахожденія каменнаго угля. Англичане и Французы въ Крыму не могли надивиться его геологическому богатству, а еще болѣе тому, что объ немъ никогда не было и слышно въ ученомъ мірѣ; наконецъ, оказалась въ Россіи настоятельная потребность дренажа, требующая не только главныхъ распорядителей, но и множества исполнителей, и что же? Правительство вынуждено посылать въ чужіе краи людей учиться геологіи, и мы не будемъ имѣть дренажа, безъ котораго гибнутъ наши плодородныя степи, пока эти люди не выучатся.

Вотъ какимъ образомъ цензурное запрещеніе, основанное на невѣжественномъ мнѣніи, можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе не на 100 т. читателей, но на благосостояніе 75 мил.: ибо каменный уголь нуженъ всѣмъ, дренажъ также, а отъ разработки земли, основанной на геологическихъ данныхъ, зависятъ и государственные доходы.

II.

ЕЩЕ О ЦЕНЗУРѢ.

Я не буду повторять избитыхъ фразъ ни за, ни противъ цензуры. Обѣ стороны высыпали весь запасъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ аргументовъ.

Весь вопросъ состоитъ въ степени строгости цензуры и въ образѣ ея дѣйствія. По сему предмету постара-

юсь изложить, сколь возможно короче, результаты моихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ этимъ предметомъ.

1-е. Прежде всего надобно спросить себя: противъ чего можетъ дѣйствовать цензура? Противъ самой мысли, или противъ формы мысли? Ясно какъ дважды два четыре, что цензура, какъ и всякое отрицательное дѣйствіе, безсильна противъ появленія и распространенія самой мысли.

Здѣсь нужно охранить себя отъ весьма опаснаго оптическаго обмана. Обыкновенно думаютъ, что отъ книгъ переходятъ мысли въ общество. Такъ! Но только тѣ, которыя нравятся обществу; не нравящіяся обществу мысли падаютъ незамѣченными. Бо̀льшею частію книги (кромѣ книгъ геніяльныхъ, весьма рѣдко появляющихся) суть лишь термометръ идей, уже находящихся въ обществѣ. Разбить термометръ не значитъ перемѣнить погоду, а лишь уничтожить средство слѣдить за ея перемѣнами.

Тѣ или другія мысли являются въ обществѣ подъ вліяніемъ не книгъ, но тысячи многоразличныхъ и многосложныхъ, часто почти неуловимыхъ, причинъ. Рядъ событій политическихъ, судебныхъ, административныхъ, семейныхъ, ближе затрогиваютъ участіе публики, нежели всѣ явленія литературныя, интересующія немногихъ; и то что̀ называютъ мыслію распространенною въ публикѣ есть не иное что, какъ выводъ болѣе или менѣе точный изъ всѣхъ отдѣльныхъ толковъ, производимыхъ какимъ-либо происшествіемъ. Этотъ выводъ иногда формируется въ добромъ или худомъ словѣ, всего чаще въ эпиграммѣ, сказанной на ухо, которая идетъ во всѣ концы съ неимовѣрною быстротою, и... наростаетъ на пути.

Но скажутъ: нужно противодѣйствовать по крайней мѣрѣ тому, чтобы предосудительная мысль, хотя уже и зародившаяся въ обществѣ, не повторялась еще и въ книгахъ. Но возможно-ли это? При самомъ строгомъ надзорѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, между публикою и литературою устанавливается условный языкъ, и всѣхъ хитростей такого языка, особливо при нѣкоторомъ авторскомъ талантѣ, никакая полиція остановить не въ силахъ; а эти хитрости еще болѣе подстрекаютъ любопытство. Иная книга никѣмъ бы не прочлась, еслибы, неизвѣстно откуда, не пронесся слухъ, что въ ней скрыто нѣчто предосудительное. Извѣстно, что въ первыя времена реформаціи знаменитая книга: Epistolae obscurorum virorum была написана такъ искусно, что противники реформаціи были вполнѣ обмануты и въ первое время всячески старались распространить ее, пока не догадались, что эта книга—злѣйшая на нихъ сатира. Въ такомъ же родѣ была написана книга Макіавеля. Когда кому не давалось слово, то являлись другіе способы разговаривать съ публикою: отъ времени реформаціи остались мебели, домашняя посуда и проч. т. п., на которыхъ фигурныя изображенія, какъ послѣ догадались, были протестомъ противъ Латинской церкви, злѣйшими карикатурами и эпиграмами противъ лицъ, къ ней принадлежащихъ. Въ наше время, подъ мѣстоименіемъ „Er“ во всей Германіи понимаютъ не кого инаго какъ Людовика Наполеона: сто̀ило Кладерадачу пустить въ ходъ этотъ условный знакъ. Этого мало, при извѣстномъ настроеніи общества, оно умѣетъ отыскивать примѣненія къ текущимъ дѣламъ въ книгахъ, въ театральныхъ піесахъ, въ

картинахъ и проч., коихъ авторы вовсе не имѣли ничего подобнаго въ виду.

Вся разница между рѣзкою мыслію въ говорѣ и въ печати та, что, по самому свойству литературной рѣчи, эта мысль является на письмѣ въ формѣ болѣе благообразной и, какъ уже напечатанная, въ большей части случаевъ, или перестаетъ возбуждать говоръ, или порождаетъ другую мысль, противодѣйствующую первой и ослабляющую ея дѣйствіе. Примѣръ тому мы видимъ и въ нашей литературѣ: едва былъ запрещенъ Парусъ, какъ вышедшіе три нумера были раскуплены на расхватъ; ни одинъ журнальный голосъ не раздался противъ „Паруса“, потому что люди, желавшіе ему противодѣйствовать, были обезоружены запрещеніемъ этой газеты. „День,“ издающійся въ томъ же направленіи, сдѣлался напротивъ мишенью для нападокъ со всѣхъ сторонъ: неизбѣжная участь всякаго крайняго направленія. Кругъ читателей „Дня“, сколько извѣстно, весьма ограниченъ въ сравненіи съ другими журналами.

2-е. Полиція равно безсильна противъ вторженія мыслей извнѣ. Извѣстно, что дѣйствіе заграничной Русской прессы усиливается по мѣрѣ усиленія у насъ цензурной строгости и ослабляется по мѣрѣ ея снисхожденія. Съ того времени, какъ у насъ возможно съ бо́льшею свободою касаться общественныхъ вопросовъ, не только уменьшилось вліяніе „Колокола“, но самъ онъ уже начинаетъ выписываться и держится лишь напечатаніемъ разныхъ секретныхъ административныхъ актовъ. Будь „Колоколъ“ дозволенъ въ Россіи, и онъ бы имѣлъ гораздо менѣе подписчиковъ, нежели другіе журналы.

Нѣтъ сомнѣнія, что никому уже нынѣ не можетъ войти въ голову мысль о возможности, какими бы то ни было мѣрами, воспрепятствовать ввозу заграничной книги, а тѣмъ болѣе газеты, интересующей публику. Не забудемъ, что контрабанда постоянно ввозитъ предметы, гораздо болѣе громоздкіе: напр. чай, сахаръ, ковры, полотна и пр. т. п. Любой купеческій домъ за границею предлагаетъ Русскимъ ввезти что угодно, съ платою небольшой страховой преміи противъ таможенныхъ опасностей. „Колоколъ“ и другіе подобные листы, не смотря на всѣ предосторожности, или лучше сказать, по причинѣ этихъ предосторожностей, не только получаются, но и прочитываются во всѣхъ концахъ Россіи, даже тѣми, которые обыкновенно ничего не читаютъ. Если бы кто сталъ опровергать столь сильное распространеніе у насъ „Колокола“ и другихъ подобныхъ изданій, тому можно указать на существованіе шести (можетъ быть и болѣе) постоянныхъ центровъ печатанія Русскихъ книгъ за границею. Чѣмъ живутъ эти центры? Откуда берутъ они деньги на неимовѣрную плату, посредствомъ которой они пріобрѣтаютъ самые секретные акты? Отъ ста до тысячи фунтовъ стерлинговъ платится ими иногда за нѣсколько строкъ: это извѣстно въ цѣлой Европѣ.

Такъ было всегда и вездѣ, даже въ то время, когда еще не существовала нынѣшняя быстрота сообщеній. Костры инквизиціи, сожженіе книгъ рукою палача, страхъ наведенный, напр. въ Венгріи въ царствованіе Леопольда 1-го изысканіями Іезуитовъ, проникавшихъ въ такіе семейные тайники, куда не проникаетъ никакая полиція, ничто не могло остановить

ни печатанія, ни ввоза еретическихъ того времени книгъ.

Нынѣ самая строгая таможня—Бельгійская; лучшая, образованнѣйшая, опытнѣйшая полиція въ мірѣ—Французская.

Что́ же происходитъ? На Бельгійскихъ таможняхъ десятки досмотрщиковъ; пріѣзжаетъ поѣздъ съ сотнею пассажировъ; если полагать, что у каждаго пассажира лишь по одному ящику или дорожному мѣшку, то въ итогѣ сто мѣстъ. На таможенный досмотръ, по условіямъ желѣзной дороги, дается не болѣе получаса; въ результатѣ: осмотрятъ, то есть растеребятъ много-много половину всѣхъ мѣстъ, остальныя проѣзжаютъ недосмотрѣнныя.

Въ Парижѣ можно найти всѣ запрещенные нумера журналовъ (les numeros arrêtés à la frontière). На вопросъ, къ чему же комедія этого́ ареста, получаешь слѣдующій отвѣтъ: „Правительство очень хорошо знаетъ, что оно не можетъ остановить всѣхъ запрещенныхъ нумеровъ; оно́ въ дѣйствительности запрещаетъ лишь нумера адресованные къ подписчикамъ, разсчитывая лишь на одно, что эти нумера уже не пойдутъ обыкновеннымъ дешевымъ путемъ, а потребуютъ больше издержекъ со стороны издателей, или со стороны подписчиковъ; que cela indispose les abonnés contre les éditeurs du journal.“ *)

Недавній примѣръ служитъ подтвержденіемъ этого полицейскаго безсилія. Во Франціи, или внѣ ея, были напечатаны злѣйшіе стихи на Луи-Наполеона: „Le lion du quartier latin“, оканчивающіеся между прочимъ слѣдующимъ двустишіемъ:

Il veut manger du Bonaparte,
Le lion du quartier latin.

Экземпляры этихъ стиховъ были тщательно отыскиваемы и отбираемы полиціею. На маскерадѣ у Валевскаго, въ присутствіи всей царствующей фамиліи, Бачіокки (первый каммергеръ и любимецъ Луи Наполеона) одѣтый Персіаниномъ, раздавалъ дамамъ стклянки духовъ, конфетъ и другія бездѣлушки, частію выписанныя изъ Англіи. Что́ же оказалось, когда дамы ихъ развернули? Каждая вещь была завернута въ экземпляръ стиховъ: „Le lion du quartier latin“, за которые издатель и даже разнощикъ вѣрно бы отправился въ Каену, или былъ-бы посаженъ въ Мазасъ.

3-е. Состояніе этого дѣла въ настоящее время показываетъ, съ какою осторожностію надобно нынѣ приступать къ мѣрамъ стѣснительнымъ для книгопечатанія, чтобы не усилить того самаго зла, которое хотятъ отвратить. Что́ можетъ быть вреднѣе для правительства такихъ мѣръ, кои не только безплодны, но еще и достигаютъ совершенно противуположной цѣли!

III.

О МѢРАХЪ ПРОТИВЪ ЗАГРАНИЧНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Выходящіе за границею періодическіе и другіе листы и брошюры на Русскомъ языкѣ вредны не по однимъ общимъ понятіямъ ими распространяемымъ; эти понятія уже не для кого не новость, ибо разъясняются не столько посредствомъ письма и печати, сколько самими политическими происшествіями въ Европѣ, которыя говорятъ яснѣе всякихъ книгъ, и потому всѣ эти теоретическія бредни

*) Это возстановляетъ подписчиковъ противъ издателей журнала.

уже не производятъ того впечатлѣнія, какъ за десять лѣтъ передъ симъ. Эти листы наиболѣе вредны своею безнаказанностію и тѣмъ, что ихъ спокойное, періодическое появленіе указываетъ публикѣ на безсиліе правительства отстранить ихъ. Издаваемые въ земляхъ болѣе, или менѣе намъ враждебныхъ, запрещенные въ Россіи, они разомъ избавлены и отъ преслѣдованія нашего правительства, и отъ мѣстнаго суда, и отъ кары общественнаго мнѣнія.

Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ не только безплодность, но и очевидный вредъ безусловнаго запрещенія сихъ листовъ въ Россіи. Что̀ отъ сего происходитъ? Нѣтъ силы въ мірѣ которая бы могла нынѣ остановить контрабанду, при существованіи богатыхъ компаній, страхующихъ отъ опасностей за малую цѣну контрабанду и капиталистовъ; единственно занимающихся этимъ дѣломъ, при тайномъ покровительствѣ самаго правительства. Если въ маленькую землю, какова Бельгія, гдѣ министерство, въ угоду сильной оппозиціи протекціонистовъ, ничего не жалѣетъ на содержаніе огромной таможенной стражи, контрабанда входитъ безпрестанно,—то чѣмъ можно ее остановить на пространныхъ границахъ Россіи? Если всюду входитъ контрабанда самая громоздкая, какъ напр. чай, кофе, сахаръ и пр., то какъ не пройдти летучимъ листкамъ, занимающимъ весьма мало мѣста. А доказательство, что они дѣйствительно входятъ, невидимо для полиціи, то, что разные центры изданія Русскихъ листовъ за границею не только не уничтожаются, но умножаются съ каждымъ годомъ въ Англіи, Франціи и Германіи, покупкою со стороны однихъ Русскихъ путешественниковъ (коимъ и труднѣе провезти что либо, нежели систематически устроенной контрабандѣ); не образовались бы тѣ огромные барыши, которые привязываютъ иноземныхъ капиталистовъ къ этого рода спекуляціямъ. Извѣстно, что эти издательскіе центры платятъ баснословныя суммы за статьи имъ доставляемыя, что напр. Англійская компанія, и равно Times, платитъ отъ тысячи до двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ за какой-либо секретъ Русскаго правительства. Какой надзоръ, какія денежныя средства могутъ противодѣйствовать такимъ сообществамъ, гдѣ соединены и находчивость, и ловкость оборотовъ, и огромные капиталы, и тысячи людей, матеріально заинтересованныхъ; ибо для этихъ торговыхъ центровъ не существуетъ собственно направленія, они принимаютъ все что̀ только можетъ раздразнить любопытство: и анархическія статьи, и іезуитскія, и пасквили. Невозможнымъ запрещеніемъ лишь раздражается общее любопытство, и сверхъ того рождается въ публикѣ самое вредное убѣжденіе, что стало быть тутъ сущая правда, если запрещается. Здѣсь исторія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, съ тою разницею, что нынѣ и больше печатается, и торговая оборотливость достигла изумительнаго совершенства. Когда жгли на кострахъ и книги, и сочинителей, и читателей запрещенныхъ книгъ, и тогда эти книги расходились; тому явное доказательство существующія по нынѣ во всѣхъ библіотекахъ (болѣе нежели другія позволенныя), именно будто-бы сожженныя въ среднихъ вѣкахъ книги. Существуетъ огромный словарь: Des livres condamnés au feu. Этотъ словарь составленъ по книгамъ донынѣ существующимъ, и самый Index librorum prohibitorum, издавав-

шійся въ Римѣ, составленъ частію (для старинныхъ книгъ) по этому словарю, слѣдственно при увѣренности, что эти книги существуютъ. Въ наше время, во Франціи, гдѣ полиція огромная, составленная большею частію изъ людей образованныхъ, нѣкоторые нумера иностранныхъ журналовъ запрещаются съ единственною цѣлію произвести въ подписчикахъ неудовольствіе на редакцію тѣхъ журналовъ, pour déranger les affaires des éditeurs *): ибо подписчики уже не получаютъ этихъ нумеровъ по почтѣ въ опредѣленное время, но должны, если хотятъ, покупать ихъ отдѣльно и днемъ позже. Всѣ останавливаемые, отбираемые у неопытныхъ или добросовѣстныхъ путешественниковъ, можно легко получить не только въ провинціяхъ, но въ самомъ Парижѣ.

Отъ запрещенія одинъ результатъ: люди, владѣющіе перомъ, которыхъ противодѣйствіе иноземно-русскимъ листамъ было бы спасительно, остаются безгласными: ибо, если до нихъ и доходятъ эти листы, они не могутъ писать противъ нихъ по существующей у насъ цензурной формальности, запрещающей писать о книгахъ, не впускаемыхъ въ Россію; да оно было-бы и неудобно: отвѣтъ (кажется Муравьева) на книгу о Русскомъ духовенствѣ былъ принятъ съ общимъ негодованіемъ, какъ обвиненіе, основанное на томъ, чего никто повѣрить не можетъ. Сверхъ того многіе боятся писать противъ враждебныхъ листовъ уже и потому, чтобы у нихъ не спросили: гдѣ они достали эти листы?

Отсюда странное явленіе; враждебные намъ листы прикрываются какъ бы самимъ правительствомъ отъ единственно-опаснаго имъ противодѣйствія, и анархическія теоріи Герцена, клеветы Петра Долгорукова и др. преспокойно и безнаказанно распространяются въ толпѣ; что̀ еще хуже, служатъ какъ-бы закваской для дальнѣйшихъ толкованій: ибо въ публикѣ, нерасположенной къ какой либо мѣрѣ, или къ какому либо государственному лицу, одно слово, одинъ намекъ, переходя изъ устъ въ уста, растетъ на пути и наконецъ обогащается такими прибавленіями, которыя бы не пришли въ голову ни Герцену, ни Петру Долгорукову. Спокойное, безспорное дѣйствіе Іезуитскихъ книгъ Гагарина, Мартынова (нынѣ умершаго) и другихъ, можетъ быть, еще болѣе опасно: ибо эти книги, издаваемыя въ формѣ душеспасительныхъ бесѣдъ, даже въ видѣ молитвѣнниковъ (какъ напр. Сокровище Христіанина) проникаютъ въ среду и тѣхъ людей, коихъ бы возмутили анархическія бредни. Говорятъ даже, что существуютъ іезуитскія книги, распространяемыя между раскольниками.

Какое вредное дѣйствіе можетъ имѣть безусловное запрещеніе враждебныхъ намъ книгъ, то доказывается между прочимъ слѣдующими фактами: въ послѣднюю кампанію въ журнальныхъ статьяхъ, написанныхъ съ цѣлію раздражить публичное мнѣніе противъ Россіи, замѣчались къ удивленію нѣкоторыя данныя изъ Русской Исторіи, не вполнѣ нелѣпыя, но весьма ловко искаженныя, со всею внѣшнею обстановкою исторической точности. Эти свѣдѣнія почерпались изъ Исторіи Польши Ходзька, человѣка весьма ученаго и ловкаго, который подъ видомъ Исторіи Польши написалъ просто Русскую Исторію, искусно обработавъ въ своемъ смыслѣ все что̀ могло бы служить къ чести Русскаго имени: исторія Гермогена, Фи-

*) Чтобы разстроить дѣла издателей.

ларета Романова обезображена самымъ искуснымъ образомъ. Мининъ и Пожарскій представлены въ видѣ мятежниковъ и пр. т. п.

Эта книга Ходзька, имѣвшая множество изданій въ разныхъ видахъ, постоянно у насъ запрещалась, и слѣдственно никогда хитрая ложь Польскаго историка не была обличена и опровергнута со стороны нашихъ историковъ и потому считается во всей Европѣ, и въ особенности Поляками, такой истиной, противъ которой мы ничего и сказать не можемъ.

Другой примѣръ: такъ называемое завѣщаніе Петра 1-го, изобрѣтенное въ Парижѣ въ 1811 году по распоряженію Наполеона, съ тѣхъ поръ было употребляемо постоянно, какъ политическое орудіе для возбужденія общихъ опасеній противъ Россіи, и въ такихъ случаяхъ, какъ и въ послѣднюю войну, это завѣщаніе повторяется въ разныхъ изданіяхъ,—его цитовало даже Англійское министерство въ Парламентѣ. Всѣ книги, въ коихъ помѣщалась эта наглая выдумка, какъ враждебныя намъ, постоянно запрещались, и по сей причинѣ никогда ни одною строкою эта ложь не была обличена; оставаясь секреномъ для тѣхъ, кто бы могъ вывести не на чистую воду,—она, какъ безспорно признаваемая нами истина,—дѣйствовала противъ насъ въ общемъ мнѣніи самымъ гибельнымъ образомъ. Должно вспомнить, что Пальмерстонъ, оправдывая послѣднюю войну, всегда ссылался на общій голосъ и на опасенія всей Европы, а эти опасенія имѣли началомъ выдумку, о которой мы промолчали, какъ бы въ знакъ согласія.

Наконецъ въ настоящее время у насъ запрещено новое изданіе Michaud Biographie universelle въ 30-ти томахъ (какъ запрещались и всѣ прежнія), т. е. другими словами у Русскихъ писателей отнята возможность не только знать всѣ клеветы на насъ взводимыя, но даже справиться съ данными, на кои будутъ ссылаться наши противники по словарю Мишо, который подъ рукою у всей Европы. Должно убѣдиться, что время для однихъ чисто-запретительныхъ мѣръ прошло; онѣ были возможны и до нѣкоторой степени дѣйствительны, когда въ Европѣ преобладало монархическое начало, когда всѣ правительства Европы дѣйствовали согласно, и книга-запрещенная въ одной странѣ не находила входа и въ другую, когда сообщенія между странами были рѣже и затруднительнѣе — но то ли нынѣ? Къ чему повели всѣ наши дипломатическія сношенія относительно враждебныхъ намъ Русскихъ книгъ?—Въ самомъ Берлинѣ, послѣ усиленныхъ настояній нашего посольства, сняли на нѣсколько времени Колоколъ и другія тому подобныя вещи съ наружныхъ выставокъ книжныхъ магазиновъ; но все это преспокойно было выставлено внутри магазиновъ, какъ и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и эта полумѣра лишь возбуждала самыя оскорбительныя для нашего посольства насмѣшки въ Нѣмецкой публикѣ.

Спросятъ: неужели же открыть совершенно ввозъ враждебныхъ намъ изданій?—Нѣтъ! Но противъ новыхъ золъ нужны новыя средства, когда опытъ доказываетъ, что прежнія мѣры вполнѣ безплодны и приводятъ именно къ тому результату, противъ котораго они направлены.

Общее правило во всякой борьбѣ употреблять оружіе равное оружію противника.

Вотъ оружіе которое, по нашему мнѣнію, будетъ успѣшнѣе всѣхъ другихъ.

1-е. Противъ враждебныхъ Русскихъ изданій употребить точно такія же и столь же разнообразныя изданія. Напр. можно бы начать съ біографій Герцена, Огарева, Петра Долгорукова, Гагарина, Юрія Голицына и проч. Такія біографіи о людяхъ, имѣющихъ извѣстность, но все таки загадочную для иностранцевъ, съ радостію бы издали тѣже самые Лондонскіе, Парижскіе и Нѣмецкіе спекуляторы: ибо сіи біографіи имѣли бы большой расходъ. Оцѣнка сихъ господъ, написанная ловко, забавно и безъ всякихъ личностей, уничтожила бы на половину дѣйствіе ихъ изданій на публику.

2-е. Книжки въ отвѣтъ Іезуитскимъ могли бы быть написаны предварительно духовными лицами, потомъ исправлены сообразно мірскимъ требованіямъ и въ такомъ же видѣ, на разныхъ языкахъ и по столь же дешевой цѣнѣ, продаваемы въ Парижѣ у того же Франка, а равно во всѣхъ протестантскихъ книжныхъ лавкахъ, которыя бы съ радостію приняли всякое обличеніе противъ Іезуитовъ и папистовъ. Должно замѣтить, что протестантскія общества во Франціи и Бельгіи, не говоря уже о Германіи, не оставляютъ безъ отвѣта ни одной самой мелкой брошюрки со стороны папистовъ; эти отвѣты печатаются въ громномъ количествѣ и не только продаются по дешевымъ цѣнамъ, но даже раздаются даромъ. Протестантскія общества печатаютъ свои возраженія въ такомъ огромномъ размѣрѣ потому, что Іезуиты, владѣя денежными средствами, прежде скупали книги своихъ противниковъ для сожженія; такъ они поступили и въ отношеніи къ брошюрамъ Хомякова, которыя весьма испугали папистовъ. Протестанты, числомъ разныхъ изданій, подъ тысячами наименованій, и числомъ экземпляровъ, уничтожили мѣру уничтоженія, употребленную папистами. Но для того, чтобы нашлись люди въ Россіи, способные и талантливые, для борьбы съ людьми такими же талантливыми и ловкими, какъ напр. Гагаринъ и Герценъ (ибо по заказу талантъ не сотворится) необходимо дать нашимъ ратникамъ доступъ къ оружію, другими словами снять съ враждебныхъ намъ книгъ безусловное запрещеніе и позволить писать противъ нихъ. Такія книги (какъ дѣлалось въ Австріи въ самое мирное время) могутъ даже, если угодно, подъ росписку выдаваться людямъ извѣстнымъ правительству, или коихъ положеніе въ свѣтѣ служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ, что они не употребятъ во зло дѣлаемаго имъ довѣрія. Для сего достаточно было-бы возобновить прежде существовавшее право академиковъ, профессоровъ *), членовъ ученыхъ обществъ, вообще писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ—выписывать заграничныя книги безъ цензуры.

Должно имѣть въ виду и то, что въ иныхъ случаяхъ для людей, рѣшившихся на такую борьбу, нужно будетъ иногда и денежное пособіе; за успѣхъ всякой книги ручаться нельзя, а всякое изданіе требуетъ затраты капитала.

Независимо отъ этой самой дѣйствительной мѣры, можетъ быть принято:

---

*) Это право сохранено нынѣ для университетовъ и академій какъ мѣстъ, но именно по этой причинѣ, они мало пользуются этими правами.

3-е. Призывъ къ суду въ Англіи, во Франціи, въ Германіи. Конечно не правительство должно удостоить этихъ господъ чести судебнаго и всякаго другаго съ ними состязанія; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы частный человѣкъ позвалъ къ суду или сочинителя, а въ его отсутствіе издателя или типографщика (напр. Франка въ Парижѣ) за клевету (procés en calomnie), то при помощи хорошаго адвоката (которому надобно хорошо заплатить) виновный (какъ это было недавно съ Mirecourt) могъ бы подвергнуться и пѣни, и тюремному заключенію, и платежу [весьма значительныхъ судебныхъ издержекъ. Одинъ такой примѣръ охладилъ бы усердіе спекуляторовъ, и имя клеветника, calomniateur, публично было бы присвоено сочинителю. Не должно думать, что эти господа встрѣтятъ симпатію судей; еслибы дѣло шло о принципахъ процессъ былъ бы проигранъ; но, ограниченный размѣромъ иска на клевету, онъ привлекъ бы на свою сторону даже и противниковъ Россіи, если предположить ихъ между судьями.

(Статья не конченная).

IV.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ.

Писано въ 1868 году.

Совершилось семилѣтіе великаго Царскаго дѣла. 19 Февраля! Сколько высокихъ, отрадныхъ чувствъ соединяется въ этихъ двухъ словахъ. Невольно мысль обращается къ вопросу: что было-бы съ нами, еслибы 19-е Февраля 1861 года прошло безслѣдно? На этотъ вопросъ всего лучше отвѣчали враги Россіи. Да! Они съ разу поняли то, что мы выразумѣли лишь постепенно, въ теченіе семилѣтняго опыта. Вспомнимъ знаменательныя явленія въ иностранной, враждебной намъ печати 1861, 1862 и слѣдующихъ годовъ. Вспомнимъ ея безсильный скрежетъ зубовный при этомъ новомъ улучшеніи нашего быта. Какъ быстро враги наши смекнули, что безъ 19-го Февраля 1861 Россія слабѣла бы болѣе и болѣе и наконецъ могла бы сдѣлаться доступною добычею для хищныхъ вороновъ, волковъ... Враги наши горько обвиняли свои правительства въ недостаткѣ прозорливости, въ упущеніи времени; они указывали на крѣпостное состояніе, какъ на смертоносную язву Россіи, которую западная политика была обязана поддерживать и растравлять всѣми силами. „Что вы медлили,— говорилъ одинъ публицистъ, преданный или проданный шляхетской крамолѣ, — надобно было воспользоваться ударами, нанесенными Россіи Крымскою войною, воспользоваться давнимъ, наболѣвшимъ недовольствомъ крѣпостнаго населенія, и тогда же подкрѣпить нашу любезную, феодальную, католическую Польшу—на пагубу Россіи. Теперь все кончено! Въ Россіи уничтожено рабство, въ Россіи независимый гласный судъ, освобожденная печать, земскія учрежденія. Дѣйствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ Россія окрѣпла. Въ недальнемъ будущемъ она залѣчитъ всѣ нанесенныя нами ей раны, ея силы умножатся всетеро, распространится въ ней просвѣщеніе, разработаются ея естественныя богатства, новая пугачевщина сдѣлается немыслимою, а на нее Западъ всегда могъ разсчитывать.“ За тѣмъ обыкновенно шли нелѣпыя разглагольствія о такъ называемомъ завѣщаніи Петра 1-го *) или о томъ, что не крестьяне приво-

*) До нынѣ Западъ не вѣритъ или не хочетъ вѣрить, а мы не довольно часто повторяемъ ему, что этотъ знаменитый документъ былъ просто на просто сфабрикованъ Парижскою тайною полиціею въ началѣ 1812 года и былъ пущенъ Бонапартомъ въ родѣ авангарда его великой арміи. Не только во время Крымской кампаніи, но еще, кажется, въ прошедшемъ году, одинъ благородный лордъ, въ доказательство непремѣннаго намѣренія Русскихъ отнять у Англичанъ Индію, ссылался на завѣщаніе Петра 1-го. Трудно рѣшить, что въ этихъ заявленіяхъ сильнѣе: обычное ли невѣжество Англійской аристократіи, или ея обычная безнравственность. А наши Репетиловы еще называютъ этихъ господъ лучшими людьми, забывая Исторію отъ Спарріотовъ вплоть

дили къ Русскимъ постамъ мятежныхъ шляхтичей, а переодѣтые солдаты, которые, вѣроятно, подвязывали себѣ маскерадную бороду; но западная политика открыла эту коварную махинацію!

Мы говоримъ исключительно объ иностранцахъ; ибо не хотимъ вѣрить, чтобы нашелся хоть одинъ Русскій, для котораго 19-е Февраля не было бы днемъ горячей, искренней молитвы за Царя, даровавшаго свободу двадцати-миліонному населенію; хотя одинъ Русскій, непонимающій, что крѣпостная барщина лежала какъ чурбанъ между самыми благими мѣрами и дѣйствительностію. Правда, по нѣкоторымъ признакамъ, должно заключить, что и у насъ въ семьѣ не безъ урода, что есть между нами какая-то горсть запоздалыхъ рыцарей Польской справы. Физіономію этихъ господъ можно видѣть на превосходной, трогательной картинѣ, выставленной въ Московскомъ экзерцизгаузѣ. Между тѣмъ какъ вокругъ Царя-освободителя тѣснятся благодарные Русскіе люди всѣхъ званій, въ сторонѣ виднѣется пара Искаріотовъ: ихъ губы стиснуты, глаза горятъ безсильнымъ бѣшенствомъ; они чуятъ, что ихъ время прошло, что быдло ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, что ускользаютъ, увы! тѣлежные, покопытные, поколѣнные и другіе цѣпные патріархальные сборы, и словомъ всѣ сладости самоуправства. Говорятъ, что будто бы есть и между нами люди, которые хотя не родились Поляками, но шляхтичи по направленію, изучающіе рыцарскіе пріемы въ лакейскихъ знатныхъ пановъ. Если есть такіе несчастные, то въ этотъ великій день да простятся имъ грѣхи ихъ, покуда грѣхи невѣжества и легкомыслія. Если кто либо изъ нихъ, въ преступномъ самозабвеніи, мечтаетъ о возможности тайною крамолою поколебать дѣло 19-го Февраля, во всѣхъ благодатныхъ преобразованіяхъ оставить слова и украсть смыслъ, подпилить понемногу всѣ благія послѣдствія великаго дня: гласный и для всѣхъ равный судъ, независимость судей, земское хозяйство, свободную печать, потрясти довѣріе къ правительству, возбудить раздоръ между сословіями присвоеніемъ тому или другому неузаконенныхъ правъ, словомъ (какъ бы досадуя на общее довольство и спокойствіе) стараться кутить и мутить во что бы ни стало: то все это продлится недолго, и наши торіи-Хлестаковы скоро образумятся самою сущностію дѣла. Не семибоярщины же, не удѣльной же системы они добиваются. Или и эта мысль входитъ въ ихъ пустопорожнія головы? Несчастные вертопрахи, которые промышляютъ запугиваньемъ, сами наконецъ испугаются, видя, что всѣ ихъ продѣлки могутъ имѣть лишь два слѣдствія: въ настоящемъ—презрительное негодованіе, въ будущемъ—клеймо позора. Не желаемъ имъ ни того, ни другаго, а только предостерегаемъ; ибо что до насъ касается, то мы вмѣстѣ съ цѣлою Россіею убѣждены и умомъ, и чувствомъ, что всякія преступныя надежды какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ Россіи разобьются о ту силу, которой, кажется, они еще хорошенько и не поняли. Эта сила: здравый смыслъ народа, вразумляемый любовью и благодарностію къ Великому Виновнику настоящаго благоденствія Россіи. Предъ этой силой ничтожны и всѣ недоразумѣнія, неизбѣжныя въ поступательномъ ходѣ обширнаго государства: ошибки исправляются, затрудненія проходятъ, а добро остается и пускаетъ сильные, благодатные корни. Слава, слава благодатному царствованію, украсившему жизнь нашу повсюднымъ довольствомъ и повсюднымъ безмятежнымъ развитіемъ!

до Критянъ включительно. Впрочемъ вѣдь и наше элегантное невѣжество постоитъ за себя.

V.

НАБРОСКИ И ЗАМѢТКИ.

Идеализмъ въ народѣ является большею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ, пониманія ихъ. Нѣмецъ понимаетъ и Россію, и Францію, Русскій—Германію и Францію,

Французъ—ничего, кромѣ Франціи; это не сила національная, а простой недостатокъ идеальности, отвлеченія вообще и отвлеченія себя отъ извѣстной среды. Что́ не на Французскій ладъ, то Французу кажется и глупымъ, и нелѣпымъ, и даже невозможнымъ. Русскій есть Французъ плюсъ идеальность и минусъ дѣятельности и фантазіи. Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣческое вообще, полупросвѣщеніемъ—лишь національность, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ.

*

Древніе столь же старались найти механизмъ для импровизацій музыканта (столь нынѣ обыкновенныхъ), сколько мы ищемъ механизма для импровизаціи мыслей, еще не перешедшихъ въ опредѣленное слово.

*

Историческіе факты. Въ Сѣв. Пчелѣ 1861 года, 2 Окт. № 218, стр. 807. Восшествіе на престолъ въ Мадагаскарѣ короля Ранута послѣ королевы Ранавало, его матери, при чемъ претендентъ, двоюродный братъ короля Рамбусаламъ, былъ убитъ въ то самое время, когда ночью онъ шелъ въ храмъ—провозгласить себя. Ни дать, ни взять исторія Анны Леопольдовны и Елисаветы Петровны.

*

Покровительство нашей публики отечественнымъ талантамъ похоже на искусственную выводку цыплятъ. Посадятъ, держатъ подъ такимъ-то градусомъ Реомюра, ни больше, ни меньше... Птичка вылупилась, ищетъ по инстинкту теплаго материнскаго крыла и находитъ лишь стѣнки деревяннаго ящика; умретъ—пожалѣютъ... если замѣтятъ.

Выборъ людей. У насъ часто люди съ томами государственныхъ соображеній думаютъ, что если человѣкъ способенъ на дѣло, то нѣтъ нужды до его нравственнаго достоинства; и въ томъ злая и опасная ошибка. Лишь нравственныя достоинства: честность, добросовѣстность, искренность пріобрѣтаютъ уваженіе въ толпѣ, какіе бы мимоходящіе или отдѣльные толки ни были. И когда приходятъ минуты, гдѣ нужно слово для успокоенія толпы, для....

*

Художество. Въ художествѣ сло́ва мы находимъ всегда два элемента: объективный (предметъ какъ есть) и субъективный (какъ предметъ понимается художникомъ). Въ художествахъ пластическихъ преобладаетъ элементъ объективный. Микель Анджело, Сальваторъ Роза, Рафаэль рисуютъ, какъ бы ихъ индивидуальность ни разнствовала, дерево деревомъ, человѣка человѣкомъ. Въ художествѣ звука, напротивъ, объективность почти исчезаетъ: грусть Баха не грусть Гайдна, радость Гайдна не радость Бетховена: субъективный элементъ преобладаетъ.

*

Искусство. По замѣчанію Станлея (Stanley, Lecture of the Erstern Church) фетишъ, чтобы возбудить обожаніе, долженъ непремѣнно быть безобразнымъ. Художественное произведеніе не производитъ такого обожанія: ибо въ художествѣ, какъ проявленіи высшей степени духовнаго организма, нѣтъ элементовъ для суевѣрія.

Онъ же говоритъ, что въ Абиссинской церкви, оставшейся наиболѣе недвижимою, сохранились еще кивотъ

завѣта, чествованіе Субботы, пляска въ церкви, и Пилатъ причтенъ къ лику святыхъ.

*

Крѣпостное состояніе. Въ 1843 году производилось въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло о корнетѣ Логофетѣ, растлившемъ 16-ти лѣтнюю крѣпостную свою дѣвку, прибивъ отца и угрожая семейству. Разумѣется, доказательствъ насилія (свидѣтелей крика изнасилованной, кровавыхъ знаковъ, синихъ пятенъ, требуемыхъ закономъ) не было. Три члена, придерживаясь буквы закона, присуждали Логофета лишь въ солдаты; другіе 28, и въ томъ числѣ Государь Наслѣдникъ, принимая во вниманіе злоупотребленіе власти помѣщичьей, приговаривали къ каторгѣ. Въ отмѣткахъ на мнѣніе Государственнаго Совѣта Николай I-й написалъ: „При существующемъ положеніи нашего гражданскаго устройства необходимо, чтобъ помѣщичья власть обращена была единственно на благо своихъ подданныхъ-крѣпостныхъ. Злоупотребленіе же сей власти влечетъ за собою униженіе благороднаго званія и можетъ привесть къ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ“. На мнѣніи Совѣта, поднесенномъ на собственноручную конфирмацію, Николай 1-й написалъ: „Мнѣніе это переписать такимъ образомъ, чтобы злоупотребленіе помѣщичьей власти было поставлено главною причиною приговора“.

*

Литература. Наши литературныя брани носятъ на себѣ вполнѣ характеръ той минуты въ кулачныхъ бояхъ, когда, вмѣсто того, чтобъ идти стѣна на стѣну пускаются въ распашную, то есть-бей, кого ни попадя, за что, про что-неизвѣстно, а такъ, ради своего молодечества или, правильнѣе, младенчества.

*

Матеріализмъ. Трудно фактами опровергнуть утвержденіе матеріалистовъ, что то, что́ мы называемъ душою, есть не иное что, какъ продуктъ нашей организаціи, и что, слѣдственно,—уничтожился организмъ, уничтожился и продуктъ. Но есть возраженіе противъ матеріалистовъ весьма сильное: они не могутъ отрицать того факта, что многія болѣзни проистекаютъ единственно отъ моральныхъ причинъ. Горе дѣйствуетъ на кровь, на сердце, на пищевареніе. Горячка съ пятнами, поразившая разомъ трехъ лицъ дома Монтемолиновъ Испанскихъ, была, по свидѣтельству врачей, слѣдствіемъ огорченій. Да и не одинъ этотъ примѣръ. Слѣдственно идея, существо нематеріальное, дѣйствовала на матерію; слѣд. эта духовная причина существуетъ.

*

Наука. Изъ науки должно наконецъ развиться примиреніе не только человѣка съ природою но и людей съ людьми, и природы съ природою. Пожираніе животнаго животнымъ есть аномалія; когда наука найдетъ для человѣка дѣйствительную замѣну животной пищи, тогда человѣкъ истребитъ и хищныхъ звѣрей, и птицъ. Обмѣнъ испраженій между животными и растеніями всегда возможенъ, между животнымъ и животнымъ-никогда. Лишь хвойныя деревья не переносятъ животнаго навоза, лишь свинья ѣстъ животный калъ.

Всѣ мы—дѣти одной матери-науки; она ведетъ насъ по пути жизни и спасаетъ насъ отъ пропастей и обрывовъ. Какъ добрая мать, она даетъ всякому—сколько кто можетъ снести,

Не все она знаетъ, но что̀ знаетъ, о томъ не лжетъ.

Ошибки науки исправляются наукою же, ошибки незнанія никогда не исправится незнаніемъ же.

*

Настоящій моментъ. На какую ни указать причину тревожнаго состоянія умовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и особенно въ послѣднее 25-ти лѣтіе, всякая будетъ справедлива: и эгоистическія страсти, и жажда наслажденій, и исканіе легкаго обогащенія, и религіозный фанатизмъ, и полное безвѣріе, и злоба, и самоуправство, и безпардонный деспотизмъ,— все это было ближайшей причиной смутъ, тревогъ, войнъ и пр. Но всѣ эти причины второстепенны; ихъ дѣйствіе не разрасталось бы такъ сильно, еслибы не было для нихъ почвы; эта почва—духъ, ходяй въ глубинѣ! Исполните все, что̀ желаютъ самыя крайнія партіи, и онѣ все будутъ недовольны, ибо недовольно все человѣчество. Это болѣзненное состояніе походитъ на тотъ моментъ, когда птица роняетъ перья, змѣя смѣняетъ кожу, гусеница хочетъ разорвать свою куколку. Общее тайное слово, выговариваемое человѣчествомъ: „приспѣло время мое“. Нельзя не предчувствовать какой-то важной реформы въ общественномъ устройствѣ всего міра; въ чемъ она будетъ состоять—неизвѣстно. Стремленіе ускорить этотъ моментъ выражается въ разныхъ формахъ: пробужденіемъ такъ-называемыхъ національностей, общимъ вооруженіемъ и пр. Духъ ходитъ повсюду, подъ всей Европой, подъ Китаемъ, подъ Америкой. Луи-Наполеонъ и Крымская война, Итальянская война, Польша и пр. суть взрывы этого подземнаго духа. Въ Россіи открытъ для него клапанъ—освобожденіе крестьянъ; Американцы силятся открыть подобный, но сколько крови уже ими пролито!

То, что́ называютъ судьбами міра, зависитъ въ эту минуту отъ того рычажка, который изобрѣтается какимъ-то голоднымъ оборвышемъ на какомъ-то чердакѣ въ Европѣ или въ Америкѣ, и которымъ рѣшится вопросъ объ управленіи аэростатами.

*

Присяжные. Судъ присяжныхъ не тѣмъ хорошъ, что судитъ справедливѣе и независимѣе судей-чиновниковъ. Напротивъ, очень можетъ статься, что умный чиновникъ-юристъ разсудитъ дѣло толковѣе и рѣшитъ справедливѣе, нежели присяжный-не юристъ, даже не находящійся въ дружбѣ или во враждѣ (или въ другой системѣ) съ подсудимымъ. Судъ присяжныхъ важенъ тѣмъ, что онъ наводитъ на осуществленіе идеи правосудія такихъ людей, которые и не подозрѣвали необходимости такого осуществленія. Судъ присяжныхъ воспитываетъ чувство правосудія, прямо дѣйствуя на совѣсть, заставляетъ людей беззаботныхъ заглянуть въ книгу закона. Все, что̀ есть высокаго и прекраснаго въ Англійскихъ законахъ, судахъ, полиціи, нравахъ,—все это выработалось судомъ присяжныхъ, т. е. возможностью для каждаго быть когда-либо безконтрольнымъ судіей своего ближняго, но судіей во всеуслышаніе, подъ критикой общественнаго мнѣнія. Никогда общественная правдивость не выработается тамъ, гдѣ судья—чиновникъ, могущій ожидать за рѣшеніе награды или наказанія отъ министерской канцеляріи.

*

Религія. Великій вредъ производятъ тѣ, которые бы хотѣли ее вовсе уничтожить. На краю науки, положительныхъ знаній и самыхъ остроумныхъ наведеній, человѣкъ находитъ хладную бездну, во мглѣ которой горятъ огненныя слова: „не знаю!!“ Иные хладнокровно смотрятъ на эту бездну,—оставимъ ихъ; но для другихъ въ этой безднѣ тонутъ всѣ нравственные законы, и человѣкъ остается при чисто-скотскихъ побужденіяхъ. Здѣсь является на помощь религія. Отраднымъ сіяніемъ она застилаетъ зловѣщія, не стерпимыя для человѣка слова и подаетъ руку несчастному, пришедшему въ отчаяніе. Человѣкъ ободряется, пугается своихъ скотскихъ побужденій и объ руку съ религіей проводитъ свой вѣкъ, не предаваясь отчаянію, не отвергая нравственныхъ законовъ.

*

Педагогія. По поводу сравненія ученика или воспитанника съ деревцемъ. Въ Финляндіи всѣ деревья, за исключеніемъ хвойныхъ, кустятся: ясень, дубъ, береза; вѣтеръ ломаетъ ихъ вершины, продолжительный холодъ также сильнѣе дѣйствуетъ на верхнія вѣтви, нежели на нижнія, зимою прикрытыя снѣгомъ, осенью болѣе защищенныя отъ вѣтра. Отъ вѣтра же всѣ эти деревья, особливо дубъ, липы и березы, искривлены. Такъ называемая Корельская береза есть не иное что, какъ болѣзненное произведеніе искривленнаго дерева. Въ Ронгасѣ я сажалъ дубы въ мѣстѣ, довольно защищенномъ отъ вѣтра; они вытянулись въ штамбу, но лишь дошли они до нѣкоторой черты, гдѣ окружный лѣсъ и камни уже не защищали ихъ отъ порывовъ вѣтра, какъ штамбы начали искривляться. Я привязалъ ихъ къ жердямъ; тщетное усиліе! Вѣтеръ дѣлалъ свое дѣло, а морозъ—свое. Я не могъ помѣшать дубамъ куститься, т. е. воспитаніемъ я не могъ ни придать болѣе выдержки дубу (тѣмъ менѣе превратить его въ другое дерево), ни даже защитить его отъ окружающей среды, которая воспитывала его по своему.

*

(Въ предисловіе къ Дѣтскимъ Сказкамъ). Часто въ педагогическихъ теоріяхъ встрѣчается замѣчаніе, что иныхъ дѣтей надобно понукать, другихъ задерживать; формы этихъ совѣтовъ различны, но окончательно приводятся къ этой аксіомѣ, которая вовсе не аксіома. Въ многолѣтней моей практикѣ я встрѣчалъ также постоянно двухъ родовъ дѣтей; эти роды назову: непроснувшіеся, на которыхъ еще тяготѣетъ утробный сонъ и проснувшіеся. Непроснувшіеся больше, нежели спятъ: что̀ ему ни представляй, ничто его не интересуетъ. Вы добились, чтобъ онъ прочелъ строку самую простую,—онъ прочелъ и не понимаетъ ее или забылъ, перешедши ко второй строкѣ. Его инстиктивное желаніе: ничего не дѣлать, т. е. ничего не мыслить; въ его головѣ неопредѣленныя грезы, въ коихъ онъ не отдаетъ себѣ отчета, какъ мы во время сна подчинены нашимъ грезамъ. Ваше дѣло найти то, что̀ бы могло отвратить его умъ отъ грезъ къ какому бы то ни было предмету дѣйствительнаго міра; для этого иногда надобно начать съ собственныхъ его грезъ, чтобы перевести нечувствительно его умъ на другое.

Здѣсь примѣненіе фантастическихъ сказокъ, противъ коихъ малоопытные педагоги такъ возставали. Гофманъ въ Щелкунѣ (Nussknaker) превосходно

схватилъ одну изъ сторонъ ребяческой грезы; если вы достигли до того, что ребенокъ прочелъ эту сказку самъ съ интересомъ—вы уже сдѣлали великій шагъ. Онъ прочелъ; процессъ чтенія уже нѣчто, независимое отъ грезы: онъ разбудилъ ребенка.

*

Проснувшіеся или бросаются на все, или заняты только однимъ предметомъ. Въ первомъ случаѣ наблюдайте что̀ долѣе остановило ребенка и къ этому пункту старайтесь привязать другіе предметы. Ребенокъ полюбилъ музыку, не терпитъ Ариѳметики, Географіи: положите ему числа, названія на музыку; пусть его поетъ. Такимъ образомъ онъ удержитъ въ головѣ то, что̀ ему необходимо запомнить, но что̀ еще важнѣе, выйдетъ изъ одиночности своего направленія.

Во второмъ случаѣ легче: здѣсь уже есть твердый пунктъ, къ коему можетъ примкнуть любое знаніе.

Главное—не насилуйте природы, но слѣдите за ея указаніями, отбросивъ всякія теоріи; ибо каждый ребенокъ есть особая теорія, которая можетъ быть сходна съ теоріею другаго, но никогда одна и таже.

Между непроснувшимися и проснувшимися идетъ рядъ безконечный: отъ крайняго идіотизма до крайней разнузданности воображенія.

Къ числу средствъ будить или направлять дѣтскій умъ принадлежатъ и собственно дѣтскія книги. Рѣдко вы встрѣтите дѣтей, кои бы заинтересовалися книгою для взрослаго. Такіе дѣти встрѣчаются лишь въ тѣхъ семействахъ, гдѣ вся обстановка, разговоры, удовольствія, встрѣчные предметы уже исполнили назначеніе дѣтскихъ книгъ: привести въ движеніе орудіе мышленія.

*

Суевѣріе и видѣніе. Даль разсказывалъ, что, будучи студентомъ, онъ жилъ въ маленькой комнатѣ; въ уголкѣ стоялъ скелетъ. Ночью поднялась буря; онъ всталъ осмотрѣть окошки; прилегъ; слышитъ: ходитъ маятникъ (часовъ у него не было); приближаясь на звукъ, онъ дошелъ до скелета; въ немъ стучитъ маятникъ; ближе,—вдругъ скелетъ на него плюнулъ, такъ что онъ долженъ былъ обтереться. Стукъ маятника были капли воды, которыя, въ ритмъ, съ плохаго потолка падали на голову скелета; плевокъ была вода, которая брызнула на Даля.

*

Убѣжденія. Всякое безсознательное убѣжденіе есть явленіе искусственное, изнасилованное; въ основѣ его лежитъ идея о предметѣ минусъ знанія о существованіи того предмета; идея, которую мы силимся принять за идею полную, математическую. Это какъ въ семейной жизни, когда, по несчастію, одинъ изъ нашихъ ближнихъ родственниковъ—негодяй, то мы силимся вѣрить, что онъ всетаки порядочный человѣкъ. Такое состояніе болѣзненно, неестественно.

*

Весьма мало обращается вниманія на законъ возмездія. Камень бросается кѣмъ-либо или чѣмъ-либо и отскакиваетъ отъ стѣны. Минералъ образуется химическимъ процессомъ, и въ свою очередь дѣйствуетъ и физически, и химически. Растеніе также производится дѣйствіемъ природы и дѣйствуетъ на тѣже элементы, изъ коихъ произошло.

Животное еще сильнѣе, человѣкъ и того больше участвуетъ въ этомъ возвратномъ дѣйствіи. Такъ, великій человѣкъ—и произведеніе народа, и дѣйствуетъ на народъ. Здѣсь разгадка границъ между необходимостію и волею. Нѣтъ силы, которая бы могла попрепятствовать появленію существа, для появленія коего существуютъ всѣ условія (2а=а+а), но это появившееся разъ существо можетъ измѣнить терминъ, своего существованія (2а+в—в=а+а), но ихъ рѣшеніе останется тоже.

Когда въ человѣчествѣ выработаются истины, какъ математическія теоремы, то мѣсто такъ называемыхъ общихъ убѣжденій заступитъ общее разумѣніе. Человѣкъ не будетъ дѣлать зла не потому, что оно запрещено, но по той же причинѣ, почему теперь никто не станетъ утверждать, что 2+2=5.

*

Наблюдать за движеніемъ собственныхъ душевныхъ силъ есть процессъ трудный, сложный, но необходимый. Ежедневное наблюденіе за симъ процессомъ убѣждаетъ насъ, что мы должны принимать въ соображеніе не только качественность, но и количественность нашихъ душевныхъ силъ. Нѣтъ шага, гдѣ бы въ насъ не происходило бореніе, не только между напр. воображеніемъ и разсудкомъ, но между волею и разсудкомъ. Здѣсь я понимаю не различные стороны вопроса, кои могутъ быть анализированы и приведены къ окончательному выводу, нѣтъ! Часто обѣ стороны вопроса ясны, а бореніе не утихаетъ. Разгоряченный сильнымъ движеніемъ человѣкъ встрѣчаетъ холодный ключъ воды; онъ знаетъ, что эта вода грозитъ ему болѣзнію, смертью, и между тѣмъ въ немъ борется желаніе пить съ желаніемъ не страдать, или, лучше сказать, желаніе не страдать съ желаніемъ не страдать послѣ. И этотъ случай еще самый простой. Вотъ другой, болѣе сложный. Вы проработали половину ночи; завтра надобно вставать рано; вы завели будильникъ; онъ начинаетъ звонить въ уреченный часъ. Вы въ полуснѣ протягиваете руку къ будильнику, чтобы заставить его замолчать. Какое сложное дѣйствіе! Подумаешь, что одна половина души насмѣхается надъ другою.

Въ развитіи каждаго человѣка дѣйствительно повторяется жизнь всего человѣчества, но подъ условіемъ даннаго періода господствующей мысли.

Опыты, наблюденія, исторія, словомъ—все, что намъ доступно, убѣждаетъ насъ, что всякій человѣкъ, отдѣльно взятый, не можетъ удовлетворить вполнѣ ни одной изъ своихъ потребностей: любви, истинѣ, эстетическому элементу. Человѣкъ страждетъ и въ обществѣ при отсутствіи истины въ обширнѣйшемъ смыслѣ, при отсутствіи любви, при отсутствіи эстетическихъ ощущеній. Будемъ же помогать другъ другу: любовью, которой возможное осуществленіе въ религіи; истиною, которой осуществленіе въ наукѣ; эстетическимъ стремленіемъ, котораго осуществленіе въ искусствѣ.

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ *).

(Посвящается третьему сѣзду Русскихъ археологовъ).

А. Доказательства историческія.

I. Теорія Энгеля и Тунмана. Венелинъ и Шафарикъ. Названія Гунны и Болгаре. Путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Вопросъ о происхожденіи Руси естественно наводитъ изслѣдователя на вопросъ о происхожденіи и другихъ народовъ, обитавшихъ когда-то въ нашемъ отечествѣ и находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ нашимъ предкамъ. Между такими народами едвали не первое мѣсто принадлежитъ Болгарамъ. Поэтому мы сочли необходимымъ посвятить имъ особое изслѣдованіе, т. е. по возможности тщательно провѣрить тѣ основанія, на которыхъ сложилось господствующее о нихъ мнѣніе. Въ настоящей монографіи предлагаемъ вниманію образованной публики результаты этой провѣрки.

Что̀ такое Болгаре? Гдѣ ихъ родина? Къ какой семьѣ племенъ они принадлежали?

Отвѣтъ на эти вопросы уже давно сдѣланъ: Болгаре — говорятъ намъ — была финская орда, сплеменная Гуннамъ и Уграмъ, пришедшая съ береговъ Волги на Дунай, здѣсь смѣшавшаяся съ Славянами и принявшая ихъ языкъ. Такъ рѣшила Нѣмецкая наука въ лицѣ Энгеля, Тунмана, Клапрота, Френа и нѣкоторыхъ другихъ, касавшихся этого вопроса *. За ними въ томъ же смыслѣ высказалось большинство Славянскихъ ученыхъ, и во главѣ ихъ знаменитый Шафарикъ. Но были и другіе ученые, которые считали древнихъ Болгаръ чистыми Славянами. Не буду говорить о писателяхъ прошлаго столѣтія, каковы, напримѣръ, Сумъ и Ранчъ, оставившіе послѣ себя труды почтенные, но мало удовлетворительные для нашего времени. Перейду прямо къ извѣстному Венелину. Этотъ талантливый карпатороссъ въ своемъ сочиненіи Древніе и нынѣшніе Болгаре горячо возсталъ въ защиту Славянскаго происхожденія Болгаръ противъ Татаро-Финской теоріи Энгеля и Тунмана, которую можно поставить въ параллель съ Скандинавской теоріей Байера и Шлёцера по отношенію къ Руси. Сочиненіе Венелина въ свое время произвело довольно сильное впечатлѣніе и нашло себѣ усердныхъ послѣдователей, особенно между Болгарскими патріотами. Но ученые авторитеты отнеслись къ его мнѣніямъ весьма неблагосклонно. Шафарикъ отвергъ его выводы, какъ порожденные „страстію къ новосказаніямъ и особенными понятіями о народной чести и славѣ.“ (Славян. Древн. т. II. кн. I.). Тотъ же приговоръ подтверждали до

*) Изъ изслѣдованій о Болгарахъ и Азовско-Черноморской Руси.

* Tunmann—Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen Voelker. 1774. Engel—Geschichte der Bulgaren. 1797. Klaproth—Tableaux histor. de l'Asie. 1826. Fraehn — Die aelt. arab. Nachr. über die Wolga—Bulgaren въ Mém. del'Académie. VI. Sér. T. I.

сихъ поръ и другіе писатели-слависты, касавшіеся этого предмета.

А между тѣмъ Венелинъ былъ близокъ къ истинѣ, но затемнилъ ее, отдавшись порывамъ своего пылкаго воображенія. Впрочемъ его „Древніе и нынѣшніе Болгаре“ есть произведеніе еще молодаго и довольно неопытнаго ученаго (ему было только 27 лѣтъ, когда эта книга явилась въ печати). Въ послѣдствіи болѣе спокойныя изысканія вѣроятно заставили бы его отказаться отъ нѣкоторыхъ крайнихъ выводовъ; это можно предполагать изъ его дальнѣйшихъ трудовъ. Смерть похитила его слишкомъ рано (въ 1839 году, 37 лѣтъ отъ роду).

Въ чемъ же заключалась главная ошибка Венелина?

Онъ видѣлъ, что Тюрко-Финская теорія о происхожденіи Болгаръ находится въ явномъ противорѣчіи съ ихъ историческою жизнію; онъ догадывался, что въ основѣ этой теоріи должны быть разныя недоразумѣнія; но отъ него ускользнуло самое существенное изъ этихъ недоразумѣній. У нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей Болгаре называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами, и это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для Тюрко-Финской теоріи. Чтобы доказать славянство Болгаръ, Венелинъ началъ доказывать невозможное, т. е.: что сами Гунны съ Аттилой включительно были племя Славянское, и не только Гунны, но и Хазары, Авары, а кстати Готы, Гепиды, Франки и т. д.—все это никто иные какъ Славяне. Понятно, что такое увлеченіе должно было вызвать суровое отрицаніе *.

Такъ какъ доводы, на которыхъ основана Тюрко-Финская теорія, яснѣе и логичнѣе другихъ писателей сведены и изложены въ безсмертномъ трудѣ Шафарика, то мы при ихъ разборѣ будемъ держаться преимущественно того порядка, въ которомъ они сгруппированы у автора „Славянскихъ Древностей“.

Первое и самое важное (какъ мы замѣтили) основаніе, на которомъ построена означенная теорія, есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами. Остановимся возможно долѣе на этомъ доводѣ и разсмотримъ, на сколько онъ выдерживаетъ историческую критику.

Гунны, въ тѣсномъ смыслѣ, по всѣмъ признакамъ составляли одно изъ племенъ Восточно-финской или Чудской группы народовъ и принадлежали къ ея Угорской вѣтви. Они издревле обитали въ степяхъ Прикаспійскихъ между Ураломъ и Волгою, по сосѣдству съ Скиѳскими народами Арійской семьи, и совсѣмъ не были какимъ-то новымъ народомъ, пришедшимъ въ Европу прямо изъ глубины Средней Азіи отъ границъ Китая во второй половинѣ IV вѣка. У Птоломея, слѣдовательно во II вѣкѣ, они уже упоминаются какъ народъ сосѣдній съ Роксаланами (онъ говоритъ, что они жили гдѣ-то между этими послѣдними и Бастарнами. Lib. III. cap. 5). Амміанъ Марцелинъ замѣтилъ, что о нихъ слегка упоминаютъ старые писатели (Lib. XXXI. c. 2). Но послѣ побѣды надъ Готскими племенами и покоренія большей части Восточной Европы, это скромное и едва извѣстное дотолѣ

* Однако до сихъ поръ встрѣчаемъ труды, отправляющіеся отъ той же исходной точки зрѣнія на Гунновъ. Укажу на сочиненіе г. Крьстьовича: Исторія Българска. Ч. I. Цариградъ. 1871. Ближе чѣмъ Венелинъ подошелъ къ истинѣ его послѣдователь Серг. Уваровъ въ своей диссертаціи De Bulgarorum utrorumque origine. Dorpati, 1853. Но онъ не довелъ этотъ вопросъ до надлежащей степени ясности и критики.

имя сдѣлалось громкимъ; по обыкновенію оно распространилось на покоренные народы, какъ родственнаго такъ и совершенно чуждаго происхожденія, т. е. распространилось въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей; но сами народы обыкновенно держатся своего роднаго имени, которое мѣняютъ весьма рѣдко и весьма туго. Такъ, византійскіе историки иногда причисляютъ къ Гуннамъ готское племя Гепидовъ (Пасхальная хроника), или употребляютъ названіе Гунновъ и Славянъ безразлично („Гунны иначе Стлавины", выражается Кедринъ, разсказывая объ ихъ нашествіи на Ѳракію въ 559 г.). А Прокопій замѣчаетъ, что Славяне въ обычаяхъ и образѣ жизни имѣютъ много общаго съ Гуннами. Сходство бытовыхъ чертъ не мало способствовало смѣшенію разныхъ варварскихъ народовъ подъ однимъ общимъ именемъ, и отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ менѣе всего можно требовать точнаго этнографическаго распредѣленія на основаніи языка. Послѣ того какъ Авары въ VI вѣкѣ наложили свое иго на нѣкоторыя Славянскія племена, обитавшія по Дунаю, эти племена называются иногда Аварами и притомъ въ эпоху, когда Аварское иго обратилось уже въ преданіе. („Склавы, которые и Аварами называются", говоритъ Константинъ Б. въ своемъ соч. „Объ управленіи имперіей", гл. 29).

Если имя господствующаго народа переходило на чуждыя племена, то разумѣется еще легче утверждалось оно за племенами родственными. Такъ Угры, пришедшіе на Дунай въ IX вѣкѣ, у Византійцевъ именуются или Турки, или Гунны, тогда какъ сами себя они называютъ Мадьяры; а Славянское ихъ названіе, т. е. Угры, есть ничто иное какъ сокращеніе сложнаго имени Гунногуры или Унгуры, откуда съ уничтоженіемъ носоваго звука произошло Угры. Въ другомъ мѣстѣ * мы уже имѣли случай замѣтить, что это народное имя находится въ связи съ названіями нѣкоторыхъ рѣкъ и встрѣчается въ разныхъ краяхъ Россіи; такъ мы имѣемъ Югру на сѣверовостокѣ и Ингру или Ижору на сѣверозападѣ—все племена Финскаго или Чудскаго корня. Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ съ одной стороны родство Гунновъ Аттилы съ современными Уграми, а съ другой то положеніе, что Славяне, какъ ихъ исконные и близкіе сосѣди, очень хорошо знали это родство финскихъ племенъ, не смотря на ихъ широкое разселеніе; между тѣмъ какъ византійскіе и латинскіе писатели очевидно путались въ лабиринтѣ варварскихъ народныхъ именъ. Подъ общимъ или родовымъ названіемъ Гунновъ у нихъ встрѣчаются многія видовыя имена Акациры, Буругунды, Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры, Унигуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр. **. Почти каждое изъ этихъ названій имѣетъ еще свои варіанты. Со стороны исторіографіи было великою ошибкою всѣ означенные народы считать вѣтвями одного и того же Гуннскаго или Угорскаго поколѣнія. Къ Гуннамъ причисляются иногда чуть не всѣ обитатели Дунайской и юговосточной Европейской равнины; но если бы всѣ эти народы были дѣйствительно Гунны, то куда же они исчезли такъ быстро и откуда на ихъ мѣстѣ внезапно явились народы совершенно другіе, за исключеніемъ сравнительно небольшаго племени Угровъ? Ясно, что подъ этими названіями скрываются иныя племена, и преимущественно Славянскія. Однимъ словомъ, въ извѣстный періодъ времени слово Гун-

* Р. Вѣстникъ 1872. Декабрь.
** См. Memoriae Populorum. I. 451.

ны употреблялось вообще для обозначенія варваровъ Южной Россіи и пріобрѣло почти географическое значеніе; оно замѣнило собою прежнее слово Скиѳы. Впрочемъ послѣднее названіе пережило Гунновъ, и сами Гунны нерѣдко въ источникахъ называются Скиѳами. На это географическое значеніе, между прочимъ указываетъ Іорнандъ, который говоритъ, что страна къ сѣверовостоку отъ Дуная называлась Гунниваръ.

Что́ касается до окончанія народныхъ именъ на уры, гуры или гары, то это окончаніе нисколько не означаетъ народовъ Тюркскихъ или Финскихъ; оно отбрасывалось или прибавлялось, не измѣняя кореннаго смысла въ названіи. Возмемъ, напримѣръ у Прокопія названіе Утургуры или Утигуры съ его варіантами, у Агаѳія и Менандра Утригуры и Витигуры, а въ передачѣ Іорнанда Витугоры. Если отбросимъ окончаніе, то получимъ коренное названіе Уты или Виты, а, взявъ въ расчетъ древнее юсовое произношеніе (Жты), будемъ имѣть Онты или Анты—столь извѣстное названіе восточныхъ Славянъ. Витичи или Вятичи нашей лѣтописи есть только варіантъ того же названія (собственно Ванты или Вантичи); въ связи съ нимъ находится имя древняго города Витичева на Днѣпрѣ. Точно также Кутургуры Прокопія, Котрагиры или Котригуры Агаѳія и Менандра имѣютъ форму Котраги у Ѳеофана и Никифора; слѣдовательно коренное названіе будетъ Куты или Кутры (м. б. тоже что́ Скуты или Скиѳы). У Іорнанда встрѣчаемъ Сатагаровъ или просто Сатаговъ, народъ Сарматскій или Аланскій; а извѣстно, что Сарматы-Алане не были Гуннами. Прискъ въ числѣ народовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, называетъ Амалзуровъ; но тутъ очевидно подразумѣваются Остроготы, у которыхъ былъ княжескій родъ Амаловъ. Напомнимъ также названіе одного Германскаго племени Гермундуры, и проч. Слѣдовательно окончаніе на гуры и гары не принадлежало никакой опредѣленной группѣ.

Итакъ кромѣ своего настоящаго имени Болгаре являются у средневѣковыхъ писателей подъ весьма разнообразными названіями, напримѣръ: Гунны, Гунногундуры, Гуннобундобулгары, Киммеріяне, Массагеты, Скиѳы, Котраги, Мизы и даже Влахи *. Важная ошибка исторіографіи заключается въ томъ, что она излагала первоначальныя судьбы Болгаръ на основаніи только этого ихъ имени въ источникахъ, и упускала изъ виду многія извѣстія, въ которыхъ Болгаре являются подъ другими именами. Главнымъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи Болгаръ обыкновенно принималось сказаніе о раздѣленіи ихъ на пять частей между сыновьями Куврата и о поселеніи Аспарухової части на Дунаѣ только во второй половинѣ VII вѣка. А всѣ ихъ предыдущая исторія являлась въ видѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, т. е. такихъ только, въ которыхъ упоминается слово Болгаре. Подъ этимъ именемъ они встрѣчаются собственно у позднѣйшихъ писателей (Ѳеофана, Кедрина, Зонары); но встрѣчаются у нихъ уже въ разсказахъ о второй половинѣ V вѣка, т. е. объ эпохѣ, наступившей послѣ паденія великой Гуннской державы. Болгаре начали производить въ то время нашествія за Дунай во Ѳракію, и вскорѣ сдѣлались такъ страшны, что императоръ Анастасій въ началѣ VI вѣка построилъ длинную стѣну отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чтобы обезопасить отъ нихъ столицу. Но какъ же могло случиться, чтобы Болгаре,

* См. Memoriae Pop. II. 442.

если вѣрить хроникѣ Ѳеофана, только во второй половинѣ VII вѣка передвинулись на Дунай изъ за Танаиса и Меотиды, если почти за два вѣка они, по извѣстію между прочимъ того же Ѳеофана, уже являются во Ѳракіи, и столица Византійской имперіи огораживается новою стѣною для защиты отъ этихъ варваровъ? Надъ такою несообразностію не остановился доселѣ никто изъ славянскихъ ученыхъ, касавшихся Болгарской исторіи. Повторяю, главное недоразумѣніе заключалось въ названіяхъ. Только довольно поздніе византійскіе лѣтописцы стали употреблять имя Болгаръ, и начальная ихъ исторія до сихъ поръ основывалась преимущественно на извѣстіяхъ Ѳеофана и Никифора, писателей первой половины IX вѣка, и еще болѣе позднихъ компиляторовъ, каковы Кедринъ и Зонара. При этомъ ихъ сбивчивые разсказы о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, подѣлившихъ между собою Болгарскій народъ, принимались буквально, т. е. безъ всякой критики.

А между тѣмъ болѣе ранніе византійскіе писатели сообщаютъ намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о судьбахъ Болгаръ до второй половины VII вѣка, только подъ другими именами.

II. Утургуры и Кутургуры Прокопія и Агаѳія.

Писатели VI вѣка, каковы Прокопій, младшій его современникъ Агаѳій и продолжатель Агаѳія Менандръ, совсѣмъ не употребляютъ имени Болгаре, а называютъ ихъ Утургурами и Кутургурами. Подобное тому явленіе представляетъ Амміанъ Марцелинъ, который, повѣствуя о нашествіи Гунновъ на Готскіе народы, не знаетъ Іорнандовыхъ Остроготовъ и Визиготовъ, а называетъ ихъ Грутунгами и Тервингами; Прокопій, хотя и современникъ Іорнанда, также не знаетъ Остроготовъ и называетъ ихъ Тетракситами. Имя Болгаръ точно также не было неизвѣстно во времена Прокопія, ибо о нихъ упоминаютъ западные или латинскіе лѣтописцы VI вѣка, каковы Комисъ Марцелинъ и Іорнандъ *. Въ этомъ случаѣ мы находимъ замѣчательную аналогію съ именемъ Русь. Византійскіе писатели употребляютъ это имя только съ IX вѣка; между тѣмъ какъ западные упоминаютъ его ранѣе, напримѣръ тотъ же Іорнандъ и потомъ географы Равенскій и Баварскій. Какъ Русь у старѣйшихъ византійскихъ писателей скрывается подъ именами Антовъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ и пр.; такъ и Болгаре долгое время скрываются подъ именемъ Гунновъ и другими указанными выше, преимущественно же подъ названіями Утургуровъ и Кутургуровъ съ ихъ варіантами. Хотя никто изъ послѣдователей Тюрко-Финской теоріи собственно не отвергаетъ родства Болгаръ съ Кутургурами и Утургурами Прокопія или Агаѳія **; однако, повторяю, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на противорѣчія между сказаніями Ѳеофана и Никифора о приходѣ Болгаръ на Дунай въ VII в. и извѣстіями Прокопія и Агаѳія. Послѣдніе писали о событіяхъ имъ совре-

---

* Нѣкоторые другіе случаи древнѣйшаго упоминанія имени Болгаръ см. въ любопытномъ изслѣдованіи г. Дринова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Москва, 1873 г., стр. 90), а также въ Romänische Studien von Roesler (Leipzig 1871 г., стр. 234 и 235). Изъ византійскихъ историковъ первый употребляющій имя Болгаръ, вмѣсто Гунновъ, есть Ѳеофилактъ Симоката. А онъ писалъ въ первой четверти VII вѣка, слѣдовательно былъ почти современникъ Менандра.

** Они даже прямо отождествляютъ Кутургуровъ и Утургуровъ съ Болгарами, напримѣръ: Шлёцеръ (Allgem. Nord. Geschichte, 358), Тунманъ (32—34), Энгель (254), Чертковъ (О переводѣ Манасіиной лѣтописи. 47) и Рёслеръ (236).

менныхъ, а потому должны служить провѣркою для писателей болѣе позднихъ. Обратимся къ этимъ извѣстіямъ.

Вотъ сущность того, что сообщаетъ Прокопій о началѣ Болгарской исторіи (О Гот. войнѣ кн. IV, и О постройкахъ кн. III и IV):

За Танаисомъ, между Понтомъ и Меотидой, обитаютъ „Утургуры, когда-то называемые иначе Киммеріяне“; далѣе къ сѣверу живутъ „безчисленныя племена Антовъ“; а тамъ, гдѣ открывается проливъ Киммерійскій, находятся Готы „по прозванію Тетракситы“. Нѣкогда великій народъ Гунновъ или Киммеріянъ повиновался одному царю; но по смерти его два сына, Утургуръ и Кутургуръ, раздѣлили между собою народъ: по ихъ именамъ одна часть назвалась Утургурами, а другая Кутургурами. Киммеріяне или Гунны обитали по ту сторону Меотиды; а по сю сторону жили Готскіе народы, „которые нѣкогда Скиѳами назывались“. Послѣ того какъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ удалились, именно Вандалы въ Африку, а Визиготы въ Испанію, однажды — „если только молва справедлива“ — нѣсколько киммерійскихъ юношей, гоняясь за ланью, перебрались черезъ Меотиду, и такимъ образомъ открыли бродъ. Киммеріяне воспользовались этимъ открытіемъ; они тотчасъ вооружились, перешли на другой берегъ, напали на Готовъ и многихъ побили; остальные спаслись бѣгствомъ *. Послѣдніе ушли за Дунай и получили отъ Римскаго императора жилища во Ѳракіи; часть ихъ вступила въ римскую службу подъ именемъ ѳедератовъ; а другая часть потомъ подъ начальствомъ Теодориха двинулась въ Италію. Мѣста, гдѣ прежде обитали Готы, теперь заняты были Кутургурами. Хотя они ежегодно получаютъ большіе дары отъ императора (Юстиніана), однако не перестаютъ переходить Истръ и дѣлать набѣги на римскія провинціи, въ качествѣ то союзниковъ, то непріятелей. Между тѣмъ Утургуры воротились на берега Меотиды; здѣсь они вступили въ борьбу съ оставшимися въ томъ краю Готами-Тетракситами. Наконецъ по обоюдному согласію оба народа размѣстились на противоположныхъ берегахъ пролива, соединяющаго Меотиду съ Понтомъ, при чемъ Утургуры заняли свои прежнія жилища. Тамъ, за Таврами и Тавроскиѳами, на границахъ Римской имперіи лежатъ приморскіе города Херсонъ и Боспоръ, которыхъ стѣны, пришедшія въ ветхость, императоръ Юстиніанъ перестроилъ вновь. Кромѣ того онъ построилъ крѣпости Алустонъ и Горсувитъ (нынѣ Алушта и Гурзуфъ). Особенно онъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Римлянъ. А другіе два города, Кипы и Фанагурію, съ давняго времени принадлежавшіе Римлянамъ, сосѣдніе варвары недавно взяли и совершенно разорили. „Страну же между Херсономъ и Боспоромъ держатъ въ своихъ рукахъ варвары, преимущественно Гунны“.

Мы привели изъ сочиненій Прокопія наиболѣе существенныя данныя для исторіи Болгаръ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что его географическія указанія могутъ быть принимаемы только въ общихъ чертахъ; такъ какъ въ своихъ частностяхъ онѣ не отличаются большою точностію и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія. Онъ писалъ о

* Басню о ланн, показавшей Гуннамъ путь черезъ Меотиду, Іорнандъ относитъ къ первому нашествію Гунновъ на Остготовъ, т. е. ко временамъ Германриха.

томъ краѣ очевидно по слуху, а самъ его не видалъ и яснаго географическаго представленія о немъ не имѣлъ. Напримѣръ, Готы-Тетракситы или Остроготы по смыслу его извѣстій прежде обитали гдѣ-то на западной сторонѣ Меотиды, т. е. Азовскаго моря, откуда были изгнаны Гуннами-Кутургурами и Утургурами на Балканскій полуостровъ, при чемъ Кутургуры заняли ихъ мѣста. Но Утургуры, возвращаясь изъ похода, натолкнулись опять на Готовъ-Тетракситовъ; слѣдовательно не всѣ Остготы были изгнаны изъ южной Россіи Болгарами, которыхъ онъ называетъ общими именами Гунновъ и Киммеріянъ (послѣднее вѣроятно по ихъ жительству около Киммерійскаго Боспора). Послѣ упорной борьбы противники заключили миръ и размѣстились по обоюдному согласію; при чемъ Готы поселились въ Тавридѣ, а Утургуры заняли опять свои прежнія жилища по ту сторону пролива, т. е. на устьяхъ Кубани. Такимъ образомъ на основаніи Готской войны Прокопія можно заключать, что Тетракситы и Утургуры въ его время отдѣлялись другъ отъ друга Боспорскимъ проливомъ. Но въ другомъ его сочиненіи, О постройкахъ, онъ сообщаетъ, что Тетракситы занимали приморскую страну Дори, а эта страна совсѣмъ не лежала на берегу пролива. Она находилась въ самой южной части Крыма, гдѣ, благодаря гористому положенію, Готы долго еще сохраняли свою народность. Съ другой стороны изъ словъ Прокопія о поселеніи варваровъ, преимущественно Гунновъ, между Боспоромъ и Херсономъ, ясно, что не всѣ Утургуры перешли обратно на Кубань, но что значительная часть ихъ обитала въ восточныхъ краяхъ Таврики, и здѣсь-то она дѣйствительно находилась въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Готами-Тетракситами. Это соображеніе подтверждается тѣмъ же Прокопіемъ. Онъ говоритъ, что Тетракситы и Утургуры, заключивъ миръ, жили потомъ въ дружбѣ и союзѣ другъ съ другомъ; но въ иномъ мѣстѣ сообщаетъ данное, не совсѣмъ подтверждающее искренность этой дружбы, по крайней мѣрѣ со стороны Готовъ. А именно: въ двадцать первомъ году Юстиніанова царствованія Тетракситы, бывшіе христіанами, прислали къ императору четырехъ пословъ съ просьбою назначить имъ епископа на мѣсто недавно умершаго. Опасаясь Гунновъ-Утургуровъ, послы на торжественномъ пріемѣ объявили только одну эту причину посольства; а потомъ въ тайныхъ переговорахъ они объяснили, какую пользу можетъ получить имперія, если постарается питать раздоры между сосѣдними варварами. (О Гот. войнѣ. кн. IV, гл. 4).

Точно также неясно, кого собственно Прокопій подразумѣвалъ подъ именемъ Тавроскиѳовъ, говоря, что „приморскіе города Боспоръ и Херсонъ лежатъ за Таврами и Тавроскиѳами“ (О постр. кн. III., гл. 7). Въ другомъ мѣстѣ (О Гот. в. кн. IV., гл. 5) Прокопій толкуетъ о томъ, что равнину около Меотійскаго озера занимаютъ Гунны-Кутургуры, что часть ея принадлежитъ Скиѳамъ и Таврамъ, отчего и называется Таврикой; а за тѣмъ говоритъ объ извѣстномъ храмѣ Діаны, въ которомъ была жрицею Ифигенія. Вообще обычай византійскихъ историковъ, къ своимъ извѣстіямъ о Скиѳскихъ странахъ примѣшивать басни древнихъ писателей, поддерживаетъ запутанность и сбивчивость этихъ извѣстій. Впослѣдствіи византійцы подъ именемъ Тавроскиѳовъ разумѣютъ преимущественно Руссовъ; а въ упомянутомъ мѣстѣ Прокопія это имя можетъ быть отнесено и къ Готамъ-Тет-

ракситамъ, и къ Гуннамъ-Утургурамъ, которые жили по обѣимъ сторонамъ Боспора. Собственные же Руссы безъ сомнѣнія скрываются у него между тѣми „безчисленными племенами Антовъ“, которые обитали къ сѣверу отъ страны Утургуровъ. Послѣднее названіе, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ тотъ же корень какъ Анты и Витячи; въ данномъ случаѣ этотъ корень можетъ намекать и на общее происхожденіе этихъ народовъ. Самая борьба съ Готами и изгнаніе ихъ изъ южной Россіи были общимъ дѣломъ Гунновъ и Антовъ, т. е. Болгаръ и Руссовъ; ибо и послѣдніе также были нѣкогда сосѣдями Готовъ. На это совокупное дѣйствіе противъ нихъ со стороны Славянскихъ племенъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, прямо указываетъ современникъ Прокопія Іорнандъ.

Не смотря на указанныя нами нѣкоторыя неточности въ сочиненіяхъ Прокопія, извѣстія его для насъ въ высшей степени драгоцѣнны и должны служить исходными пунктами для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Во времена Юстиніана I, замѣчаетъ онъ, Гунны, Склавины и Анты почти ежегодными нашествіями опустошали Иллирію, Ѳракію, Грецію, Херсонесъ Ѳракійскій и всю страну отъ Іонійскаго моря до предмѣстья Константинополя; вслѣдствіе истребленія и плѣненія жителей, въ этихъ провинціяхъ можно было видѣть „почти скиѳскія пустыни“ (Hist. Arcana, c. 18). Въ своей исторіи о Готской войнѣ Прокопій изображаетъ цѣлый рядъ этихъ нашествій, предпринятыхъ то Славянами и Антами отдѣльно, то въ соединеніи съ Гуннами-Кутургурами. (У Ѳеофана же и другихъ болѣе позднихъ историковъ при разсказѣ объ этихъ войнахъ вмѣсто Кутургуровъ Прокопія упоминаются или просто Гунны, или Болгаре). Юстиніанъ строитъ непрерывный рядъ укрѣпленій по Дунаю, чтобы защитить имперію противъ неукротимыхъ варваровъ. Но это не мѣшало послѣднимъ переходить рѣку, пользуясь особенно тѣмъ временемъ, когда она замерзала. Однако, благодаря принятымъ мѣрамъ, варвары, обремененные добычею, нерѣдко подвергались пораженіямъ на своемъ обратномъ походѣ изъ византійскихъ провинцій. Ихъ нападенія особенно усилились къ концу Юстиніанова царствованія, когда императоръ, по словамъ одного писателя (Агаѳія) устарѣлъ и когда ослабѣла его энергія въ учрежденіяхъ воинскихъ. Въ это время, по отношенію къ варварамъ, онъ усвоилъ себѣ политику, основанную преимущественно на хитрости и вѣроломствѣ, т. е. старался истреблять ихъ, возбуждая между ними раздоры и вооружая ихъ другъ противъ друга. Такая политика была конечно плодомъ его собственной опытности и изворотливости, а не явилась вслѣдствіе совѣта Готовъ-Тетракситовъ, о которомъ повѣствуетъ Прокопій. Юстиніанъ платилъ ежегодную дань сосѣднимъ съ имперіей Кутургурамъ; но такъ какъ этою данью не удерживался отъ нападеній народъ, находившійся подъ властію многихъ и рѣдко согласныхъ между собою князей, то императоръ старался частыми подарками пріобрѣсти дружбу Утургуровъ. Послѣдніе по своей отдаленности были почти безопасны для византійскихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ; но они могли быть полезными союзниками противъ своихъ родичей.

Въ 551 году 12.000 Кутургуровъ, предводимые княземъ Хиніаломъ, съ помощію паннонскихъ Гепидовъ переправились за Дунай и начали производить свои обычные грабежи и ра-

зоренія. Тогда Юстиніанъ отправилъ пословъ къ князьямъ Утургуровъ. Посольство упрекало варваровъ въ томъ, что они, предаваясь праздности, позволяютъ другимъ разорять своихъ союзниковъ Римлянъ. Оно ловко затронуло жадность варваровъ, указавъ на Кутургуровъ, которые не довольствуются ежегодною денежною данью, а еще грабятъ римскія провинціи, при чемъ по своему высокомѣрію не думаютъ дѣлиться добычею съ Утургурами, такъ что послѣднимъ нѣтъ никакой пользы отъ этой добычи. Подобныя коварныя внушенія сопровождались конечно большими дарами и обѣщаніемъ еще бо̀льшихъ. Утургуры поддались на эти рѣчи, собрали дружину и присоединили къ ней еще 2000 своихъ сосѣдей Готовъ-Тетракситовъ. Подъ предводительствомъ князя Сандила они напали на жилища Кутургуровъ, разгромили ихъ и увели съ собой множество ихъ женъ и дѣтей. Этимъ погромомъ воспользовались тысячи римскихъ плѣнниковъ, находившихся въ рабствѣ у Кутургуровъ и бѣжали въ отечество, никѣмъ непреслѣдуемые. Между тѣмъ сами же Римляне поспѣшили извѣстить Хиніала о бѣдствіи, постигшемъ его страну. Это извѣстіе также подкрѣплено было порядочною суммою золота. Тогда Кутургуры поспѣшили заключить миръ съ Римлянами и безъ всякаго полона отправились на защиту собственнаго отечества.

Въ мирный договоръ включено и такое условіе: тѣ Кутургуры, которые будутъ не въ силахъ отстоять родную землю, возвратятся въ Римскіе предѣлы, и императоръ дастъ имъ землю во Θракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ. Въ силу этого условія дѣйствительно часть Кутургуровъ, побѣжденная Утургурами, съ своими женами и дѣтьми удалилась къ Римлянамъ и получила землю во Θракіи. Въ числѣ ея предводителей былъ Синніо, тотъ самый, который сражался подъ знаменами Велизарія противъ Вандаловъ какъ одинъ изъ начальниковъ наемныхъ гунно-славянскихъ отрядовъ. Слухъ о такомъ оборотѣ дѣла привелъ Сандила въ сильное негодованіе: мстя за обиду Римлянъ, онъ выгналъ собственныхъ родичей изъ ихъ страны; а они послѣ того нашли себѣ убѣжище въ Римской землѣ, гдѣ пользуются гораздо бо̀льшими удобствами, чѣмъ въ прежнихъ жилищихъ, изобилуя виномъ, дорогими тканями, золотомъ, и сверхъ того имѣя возможность наслаждаться римскими банями; между тѣмъ какъ Утургуры, не смотря на свои труды и заслуги, продолжаютъ обитать въ безплодныхъ пустыняхъ. Въ этомъ смыслѣ утургурскіе послы изложили свою жалобу императору, впрочемъ не письменно, а по обычаю варваровъ изустно; при чемъ рѣчь свою произнесли „какъ по писанному“, замѣчаетъ Прокопій. Но византійское правительство съумѣло конечно льстивыми увѣщаніями и богатыми дарами успокоить негодованіе своихъ союзниковъ.

Почти тоже самое, только еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, повторилось спустя лѣтъ семь или восемь, о чемъ подробно повѣствуетъ продолжатель Прокопія Агаѳій *(Agathiae Hist. l. V). Это было знаменитое нашествіе Кутургуровъ на Византійскую имперію подъ начальствомъ ихъ князя Забергана въ 559 году. Полчища ихъ раздѣлились: одна часть пошла на Грецію, другая

* Также какъ Прокопій, и Агаѳій вмѣсто Болгаръ употребляетъ общее названіе Гунны и дѣлитъ ихъ на Котригуровъ и Утигуровъ; но къ этимъ двумъ прибавляетъ еще два племени: Ультинзуровъ и Буругундовъ.

на Херсонесъ Ѳракійскій, а самъ Заберганъ съ 7000 отборной конницы подступилъ къ Константинополю. Чтобы спасти столицу, императоръ вызываетъ изъ уединенія престарѣлаго Велизарія, и послѣдній съ горстью наскоро собраннаго войска дѣйствуетъ такъ удачно, что Заберганъ былъ принужденъ отступить. Отрядъ, посланный на Грецію, воротился, будучи не въ состояніи прорваться сквозь Ѳермопилы. Тѣ, которые осаждали Ѳракійскій Херсонесъ, также не успѣли имъ овладѣть. Изъ подробностей послѣдней осады обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Потерпѣвъ неудачу съ сухаго пути, варвары довольно искусно устроили лодки изъ тростника и на этомъ легкомъ флотѣ попытались сдѣлать нападеніе съ моря. Начальникъ греческаго гарнизона Германъ вовремя принялъ свои мѣры, и попытка непріятелей осталась безъ успѣха. Но она подтверждаетъ, что Кутургуры не были настоящіе Гунны, какъ извѣстно неспособные ни къ какимъ морскимъ предпріятіямъ; эта попытка указываетъ на понтійскихъ Славянъ, которые съ одинаковою отвагою дѣйствовали и на сушѣ, и на морѣ. *

Когда всѣ отряды собрались, Заберганъ повелъ ихъ назадъ; но онъ это сдѣлалъ не прежде, какъ получилъ отъ Римлянъ значительный окупъ и заставилъ ихъ выкупить также плѣнниковъ, угрожая въ противномъ случаѣ избіеніемъ послѣднихъ. Юстиніанъ на сколько можно старался удовлетворить алчности варваровъ, лишь бы побудить ихъ къ удаленію изъ своихъ предѣловъ. А между тѣмъ онъ отправилъ посланіе къ князю Утургуровъ Сандилу. Въ этомъ посланіи императоръ опять укорялъ его въ лѣности и безпечности, съ которыми тотъ допускаетъ грабить Римлянъ и брать у нихъ золото, назначавшееся для союзниковъ; онъ грозилъ на будущее время прекратить обычную плату Утургурамъ, а отдавать ее Кутургурамъ и заключить съ ними союзъ, какъ съ народомъ болѣе отважнымъ и сильнымъ. Подобныя укоризны и угрозы какъ нельзя лучше достигли своей цѣли. Сандилъ немедленно собралъ войско, разорилъ жилища Кутургуровъ, а потомъ подстерегъ послѣднихъ, возвращавшихся изъ за Дуная съ огромною добычею, разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу. *

Агаѳій прибавляетъ, что эта ловкая политика Юстиніана воздвигла между варварами такія междоусобныя войны, которыя довели ихъ почти до взаимнаго истребленія. Хотя извѣстіе объ истребленіи слишкомъ преувеличено, однако жестокія междоусобія двухъ главныхъ Болгарскихъ народовъ принесли обычный плодъ: они такъ ослабѣли, что вскорѣ подпали подъ иго другихъ варваровъ, которые являются подъ именемъ Аваръ. А что Кутургуры далеко не были истреблены, видно изъ слѣдующаго. По словамъ Менандра, въ царствованіе Юстина II, въ 574 году аварскій каганъ Боянъ послалъ 10,000 Кутургуровъ разорять Далмацію; онъ потребовалъ отъ императора той же дани, которую получали отъ Юстиніана Кутургуры и Утургуры, такъ какъ оба эти народа покорились теперь Аварамъ.

* По поводу именно этого нашествія Кутургуровъ Кедринъ выразился «Гунны или Славины»; а современникъ самаго событія африканскій епископъ Викторъ Туннуненскій называетъ ихъ вмѣсто Кутургуровъ просто Болгарами. Roncal. Vet. Iat. Chron. II. 377.

* Замѣчательное сходство въ описаніяхъ обоихъ нашествій, 551 и 559 гг., заставляютъ подозрѣвать какое либо недоразумѣніе. Оба писателя, Прокопій и Агаѳій, не повѣствуютъ ли въ сущности объ одномъ и томъ же событіи?

Впрочемъ подъ аварскимъ игомъ находилась собственно западная вѣтвь Болгаръ, т. е. Кутургуры; а восточная вѣтвь или Утургуры, спустя нѣсколько лѣтъ, по извѣстію того же Менандра, встрѣчается въ зависимости отъ новыхъ завоевателей, которые появились одновременно съ Аварами; мы говоримъ о Туркахъ, впослѣдствіи называемыхъ Хазарами.

III. Іорнандъ. Манасія. Легенда Ѳеофана и Никифора о раздѣленіи Болгаръ и ихъ разселеніи.

Сличимъ извѣстія Прокопія съ извѣстіями его современника Іорнанда, епископа Равенскаго. Онъ былъ смѣшаннаго гото-аланскаго происхожденія, изъ Нижней Мизіи, и очевидно имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о народахъ Восточной Европы; впрочемъ у него также дѣло не обходится безъ явной сбивчивости и примѣси древняго баснословія. Хотя понятію о Гуннахъ онъ не придаетъ такого обширнаго объема какъ византійскіе историки, однако иногда относитъ къ нимъ и другіе народы, напримѣръ Болгаръ; но онъ знаетъ послѣднихъ и подъ ихъ собственнымъ именемъ.

Перечисляя современныхъ ему обитателей Скиѳіи (гл. V), Іорнандъ говоритъ о „многочисленномъ народѣ Винидовъ, имена которыхъ измѣняются по разнымъ племенамъ и различнымъ мѣстамъ, имп обитаемымъ; главныя же ихъ названія суть Склавины и Анты“. Склавины, по его словамъ, живутъ отъ Мусіанскаго озера (Балатона) до Днѣстра и Вислы, а на востокъ отъ нихъ до Дуная—Анты, еще болѣе храбрые, чѣмъ Склавины. Днѣпръ онъ называетъ Дунаемъ, ссылаясь на то, что этимъ именемъ зовутъ его сами туземцы. Но восточную границу Антовъ Іорнандъ опредѣлилъ невѣрно: Днѣпръ былъ ихъ средоточіемъ (напомнимъ, что Прокопій полагаетъ ихъ сосѣдями Утургуровъ на прибрежьяхъ Меотійскаго озера). Далѣе, гдѣ-то за Агацирами надъ Понтомъ онъ помѣщаетъ жилища Булгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за наши грѣхи. „Отсюда-то воинственные Гунны нѣкогда двойнымъ нашествіемъ обрушились на народы. Ибо одни изъ нихъ называются Аулзягры, а другіе Авиры; тѣ и другіе обитаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Аулзягры живутъ около Херсона, куда алчный купецъ привозитъ дорогіе азійскіе товары; лѣтомъ они скитаются по широкимъ равнинамъ, выбирая мѣста съ обильными пастбищами для своихъ стадъ; а на зиму удаляются къ берегамъ Понта. Что же касается до Гунугаровъ, то они извѣстны по куньимъ мѣхамъ, которыми снабжаютъ торговлю“. Здѣсь мы видимъ у Іорнанда очевидное смѣшеніе настоящихъ Гунновъ съ тѣми народами, которые дѣйствовали съ ними за одно противъ любезныхъ ему Готовъ. Но о какомъ двойномъ нашествіи онъ говоритъ? Мы думаемъ, что тутъ надобно разумѣть, во первыхъ, движеніе настоящихъ Гунновъ, которые, соединясь съ восточными сармато-славянскими народами (упомянутыми у Амміана Марцелина подъ общимъ именемъ Алапъ) обрушились въ IV вѣкѣ на Готовъ, что и побудило часть послѣднихъ, именно Визиготовъ, уйти на Балканскій полуостровъ. А второе движеніе конечно есть не что иное какъ изгнаніе и другой части, т. е. Остроготовъ, изъ южной Россіи тѣми же сармато-славянскими народами, Антами и Болгарами, спустя около ста лѣтъ, т. е. во второй половинѣ V вѣка; это именно та война Кутургуровъ и Утургуровъ съ

Готами, которую мы встрѣтили у Прокопія. Далѣе, что̀ такое за Гунны Аулзягры, обитающіе гдѣ-то около Хе́рсонеса Таврическаго? По всей вѣроятности это Гунны-Утургуры Прокопія; а имя ихъ, Аулзягры (или Вулзягры?) можетъ быть представляетъ тоже, только испорченное, слово Вулгары, и Равенскій епископъ, конечно на основаніи болѣе отдаленнаго мѣста жительства, отличаетъ ихъ отъ другой вѣтви, которую онъ называетъ собственно Вулгарами, т. е. отъ Кутургуровъ Прокопія. Раздѣливъ Гунновъ на Аулзягровъ и Авировъ, Іорнандъ потомъ забываетъ сказать что нибудь объ Авирахъ; а вмѣсто нихъ говоритъ о Гунугарахъ, богатыхъ куньими мѣхами. Эти послѣдніе конечно и составляли истинно Гунское или Угорское племя, обитавшее въ странахъ Поволжскихъ и Подонскихъ, откуда вышли настоящіе Угры, и гдѣ впослѣдствіи встрѣчаемъ Буртасовъ или Мордву и другіе финскіе народцы, занимавшіеся звѣроловнымъ промысломъ.

Въ иномъ мѣстѣ своего сочиненія (гл. XXIII) Іорнандъ возвращается къ Славянскимъ народамъ, которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ Винидовъ или Венетовъ и говоритъ: „Эти народы, происшедшіе, какъ я сказалъ, отъ одного корня, имѣютъ три имени, т. е.: Венеты, Анты и Склавы; они свирѣпствуютъ теперь за грѣхи наши.“ Мы видѣли, что послѣднее выраженіе выше онъ употребилъ именно о Болгарахъ. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ славянскихъ народовъ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ въ предѣлы Восточной Римской имперіи Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя видовыя названія Гунновъ (собственно Болгаръ), приводимыя византійцами, встрѣчаются также у Іорнанда, напримѣръ: Ульцингуры (Ультизуры Агаѳія) и Витугоры (Витигуры Менандра); но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннамъ, какъ это дѣлаютъ византійцы, а относитъ къ тѣмъ немногимъ народамъ, которые оставались еще въ Гунской зависимости во время Денгизиха, сына Аттилы (гл. LIII).

Но возвратимся къ судьбѣ Болгаръ по византійскимъ источникамъ.

Во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го мы находимъ Кутургуровъ подъ игомъ Аваръ и вспомогательныя болгаро-славянскія дружины въ войскахъ Аварскаго кагана. Прежнее названіе Гуннами и Кутургурами начинаетъ у византійцевъ мало-по-малу замѣняться другими именами. Но до какой степени еще долго не устанавливались и путались народныя имена, показываютъ извѣстія о нападеніи на Константинополь въ 626 году, во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Между тѣмъ какъ на азіятскомъ берегу Боспора появилось персидское войско, съ европейской стороны Константинополь былъ окруженъ полчищами аварскаго кагана, союзника Хозроева. По извѣстіямъ Хроники Пасхальной и патріарха Никифора, вспомогательныя войска кагана состояли изъ Славянъ; Ѳеофанъ называетъ Булгаръ, Славянъ и Гепидовъ, при чемъ Гуннами онъ исключительно именуетъ Аваръ; а Манасія аварскихъ подручниковъ называетъ Тавроскиѳами. Когда осаждавшіе сдѣлали попытку дѣйствовать на городъ съ моря, то замѣчательно, что въ этомъ случаѣ по обыкновенію выступили не сами Авары, а ихъ славянскіе подручники на своихъ однодерев-

кахъ. Манасія говоритъ: „князья неистовыхъ Тавроскиѳовъ, собравъ корабли съ безсмѣтнымъ числомъ воиновъ, покрыли все море ладьями-однодеревками“. Народы, осаждавшіе Византію, онъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Персъ уподоблялся колючему скорпіону, свирѣпое племя Скиѳовъ ядовитому змію, а народъ Тавроскиѳскій саранчѣ, которая и ходитъ, и летаетъ“ (т. е. двигается и на сушѣ, и на морѣ. Ed. Bon. 162). Подъ именемъ Скиѳовъ тутъ разумѣются по всей вѣроятности Авары, а Тавроскиѳы очевидно означаютъ Болгарскія племена, жившія надъ самымъ Чернымъ моремъ и привычныя къ мореплаванію. Замѣтимъ, что Манасія писалъ въ XII вѣкѣ, когда именемъ Тавроскиѳовъ византійцы обозначали вообще южнорусскихъ Славянъ. Патріархъ Никифоръ, писатель первой половины IX вѣка, слѣдовательно жившій гораздо ближе къ событію чѣмъ Манасія, говоритъ, что въ морскомъ сраженіи подъ стѣнами Константинополя славянскія лодки были разсѣяны, при чемъ побито столько Славянъ, что море кругомъ окрасилось въ пурпуровый цвѣтъ; а между ихъ трупами оказались многія женщины. Послѣдняя черта совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія, который замѣтилъ, что при вторженіяхъ въ Римскую имперію Гунновъ (т. е. Кутургуровъ или Болгаръ) обыкновенно послѣ ихъ схватокъ съ римскими войсками на полѣ сраженія Римляне находили женскіе трупы между убитыми варварами. Эти черты подтверждаютъ, что рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же племени, являющемся въ источникахъ подъ разными именами *.

Нашествіе аварскаго кагана въ 626 г. на Константинополь окончилось неудачею. По всей вѣроятности этою неудачею и происшедшимъ за тѣмъ ослабленіемъ аварскаго могущества воспользовались Болгаре, чтобы возвратить себѣ независимость. По крайней мѣрѣ по извѣстію Никифора, нѣсколько лѣтъ спустя, Кувратъ, вождь Гуногундуровъ, возсталъ противъ Аваръ, изгналъ ихъ изъ своей земли и заключилъ союзъ съ императоромъ Ираклiемъ. Можно догадываться, что и самое возстаніе противъ Аваръ произошло не безъ участія византійской политики, старавшейся всегда вооружать сосѣднихъ варваровъ другъ противъ друга.

Перейдемъ теперь къ разсказу Ѳеофана, Никифора и Анастасія о раздѣленіи Болгаръ и ихъ переселеніи за Дунай, къ тому именно разсказу, на которомъ до сихъ поръ еще ученые основываютъ начальную Болгарскую исторію *.

„Гунноболгары и Котраги — говоритъ Ѳеофанъ—первоначально обитали за Эвксинскимъ Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ. Въ послѣднее впадаютъ великая рѣка Атель, протекающая отъ океана черезъ всю землю Сарматовъ, и рѣка Танаисъ, выходящая изъ Кавказскихъ горъ; а изъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, впадающая въ Понтійское море подлѣ Некропилъ у мыса, именуемаго Баранья морда, тамъ гдѣ Меотійское озеро изливается въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагуріей. Отъ этого озера до рѣки Куфисъ лежитъ Древняя или Великая Булгарія, которая называется ина-

* Напомнимъ, что по извѣстію Льва Діакона и Кедрина Тавроскиѳы (Руссы), воевавшіе съ Цимисхіемъ въ Болгаріи, также имѣли при себѣ женщинъ, и что между убитыми также нерѣдко находились женскіе трупы.

* Theophanis Chronographia. Ed. Bon. 545. — 550. Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. Bon. 38—40. Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica. Ed. Bon. 179—182.

че страною Котраговъ, соплеменниковъ Болгаръ.“ Здѣсь мы видимъ, во первыхъ, очень сбивчивыя географическія свѣдѣнія. Такъ Атель, т. е. Волга, смѣшана съ Танаисомъ или Дономъ, а Куфисъ, т. е. Кубань (у древнихъ и Гупанисъ, и Танаисъ) представленъ результатомъ ихъ сліянія. Но общее указаніе на Кубанскую страну какъ на древнюю родину Болгаръ совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія о первобытныхъ жилищахъ Кутургуровъ и Утургуровъ.

Во времена императора Константина (Погоната?) — продолжаетъ Ѳеофанъ—Кроватъ, вождь Булгаръ и Котраговъ, умирая завѣщалъ своимъ пяти сыновьямъ не раздѣляться между собою и общими силами бороться противъ внѣшнихъ враговъ. Но сыновья не исполнили его завѣщанія, подѣлили отцовское наслѣдіе и разошлись въ разныя стороны. Старшій, по имени Батбай (у Никифора Баянъ), съ своею частію остался на родной землѣ. Второй, Котрагъ, перешелъ на эту сторону Танаиса; четвертый двинулся въ Паннонію, гдѣ потомъ поддался аварскому кагану; пятый удалился въ Пентаполисъ или Равенскій экзархатъ. А третій братъ, Аспарухъ, двинулся за Днѣпръ и Днѣстръ и остановился на рѣкѣ Онглъ. Когда такимъ образомъ братья раздѣлились, многочисленный народъ Хазаръ покорилъ всѣ земли, лежащія за Танаисомъ около Понта и наложилъ дань на участокъ Батбая, которую „онъ платитъ до сего дня.“

Дальнѣйшія, довольно запутанныя извѣстія упомянутыхъ писателей повѣствуютъ, что Болгаре Аспаруховы, находившіеся недалеко отъ Дуная, начали переходить эту рѣку и опустошать Мизію и Ѳракію. Тогда императоръ Константинъ Погонатъ предпринялъ противъ нихъ походъ (678 г.). Но походъ былъ неудаченъ, и Болгаре быстро наводнили страну между Дунаемъ и Балканскими ущельями, въ которой и поселились, покоривъ жившія здѣсь семь славянскихъ племенъ и кромѣ того плема Северянъ (Сербовъ); при чемъ Болгаре отодвинули эти племена далѣе на югъ и западъ.

Удивляться надобно тому, какимъ образомъ такіе писатели какъ Шафарикъ не обратили вниманія на очевидныя противорѣчія между подобными разсказами и несомнѣнными историческими фактами и даже между самими собою. Наприм., выходитъ, что только по смерти Куврата, свергшаго аварское иго, Болгаре раздѣлились и большею частію покинули свою Кубанскую родину. Слѣдовательно до его смерти всѣ они жили за Меотійскимъ моремъ, на Кубани? Но извѣстно, что Авары господствовали въ Панноніи, Дакіи и вообще по сю сторону Меотійскаго моря; а на восточной сторонѣ его властвовали Турки-Хазары. То, что писатели IX вѣка изображаютъ событіемъ нѣсколькихъ лѣтъ, относя его ко второй половинѣ VII вѣка, есть не болѣе какъ обычный легендарный пріемъ, повторяющійся въ начальной исторіи едва ли не всѣхъ народовъ. Умирающій отецъ завѣщаетъ сыновьямъ жить въ единеніи и согласіи; а сыновья не исполняютъ завѣщанія и раздѣляются— все это очевидная легенда. Она сложилась конечно для того, чтобы объяснить широкое распространеніе Болгарскаго народа, котораго вѣтви къ началу IX вѣка уже простирались отъ Волги и Кавказа до Аппенинъ.

Мы видѣли, что Болгаре переходили за Дунай, нападали на Мизію, Ѳракію и доходили до стѣнъ Константинополя еще во второй половинѣ V вѣка;

но и тогда эти походы они предпринимали конечно не прямо изъ своей древней родины, съ береговъ Кубани. Совокупность всѣхъ извѣстій показываетъ, что Болгаре, вытѣснивъ Остготовъ изъ южной Россіи, вслѣдъ за ними подвинулись на западъ, и заняли нѣкоторыми своими племенами страну между Днѣпромъ и Дунаемъ. Слѣдовательно не изъ за Дона, а просто изъ за Дуная совершали они свои вторженія въ предѣлы Византійской имперіи въ теченіе двухъ столѣтій, отъ второй половины V-го до второй половины VII вѣка. Они не ограничивались одними набѣгами, нерѣдко вступали наемниками на византійскую службу, а иногда получали отъ императора земли въ Мизіи и Ѳракіи и селились тамъ съ условіемъ защищать эти земли отъ внѣшнихъ непріятелей *.

Естественный, историческій ходъ событій приводитъ насъ къ слѣдующему выводу относительно Болгаръ. Ловкая политика Юстиніана I, породившая взаимные раздоры и междоусобія князей, и наступившее за тѣмъ аварское иго задержали на нѣкоторое время ихъ переселеніе за Дунай. Но въ первой половинѣ VII вѣка въ средѣ Болгаръ, жившихъ около Дуная, повидимому совершился поворотъ къ объединенію подъ однимъ княжескимъ родомъ. Обыкновенно такое объединеніе возникаетъ подъ давленіемъ иноплеменниковъ; а Болгаръ въ то время, кромѣ Аваръ, тѣснили надвигавшіе изъ Азовскихъ степей новые родичи истыхъ Гунновъ, т. е. Угры. Является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ за тѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Ѳракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатическое море. Съ удаленіемъ Болгаръ на западъ по смерти Куврата легенда связываетъ и подчиненіе Приазовскихъ ихъ родичей Хазарамъ. Но мы знаемъ, что Болгаре-Утургуры, по извѣстію Менандра, уже во второй половинѣ VI вѣка подпали зависимости отъ Турокъ, именуемыхъ потомъ Хазарами. Въ разсказѣ Ѳеофана обратимъ особое вниманіе на то, что участокъ Батбая „до сего дня платитъ дань Хазарамъ“ (мы говоримъ участокъ Батбая, а не самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ, приписывающій Батбаю такимъ образомъ полуторастолѣтній возрастъ). Отсюда ясно, что во время этого историка, т. е. въ первой половинѣ IX вѣка, еще существовали Болгаре въ своей древней родинѣ около Азовскаго моря и что они еще находились подъ хазарскимъ игомъ. Это свидѣтельство для насъ важно, такъ какъ къ Азовско-Кубанскимъ Болгарамъ мы возвратимся въ другомъ мѣстѣ (по поводу вопроса о Тмутраканской Руси).

Надѣемся, мы достаточно показали несостоятельность важнѣйшаго пункта Тюрко-Финской теоріи, т. е. названія Болгаръ Гуннами въ нѣкоторыхъ

* Мы видѣли, что уже Прокопій сообщаетъ о такихъ поселеніяхъ Кутургуровъ. Имя это не исчезло безслѣдно на Балканскомъ полуостровѣ: по справедливому замѣчанію Рёслера оно доселѣ живетъ въ названіи Куцо-Влаховъ (Romaenische Studien. 236).

средневѣковыхъ источникахъ. Равнымъ образомъ мы поставили на видъ недостатокъ критики со стороны европейской ученой исторіографіи, повторявшей относительно Болгаръ сомнительныя извѣстія писателей позднѣйшихъ, безъ согласованія ихъ съ писателями болѣе ранними. Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ помянутой теоріи, т. е. къ доказательствамъ этнографическимъ и филологическимъ.

В. Доказательства этнографическія.

IV. Невѣрное мнѣніе о характерѣ Славянъ и превращеніи Болгаръ. Сосѣдство съ истинно гуннскими элементами. Сила славянскаго движенія.

Откуда на Балканскомъ полуостровѣ явилось такое сплошное и многочисленное Славянское населеніе?

По нѣкоторымъ признакамъ нѣтъ сомнѣнія, что Сармато-Славянская стихія существовала тамъ издревле рядомъ съ Кельтической и Германской; но до такъ наз. эпохи великаго переселенія народовъ эта стихія была довольно слаба. Всѣ почти согласны въ томъ, что сильный приливъ Славянъ изъ за Дуная совершился въ V вѣкѣ; особенно онъ увеличился послѣ паденія Гуннской державы и удаленія Остъ-Готовъ въ Италію. Но какимъ образомъ совершалось это переселеніе Славянъ за Дунай? Шафарикъ, постоянно проповѣдующій о необыкновенно мирномъ и кроткомъ характерѣ Славянскаго племени, говоритъ слѣдующее: „Славяне, ища новыхъ жилищъ, никогда не приходили въ Мизію и окрестныя земли разомъ, съ шумомъ и громомъ, напротивъ отдѣльными частями, тихо, и поселялись въ нихъ съ позволенія и вѣдома Греческаго правительства. Такое мирное и продолжительное переселеніе земледѣльческаго народа не могло обратить на себя вниманія Греческихъ историковъ, гонявшихся только за звукомъ оружія и количествомъ крови, пролитой на полѣ сраженія, а потому мы и не находимъ ничего въ ихъ твореніяхъ объ этомъ поселеніи.“ (Слав. Древ. т. II., кн. I.).

Замѣчательно, что подобная характеристика мирнаго переселенія нисколько не мѣшаетъ тому же писателю изображать цѣлый рядъ славянскихъ вторженій въ предѣлы Византійской имперіи. А византійскіе историки, на которыхъ онъ ссылается, нисколько не молчатъ о томъ, что эти вторженія сопровождались всякаго рода жестокостями, совершенно не соотвѣтствующими понятію о какомъ-то кроткомъ, миролюбивомъ настроеніи Славянскаго племени. На примѣръ, Прокопій въ своей „Готской войнѣ“ разсказываетъ, какъ при одномъ вторженіи во Ѳракію, въ 550 г., Славяне сожгли живымъ римскаго военачальника Азвада, предварительно вырѣзавъ у него ремни изъ спины. (Это вырѣзываніе ремней, судя по нашимъ сказкамъ, было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ у Славянъ). Вообще жалобы византійскихъ писателей на жестокости, совершаемыя Славянами, вполнѣ сходны съ ихъ расказами о неистовствахъ, которыя впослѣдствіи производили Руссы въ своихъ нападеніяхъ на Византію, напримѣръ въ 865 и 941 г. г. По словамъ Прокопія нападенія Славянъ производились почти ежегодно. Нападенія эти совершались, во первыхъ, Славянами уже жившими на Балканскомъ полуостровѣ, а во вторыхъ тѣми, которые приходили съ сѣверной стороны Дуная. Послѣдніе нерѣдко селились въ Мизіи, Иллиріи и Ѳракіи подлѣ своихъ одноплеменниковъ; а византійское правительство поневолѣ потомъ уступало имъ занятыя

земли съ обычнымъ обязательствомъ доставлять вспомогательныя дружины. Слѣдовательно поселеніе Славянъ въ предѣлахъ Византійской имперіи происходило совсѣмъ не тихо и незамѣтно для исторіи; напротивъ оно совершалось при громѣ оружія и сопровождалось большимъ кровопролитіемъ; о чемъ, повторяю, нисколько не думаютъ умалчивать византійскіе историки. Въ этомъ заселеніи Балканскаго полуострова Славянами безспорно главная роль принадлежала Болгарамъ; движеніе ихъ за Дунай началось со второй половины V вѣка; а во второй половинѣ VII оно завершилось окончательнымъ ихъ утвержденіемъ въ Мизіи, значительной части Ѳракіи и Македоніи. *

Въ половинѣ IX вѣка Болгарскій народъ принялъ христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Священное Писаніе на Славянскомъ языкѣ. Ясно, что въ это время онъ былъ народомъ уже Славянскимъ. А такъ какъ его тѣсное сожительство съ Славянами считаютъ со времени поселенія за Дунаемъ, т. е. со второй половины VII вѣка, то выходитъ, что онъ ославянился въ теченіе полутораста лѣтъ. Венелинъ очень мѣтко указалъ на эту самую слабую сторону Тунмано-Энгелевой теоріи: такое скорое и полное превращеніе могущественнаго племени завоевателей въ народность покоренныхъ, и притомъ народность совершенно чуждую, ни съ чѣмъ несообразно, и не находитъ въ исторіи никакой аналогіи. Мы снова удивляемся, какимъ образомъ глубокомысленный Шафарикъ не остановилъ своего вниманія надъ этимъ важнымъ пунктомъ и ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, представляется намъ такое же явленіе, какое, спустя около двухъ сотъ лѣтъ, повторилось на Руси, когда къ тамошнимъ Славянамъ пришли Варяги. Предводители воинственныхъ полчищъ, правда немногочисленныхъ, но храбрыхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, вторглись въ земли миролюбивыхъ Славянъ, занимавшихся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, присвоили себѣ надъ ними верховную власть и, поселясь среди ихъ, такъ полюбили выгоды образованной гражданской жизни что въ короткое время породнились съ новыми своими подданными, приняли ихъ языкъ, нравы, образъ жизни и даже вмѣстѣ съ ними самое христіанство, совершенно переродились и сдѣлались изъ Уральской Чуди Подгемскими Славянами“ (ibid. 266). Мы видимъ, что незабвенный авторъ Славянскихъ древностей превращенію Финскихъ Болгаръ въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же или еще болѣе быстромъ превращеніи Скандинавской Руси тоже въ Славянъ. Послѣ изслѣдованій, посвященныхъ нами вопросу о происхожденіи Руси, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что означенное сравненіе не можетъ имѣть мѣста. Никакой другой, несомнѣнно исторической, аналогіи Тюрко-Финская теорія намъ не представила. Замѣчательно, что нашъ норманизмъ въ свою очередь быстрому перерожденію Руси въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же перерожденіи Болгаръ. Такимъ образомъ обѣ эти мнимыя теоріи опираются одна на другую. *

* Примѣры постепеннаго водворенія Славянъ за Дунаемъ см. въ Заселеніи Балкан. полуострова Славянами Дринова. Только жаль, что г. Дриновъ при этомъ упустилъ изъ виду главную массу Славянскаго населенія, т. е. Болгаръ, и, положась на мнѣнія Шафарика и другихъ авторитетовъ, не подвергъ анализу доказательства Тюрко-Финской теоріи.

* Тотъ же идиллическій взглядъ на совершенное подчиненіе завоевателей вліянію покоренной народ-

Перекрещеніе или смѣшеніе разныхъ народностей, порождающее новые типы, новыя національности, а также переходъ одного народа въ другой совершаются по такимъ же неизмѣннодѣйствующимъ законамъ какъ и все другое въ мірѣ; скачковъ, отступленій, идиллическихъ исключеній тутъ не бываетъ и не можетъ быть. Дунайскіе Болгаре являются передъ нами не какимъ либо смѣшаннымъ, переходнымъ типомъ, а цѣльнымъ Славянскимъ народомъ; если были постороннія примѣси, то онѣ давно уже переработаны сильною, господствующею стихіей, и оставили только нѣкоторые слѣды. А если принять означенную теорію, то мы, на оборотъ, имѣли бы передъ собой быстрый переходъ сильнаго, господствующаго народа въ другой болѣе слабый и притомъ подчиненный—явленіе совершенно противорѣчащее историческимъ законамъ. Исторія какъ бы нарочно помѣстила рядомъ съ Болгарами иные народы, чтобы свидѣтельствовать о невозможности подобныхъ переходовъ. Вотъ уже около 1000 лѣтъ какъ орда Угровъ поселилась посреди Славянъ; однако они не только не ославянились, а напротивъ благополучно подвигаютъ впередъ мадьяризацію нашихъ соплеменниковъ. Европейскіе Турки болѣе 400 лѣтъ живутъ посреди Славянъ и Грековъ, и доселѣ еще не ославянились и не огречились. Румыны почти со всѣхъ сторонъ были окружены Славянами, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они жили общею политическою и религіозною жизнію съ Славянскими Болгарами, имѣли церковно-славянскую письменность, и все таки не превратились въ Славянъ. Вообще Финскія племена отнюдь не легко переходятъ въ другія народности; доказательствомъ тому служитъ сѣверная и восточная полоса Европейской Россіи. Хотя племена эти не только не господствующія (каковыми были Болгаре), а напротивъ представляются лишенными всякой политической самобытности, бѣдными и слабыми; однако обрусѣніе ихъ совершается весьма медленно и постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій, и никакихъ исключеній изъ этой постепенности мы не видимъ.

Если обратимся къ Болгарамъ и поищемъ какихъ либо особыхъ условій, которыя могли бы благопріятствовать ихъ быстрому превращенію въ Славянъ, то никакихъ подобныхъ условій мы не найдемъ. Сторонники Тюрко-Финской теоріи указывали на одно только смягчающее обстоятельство: малочисленность Болгаръ, покорившихъ Мизію, ибо они составляли одну пятую часть Кувратовой орды; при томъ они будто бы были отдалены отъ соплеменныхъ имъ Финскихъ народовъ. * Но эта малочисленность, которую предполагалъ уже Шафарикъ, принадлежитъ къ очевиднымъ натяжкамъ, и дѣленіе Кувратовой орды на пять равныхъ частей есть не болѣе какъ гипотеза. Мы видѣли, что вообще разсказъ объ этомъ дѣленіи имѣетъ чисто легендарный характеръ. Весь ходъ Болгарскаго дви-

ности раздѣлялъ и многоуважаемый, слишкомъ рано похищенный смертію, Гильфердингъ. «Много ордъ—говоритъ онъ—въ теченіе вѣковъ бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки, и столько другихъ; отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись передъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре.» Соч. Гильферд. (I. 26).

* См. Черткова «О переводѣ Манасіиной лѣтописи» (стр. 64.) и Сочиненія Гильфердинга (I. 26).

женія напротивъ указываетъ, что главная масса Болгаръ сосредоточилась на Дунаѣ; при чемъ значительная часть этой массы поселилась въ Мизіи, отчасти покоривъ жившихъ тамъ Славянъ, отчасти отодвинувъ ихъ далѣе на югъ и западъ. По всѣмъ признакамъ здѣсь было многочисленное и сплошное Болгарское населеніе.

Далѣе, еслибы Дунайскіе Болгаре были Финнами, то нѣтъ никакого повода говорить объ ихъ отдаленности отъ родственныхъ имъ народовъ. Ненадобно, вопервыхъ, упускать изъ виду, что они нисколько не находились въ изолированномъ положеніи по отношенію къ другимъ вѣтвямъ своего племени. Значительная ихъ часть еще оставалась на сѣверной сторонѣ Дуная, въ Дакіи; кромѣ того, по смыслу сказанія о раздѣлѣ сыновей Куврата выходитъ, что къ части Аспаруха съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны Днѣпра и Азовскаго моря примыкалъ удѣлъ втораго брата, а съ сѣверо-западной удѣлъ четвертаго. Послѣдній удѣлъ, т. е. Болгаре Паннонскіе, поселившіеся на р. Тиссѣ, не только не теряли связи съ Нижнедунайскими Болгарами; но потомъ, когда было разрушено Аварское царство, они возсоединились съ своими соплеменниками. Еслибы Болгаре были настоящими Гуннами, то ихъ народность нашла бы могущественную поддержку и въ самомъ народѣ Аварскомъ, который исторіографія также причисляетъ къ Гуннскимъ племенамъ. Болгаре нѣкоторое время находились подъ игомъ Аваръ; но и послѣ освобожденія отъ этого ига они долгое время жили въ сосѣдствѣ съ Аварами на Дунаѣ. Однако эти два народа не только не могли слиться, но напротивъ мы видимъ между ними ожесточенную борьбу; эта борьба прекратилась только съ конечнымъ разрушеніемъ Аварскаго царства, которое было уничтожено соединенными усиліями Франковъ и Болгаръ въ началѣ IX вѣка. Болгаре „въ конецъ истребили Аваръ“ — замѣчаетъ одинъ византійскій писатель (Свида). Мы не думаемъ, чтобы это извѣстіе можно принимать буквально. По всей вѣроятности далеко не всѣ Авары были истреблены; но они конечно впослѣдствіи примкнули къ своимъ соплеменникамъ, т. е. къ Уграмъ (если только это были дѣйствительно ихъ соплеменники).

А Угры, развѣ они далеко жили отъ Болгаръ? Нисколько. Они были ихъ сосѣдями съ незапамятныхъ временъ еще въ степяхъ Южной Россіи, откуда постепенно подвигались на западъ; уже въ первой половинѣ IX вѣка, по византійскимъ извѣстіямъ, мы находимъ Угровъ сосѣдями Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ. Еслибы Болгаре были сами Угорское, т. е. Финское, племя, то ихъ народность послѣ Аваръ должна была получить сильную поддержку и со стороны Угровъ. Принимая въ расчетъ Болгаръ, оставшихся по ту и по другую сторону Азовскаго моря и близкія къ нимъ племена Поволжскихъ Финновъ, мы получили бы почти непрерывное Финское населеніе на огромномъ пространствѣ отъ Уральскихъ до Балканскихъ горъ. Какъ же при такихъ условіяхъ Дунайскіе Болгаре могли обратиться въ Славянъ? На оборотъ тогда бы всѣмъ Южнорусскимъ и Дунайскимъ Славянамъ грозила опасность обратиться въ Финновъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ рядъ Угорскихъ народовъ былъ нарушенъ великимъ Болгарскимъ племенемъ. По отношенію къ настоящимъ Уграмъ мы не только не находимъ со стороны Болгаръ какого либо родственнаго влеченія, а напротивъ видимъ туже племенную ненависть какъ и въ отношеніи Аваръ.

Наконецъ возьмемъ первоначальныхъ Гунновъ, т. е. Гунновъ Аттилы. Напрасно было бы думать, что послѣ паденія его державы эти Гунны были всѣ истреблены или ушли опять на востокъ. Напротивъ, часть ихъ уцѣлѣла въ Дакіи и Панноніи и облегчила потомъ завоеваніе этихъ странъ Аварами, точно также какъ впослѣдствіи остатки Гунновъ и Аваръ облегчили завоеваніе Среднедунайской равнины Уграми. Іорнандъ говоритъ, что часть Гунновъ съ сыновьями Аттилы удалилась на берега Понта въ мѣста, гдѣ нѣкогда обитали Готы. Очень можетъ быть, что эти Гунны потомъ вмѣстѣ съ своими родичами Уграми опять воротились въ Паннонію и помогли возстановить тамъ царство Аттилы. Кромѣ того небольшое количество настоящихъ Гунновъ вмѣстѣ съ Сарматами (т. е. Сербами) основалось въ Иллирикѣ. Далѣе, младшій сынъ Аттилы Эрнакъ поселился съ своими Гуннами на краю Малой Скиѳіи (въ Добруджѣ), рядомъ съ Аланами, которыми начальствовалъ царь Кондакъ. (Эти Алане, увлеченные Гуннами изъ Задонскихъ степей, конечно были соплеменники Болгаръ, если не передовыя дружины тѣхъ же самыхъ Болгаръ, проложившія имъ путь на Дунай). Двоюродные братья Эрнака, Эмнедзаръ и Узиндуръ, заняли сосѣднюю часть Береговой Дакіи, откуда гунскіе князья Уто и Искальмъ съ своимъ народомъ перешли далѣе на югъ: „потомки этихъ Гунновъ — прибавляетъ Іорнандъ — называются Сакромонтизіи и Фозатизіи“ (cap. L.).

Слѣдовательно, вотъ сколько гунскихъ элементовъ имѣли Болгаре вокругъ себя, и, еслибы они сами были Гуннами, то конечно ихъ народность нашла бы обильную пищу для своего сохраненія и дальнѣйшаго развитія, какъ это мы видимъ на Уграхъ. А между тѣмъ на оборотъ Болгаре мало по малу ославянили всѣ чуждые элементы, очутившіеся въ ихъ средѣ. Съ другой стороны эти остатки Гунновъ, очутившіеся среди Болгаръ, по естественному ходу вещей не вдругъ поддались славянству и еще долгое время составляли чуждую народность, которая находилась въ нѣкоторомъ презрѣніи у Болгаръ и сохраняла свои разбойничьи привычки. На это указываетъ слѣдующее извѣстіе. Менандръ подъ 573 г. говоритъ, что на аварское посольство, возвращавшееся изъ Византіи, напали „такъ называемые Скамары“ и разграбили его. Ѳеофанъ подъ 764 г. также упоминаетъ о болгарскихъ разбойникахъ, „называемыхъ Скамарами“ *. Упомянутые выше Іорнандовы Сакромонтизіи по всей вѣроятности суть ничто иное какъ переиначенное названіе Скароманты или Скамары. Мы позволяемъ себѣ сблизить съ этимъ названіемъ славянское слово скамрахъ или скоморохъ. Это одно изъ многихъ народныхъ именъ, обратившихся въ бранное или насмѣшливое нарицательное имя. Аналогію съ нимъ можетъ представить наше слово чудакъ, происшедшее отъ народнаго имени Чудь.

И такъ, если допустить предположеніе, что Болгаре были соплеменниками Гунновъ и Угровъ, то быстрое и коренное превращеніе ихъ въ Славянъ являлось бы событіемъ не только чрезвычайнымъ, но и просто ни съ чѣмъ несообразнымъ. А потому мы смѣло можемъ утверждать, что Болгаре, пришедшіе на Дунай, не могли быть ничѣмъ инымъ какъ Славянами. Это положеніе только и можетъ объяснить намъ, почему въ слѣдъ за окончатель-

* О тѣхъ же разбойникахъ Скамарахъ говоритъ Евтипій въ житіи Северина. (См. Mem. Pop. II. 526).

нымъ поселеніемъ Болгаръ въ Мизіи мы видимъ усиленное славянское движеніе почти по всему Балканскому полуострову. Славянизація въ VIII вѣкѣ сдѣлала такіе успѣхи даже въ южныхъ частяхъ полуострова, что Константинъ Багрянородный замѣчаетъ: „ославянилась (ἐσθλαβώθη) и оварварилась цѣлая страна въ то время, когда моровая язва свирѣпствовала во всей вселенной, а скипетръ римскій былъ въ рукахъ Константина Копронима“ (De thematibus occidentis). Какимъ образомъ могла происходить такая славянизація въ VIII вѣкѣ, еслибы сильное и господствующее надъ Славянами племя было чуждаго имъ, финскаго происхожденія? Откуда бы вдругъ взяли силы нѣкоторые довольно слабые славянскіе народы, прозябавшіе дотолѣ на почвѣ имперіи? Да и вообще славянскій элементъ началъ громко заявлять о своемъ существованіи на полуостровѣ только съ появленія на немъ Болгаръ, т. е. съ V вѣка. Теорія, толкующая о томъ, что Дунайскіе Славяне по своему мирному характеру даже не были способны ни къ какимъ заявленіямъ, а ждали для этого предводителей, которые пришли къ нимъ въ видѣ чуждаго и совершенно несимпатичнаго для нихъ Угорскаго племени (какъ Славяне Русскіе ждали прихода Варяговъ, чтобы заявить міру о своемъ существованіи) — эта теорія совершенно произвольная, не основанная ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ и прямо несообразная съ историческимъ смысломъ. Очевидно пришествіе Болгаръ подкрѣпило славянскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ и сообщило славянскому движенію такую силу, что Византійская имперія должна была напрячь всѣ средства своей высшей гражданственности, чтобы положить преграду этому движенію. Благодаря превосходству своей организаціи, ей удалось не только остановить его, но впослѣдствіи произвести движеніе обратное, т. е. потрясти, ослабить Болгарское государство и снова огречить многія мѣстности, сдѣлавшіяся почти славянскими *.

V. Черты нравовъ и обычаевъ у Дунайскихъ Болгаръ. Ихъ одежда и наружность. Мнимыя связи съ Камскими Болгарами.

Если обратимся къ другому ряду доказательствъ Тюрко-финской теоріи — къ обычаямъ, то и здѣсь найдемъ, что эти доказательства набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ пріемовъ и лишены всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ онѣ изложены у Шафарика. „Равномѣрно образъ жизни и обычаи природныхъ булгарскихъ государей, рѣшительно не славянскіе, напр., принесеніе людей и звѣрей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, пада-

* Рѣшенію вопроса о народности Болгаръ можетъ способствовать особое изслѣдованіе о той болгарской колоніи, которая по баснословному разсказу византійцевъ перешла въ Италію прямо отъ Азовскаго моря съ пятымъ сыномъ Куврата. А по извѣстіямъ Фредегерія (гл. 72) и Павла Діакона (кн. V. гл. 29) просто дружина Булгаръ, «происходившихъ изъ Азіатской Сарматіи», бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человѣкъ подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ съ дозволенія короля Гримоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернію и Бояно (И этуто дружину, въ 700 человѣкъ, размѣстившуюся въ трехъ селеніяхъ новая исторіографія считала пятою частью всего Болгарскаго народа!). Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи. (См. о томъ «Письма» де-Рубертисъ въ Чтен. Об. И. и Д. 1858. I). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть когда нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой Болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ, каковы: грамоты, преданія, топографическія имена и т. п.

ющихъ при видѣ князя ницъ на земь лицемъ и славящихъ его, несеніе, впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю Турковъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, задомъ на пятахъ (по обычаю Персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста". (271—272).

Нынѣ доказано, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сходство и различіе обычаевъ представляютъ самую слабую основу; что общія черты быта и религіи могутъ встрѣчаться у народовъ нетолько не родственныхъ по происхожденію, но даже живущихъ въ совершенно разныхъ частяхъ свѣта и не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою. Поэтому доказательства подобнаго рода надобно строить съ большою осмотрительностію и отличать существенныя, дѣйствительно-родственныя черты отъ общихъ, принадлежащихъ не столько извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности или вліянію одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные. Поборники Тунманно-Энгелевой теоріи, во первыхъ, не обратили вниманія на весьма ясныя свидѣтельства источниковъ. Общія черты встрѣчаемъ уже у Амміана Марцелина при описаніи быта и характера Гунновъ и Аланъ: Алане („древніе Массагеты" — поясняетъ Амміанъ) такой же кочевой, конный и воинственный народъ, какъ и Гунны. Мало того, у Аланъ находимъ черты, прямо тождественныя съ краснокожими дикарями Новаго Свѣта, напримѣръ скальпированіе непріятельскихъ головъ. Однако Алане никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ Монгольскимъ и Татарскимъ племенамъ, съ понятіемъ о которыхъ мы привыкли связывать представленіе о кочевомъ, конномъ народѣ. Любимый напитокъ Татаро-монгольскихъ кочевниковъ составляетъ кумысъ или кобылье молоко; но, какъ извѣстно, древніе Литовцы и Сарматы также употребляли этотъ напитокъ. Тотъ же Амміанъ, восхищаясь храбростью Аланъ, объясняетъ воинственный характеръ Персовъ тѣмъ, что они родственнаго происхожденія со Скиѳами-Аланами (другіе писатели называютъ Аланъ Сарматами); этимъ свидѣтельствомъ положительно рѣшается вопросъ о принадлежности послѣднихъ къ Арійской семьѣ. А Болгаре вышли именно изъ той страны и изъ той группы народовъ, которую Амміанъ описываетъ въ IV вѣкѣ подъ общимъ именемъ Аланъ, обитавшихъ за Дономъ и Азовскимъ моремъ, и мы имѣемъ полное право заключить, что Болгаре принадлежали къ Скиѳо-Сармато-Аланской группѣ.

Далѣе, Прокопій, описывая нравы Склавинъ и Антовъ, говоритъ: „Они ведутъ образъ жизни суровый и грубый какъ Массагеты, и подобно послѣднимъ покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые люди между ними очень рѣдки; но при своемъ простосердечіи они имѣютъ гуннскіе нравы" (De Bello Goth. l. III, c. 14). Какого же болѣе яснаго свидѣтельства можно требовать отъ источниковъ, чтобы видѣть всю несостоятельность упомянутыхъ доводовъ? Склавины и Анты, т. е. Дунайскіе и Русскіе Славяне, имѣютъ гуннскіе нравы. Если подъ Гуннами подразумѣвать здѣсь настоящихъ Гунновъ, то на основаніи тѣхъ же пріемовъ можно повторять мнѣніе Венелина о славянствѣ Аттилы и его Гун-

новъ, что́ однако въ наше время едва ли возможно доказывать серьезно. Но мы видѣли, что Прокопій подъ именемъ Гунновъ разумѣетъ преимущественно Болгарскія племена, которыя въ его время играли едва ли не главную роль въ политическихъ отношеніяхъ имперіи со стороны Дунайской границы, и для насъ совершенно понятно постоянное сопоставленіе съ ними Антовъ и и Придунайскихъ Склавиновъ. Въ разсказахъ его о нападеніяхъ на имперію мы обыкновенно встрѣчаемъ то раздѣльно, то въ совокупности, эти три народа: Гунны, Анты и Склавины. Въ его описаніи войнъ Вандальской и Готской въ числѣ вспомогательныхъ или наемныхъ войскъ опять встрѣчаются тѣже Гунны, Анты и Склавины; они преимущественно упоминаются въ качествѣ отличныхъ конниковъ и стрѣлковъ. Общее или родовое названіе Гунновъ, какъ мы уже говорили, замѣняется у Прокопія иногда видовыми именами Кутургуровъ и Утургуровъ, а иногда другимъ общимъ названіемъ Массагетовъ. (Припомнимъ, что Амміанъ Массагетами называетъ Аланъ). Итакъ о сходствѣ бытовыхъ чертъ у Славянъ и у Болгаръ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Прокопія, который самъ видѣлъ ихъ и могъ наблюдать ихъ нравы, сопровождая Велизарія въ его походахъ. Слѣдовательно и съ этой стороны, на которую, повторяемъ, можно опираться весьма условно и осмотрительно, источники говорятъ совсѣмъ не въ пользу Тюрко-Финской теоріи.

Если сравнимъ нѣкоторые обычаи въ частности, то опять встрѣтимъ общеславянскія или общеварварскія черты. На примѣръ, клятва на обнаженномъ мечѣ была также въ обычаѣ у Руссовъ; употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, было присуще чуть ли не всѣмъ варварскимъ народамъ; мы находимъ его у Германцевъ даже въ VI вѣкѣ, если припомнимъ исторію Лонгобардскаго короля Альбоина. Знамена или стяги съ конскимъ хвостомъ (столь свойственныя народу, недавно вышедшему изъ кочеваго, коннаго быта), предпочтеніе лѣвой стороны, сидѣніе поджавъ колѣна на пятахъ (притомъ „по обычаю Персовъ“, народа совсѣмъ не турецкаго), широкіе шаровары (по извѣстію Ибнъ-Фоцлана бывшіе въ употребленіи также у Руссовъ) и пр. и пр. — все это такія черты, которыя никакъ нельзя признать финскими по преимуществу.

Извѣстно, что нѣкоторыя принадлежности одѣянія, а также прическа и борода не только въ наше время, но и во всѣ времена подвергались разнымъ вліяніямъ или такъ наз. модѣ. Болгаре издавна жили въ сосѣдствѣ съ Гуннскими народами, значительное время находились въ зависимости отъ Гунновъ и Аваръ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если по одному византійскому свидѣтельству (Свида) въ костюмѣ ихъ оказалось кое-что общее съ Аварами. Но уже самое свидѣтельство, будто „Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую“ (Mem. P. I. 758), показываетъ, что Болгаре и Авары не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ. Какую именно одежду заимствовали Болгаре у Аваръ Свида не объясняетъ; прическа у этихъ народовъ была различная. Ѳеофанъ и Анастасій говорятъ, что Авары носили длинные волосы, отброшенные назадъ и переплетенные тесемками; а остальная внѣшность ихъ была похожа на гуннскую (Mem. Pop. I. 644). Но, какъ мы видѣли, подъ Гуннами въ тѣ времена у византійцевъ разумѣлись преимущественно Болгаре. Прокопій, говоря о партіяхъ цирка, описываетъ ихъ мод-

ный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ или Гунновъ; а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означаютъ именно Болгаръ. Главныя черты этой моды составляли: оголенныя щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды, очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды „гуннской обуви“ (Hist. Arcana, c. VII). Изъ этихъ сопоставленій мы можемъ только заключить, что Болгаре и Авары носили прическу разную, а одежда ихъ была похожа.

Что обычай стричь бороду и голову принадлежалъ собственно Болгарамъ, подтверждаетъ одно болгарское извѣстіе, именно роспись первыхъ князей. Тамъ прямо сказано, что пока они держали княженіе объ ону (сѣверную) сторону Дуная, были „съ остриженными главами.“ (Обзоръ Хронографовъ. Андр. Попова. I. 25). Слѣдовательно послѣ утвержденія въ Мизіи и Ѳракіи болгарская аристократія начала измѣнять свою прическу, конечно подъ вліяніемъ византійскимъ. Такимъ образомъ, описанные Львомъ Діакономъ, бритый подбородокъ Святослава и его оголенная голова съ чубомъ, какъ оказывается, представляли черты общія съ древними Болгарами; только русскіе князья долѣе болгарскихъ сохраняли старыя привычки. Впрочемъ съ одной стороны уже въ вѣкъ Святослава не всѣ Руссы брили бороду; нѣкоторыя отпускали ее и завивали въ гриву (Ибнъ-Хаукалъ), а съ другой въ томъ же вѣкѣ встрѣчаются болгарскіе вельможи все еще съ подбритою кругомъ головою (Liutprandi, Legatio). *

Обратимъ вниманіе исторической этнографіи на бритые болгарскіе подбородки. Развѣ это собственно гуннская черта? Настоящіе Гунны были безбороды, о чемъ имѣемъ прямое свидѣтельство Амміана Марцеллина; только онъ напрасно объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что имъ при самомъ рожденіи дѣлали на щекахъ какія-то нарѣзки. Истые чудскіе народы, еще не смѣшавшіеся съ Арійцами, и въ наше время представляютъ тотъ же почти безбородый типъ, не дѣлая никакихъ нарѣзокъ на щекахъ (Остяки, Вогулы и Самоѣды) *.

Если отъ волосъ и одежды перейдемъ къ типу лица, то и здѣсь не найдемъ никакихъ извѣстій, чтобы Болгаре имѣли общія черты съ настоящими Гуннами, которые поражали Европейцевъ своимъ безобразіемъ. Современные намъ Болгаре въ большинствѣ имѣютъ чистый южнославянскій типъ. Если же и встрѣчаются (особенно въ Подунайской равнинѣ) многія физіономіи съ типомъ тюрко-финскихъ народовъ, то это объясняется историческими судьбами Болгаръ. Многія примѣси гуннскія и угорскія вошли въ Болгарскій организмъ еще до утвержденія ихъ за Дунаемъ; но и послѣ того долгое время продолжался приливъ тюркскихъ элементовъ. Припомнимъ

* «Bulgarorum nuntium, ungarico more tonsum» говоритъ Лиутпрандъ. Но почему же «остриженнаго по угорскому обычаю»? Оголенная кругомъ голова составляла древнеболгарскій обычай, какъ то доказываютъ Проконій и Роспись болгарскихъ князей. Очень можетъ быть, что и къ Уграмъ этотъ обычай перешелъ отъ Болгаръ.

* Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ, что Понтійскіе Скиѳы не были ни Чудь, ни Монголы: фигуры этихъ Скиѳовъ на разныхъ предметахъ, добытыхъ раскопками въ Южной Россіи, снабжены отличными бородами. Обычай брить бороды, можетъ быть, распространился между нами во времена римскаго господства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Такъ, по словамъ Діона Хризостома, въ I вѣкѣ по Р. Х. между жителями Ольвіи, бывшими полугреческаго, полуварварскаго происхожденія, онъ встрѣтилъ человѣка, который былъ остриженъ по римски, чтобы показать себя другомъ Римлянъ.

только, что послѣ истребительныхъ войнъ Цимисхія и особенно Василія II, когда Болгарское государство ослабѣло и подчинилось Византіи, многія мѣстности Болгаріи запустѣли. Въ теченіе X вѣка мы видимъ рядъ Печенѣжскихъ вторженій; а въ XI цѣлыя орды Печенѣговъ поселились въ равнинныхъ частяхъ Болгаріи съ позволенія Византіи. За Печенѣгами послѣдовали вторженія и колонизація Половцевъ, за Половцами Татары; наконецъ и Турки Османскіе также внесли свою долю. И замѣчательно, какъ сильна и живуча была коренная славянская народность Болгаръ: она усвоила себѣ всѣ чуждые элементы, ибо всѣ эти обрывки тюркскихъ народностей сдѣлались Болгарами по языку и быту; но онѣ оставили многіе слѣды въ наружномъ типѣ и въ характерѣ новыхъ Болгаръ. Кромѣ того неблагопріятное вліяніе чуждыхъ примѣсей отразилось впослѣдствіи въ недостаточномъ стремленіи къ національному единству и къ самобытности. И такъ мы видимъ Болгаръ въ постоянномъ и очень тѣсномъ соприкосновеніи съ народами тюрко-финскими, съ самаго начала ихъ исторіи до послѣднихъ вѣковъ. Есть ли какая вѣроятность, чтобы при такихъ условіяхъ они могли обратиться въ чистыхъ Славянъ и противостоять всѣмъ чуждымъ примѣсямъ, еслибы они не были коренною славянскою народностію? Конечно нѣтъ. Историческіе законы непреложны.

„Болгаре — говоритъ Шафарикъ — приносили людей и звѣрей въ жертву богамъ.“ Да какой же народъ, находившійся на степени варварства, этого не дѣлалъ? Извѣстно, что жертвоприношенія, и даже человѣческія, были въ обычаѣ у Руссовъ еще во второй половинѣ X вѣка. Въ числѣ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ у Болгаръ было разсѣченіе собакъ на части. Но и Руссы дѣлали тоже самое, судя по извѣстію Ибнъ-Фоцлана. Болгарскіе судьи пытали воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями. Но пытки, и самыя варварскія, существовали у народовъ болѣе образованныхъ. Какія же это доказательства финскаго племени?

Продолжимъ выписку доводовъ, приводимыхъ Шафарикомъ въ пользу неславянскаго происхожденія: „раннее укорененіе магометанства между Подунайскими Булгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обращеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги и т. п. Вѣроятно Дунайскіе Булгары, и по утвержденіи своемъ въ Мизіи, продолжали прежнія дружескія сношенія съ братьями своими, оставшимися на Волгѣ, отъ коихъ, безъ сомнѣнія, еще въ VIII вѣкѣ приняли первыя начала магометанства, уступившаго послѣ мѣсто христіанству“. (272). Мнѣніе о магометанствѣ Дунайскихъ Болгаръ какъ мы видимъ, построено на весьма слабыхъ основаніяхъ. Эти основанія заимствованы преимущественно изъ Отвѣтовъ папы Николая I въ 866 г. *) Только что окрещенные Болгаре обратились къ папѣ Николаю I съ просьбою возвести Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата и при этомъ предложили рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлію разъяснить нѣкоторыя ихъ недоумѣнія относительно новой религіи. Изъ этихъ вопросовъ, на которые папа прислалъ свои отвѣты, ясно видно, что Болгар-

*) Responsa ad consulta Bulgarorum. Acta Conciliorum. Ed. Harduin. V, 353.

скій народъ держался еще многихъ языческихъ обычаевъ. На примѣръ, вопросъ: „можно ли имѣть двухъ женъ и, если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими“—этотъ вопросъ нисколько не служитъ признакомъ мусульманства; многоженство есть черта языческая, и оно существовало у всѣхъ славянскихъ народовъ. Далѣе, обычай распоясываться, приступая къ какому либо священному дѣлу, ношеніе какой то полотняной повязки на головѣ (ligatura lintei), которую новообращенные не привыкли еще снимать входя въ церковь; продолжавшіяся въ народѣ идольскія жертвоприношенія—все это суть несомнѣнные остатки язычества.

Изъ всѣхъ вопросовъ болгарскихъ только одинъ имѣетъ отношеніе къ магометанству. „Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацинъ и имѣемъ у себя?“ — спрашиваютъ Болгаре. „Непремѣнно сжечь“—отвѣчаетъ папа. Но что это за сарацинскія книги и отъ кого онѣ были получены, о томъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній. Неизвѣстно, были ли то чисто-мусульманскія книги или принадлежали какой либо восточной сектѣ, предшественницѣ болгарскаго богумильства. Предметъ тѣмъ болѣе темный, что о мусульманской пропагандѣ тутъ совсѣмъ не упоминается. Въ заключеніе своихъ вопросовъ Болгаре умоляютъ дать имъ чистую и совершенную христіанскую вѣру: „ибо — говорятъ они — въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ то Греки, Армяне и другіе, которые учатъ насъ различно.“ Но если въ Болгарію приходили проповѣдники изъ разныхъ странъ, то могла проникать и магометанская проповѣдь, особенно при помощи многочисленныхъ славяно-болгарскихъ колоній, которыя поселились въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Константина Копронима, въ Болгаріи произошли сильныя междоусобія, во время которыхъ была свергнута династія Аспаруха и поставленъ князь (Телецъ) изъ другаго рода. Вслѣдствіе этихъ междоусобій множество болгарскихъ Славянъ оставили свои земли, и съ разрѣшенія византійскаго императора переселились въ Малую Азію на рѣку Артану; число этихъ переселенцевъ будто бы превышало 200,000 человѣкъ (по извѣстію Ѳеофана). Слѣдовательно, еслибы и встрѣтились дѣйствительно слѣды мусульманской пропаганды у Дунайскихъ Болгаръ, то посредниками въ этомъ случаѣ могли явиться болгарскіе колонисты въ Малой Азіи.

Впрочемъ сношенія съ Сарацинами въ тѣ времена были довольно обычны, особенно на почвѣ Византійской имперіи, гдѣ Болгаре встрѣчались съ ними то въ союзѣ съ Византіей противъ нихъ, то на оборотъ. Но Тюрко-Финская теорія совершенно упускаетъ изъ виду эту близость Малой Азіи и Сиріи и сношенія болгарскихъ царей даже съ египетскими халифами; а для подкрѣпленія своего дѣлаетъ предположенія о непосредственныхъ связяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими и о сильномъ магометанскомъ вліяніи съ береговъ Камы на берега Дуная. Во первыхъ, магометанство утвердилось въ Камской Болгаріи только въ X вѣкѣ; а въ VIII если и начали проникать туда начатки этого ученія, то еще весьма слабые. Во вторыхъ, источники не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Ближе къ послѣднимъ жили Болгаре Таврическіе и Таманскіе; но и тѣ остались чужды мусульманству, хотя оно проникло въ сосѣднюю съ ними Хазарію. Итакъ всѣ эти предположенія о

мусульманствѣ Дунайскихъ Болгаръ очевидно вызваны желаніемъ привести ихъ въ живую связь съ Камскими (о которыхъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ). Но, повторяемъ, источники нисколько не согласуются съ такимъ желаніемъ.

VI. Торговые договоры. Начало письменности и христіанства у Болгаръ.

Сами послѣдователи Тюрко-Финской теоріи указываютъ на черту, которая находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой теоріей. „Булгары принесли изъ Волжскихъ степей замѣчательную способность къ воспринятію цивилизаціи“ — замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Византійско-Славянскаго міра, — и указываетъ за тѣмъ на ихъ торговую дѣятельность. * И дѣйствительно, едва Болгаре утвердились въ Мизіи, какъ вошли въ торговыя сношенія съ своими сосѣдями. Болгарія вскорѣ сдѣлалась торговою посредницею между Византіей, Германіей, Западно и Восточно-Славянскими землями. Это значеніе ея мѣтко опредѣлила наша лѣтопись, вложивъ въ уста Святослава извѣстныя слова, что въ Переяславль на Дунаѣ „сходятся вся благая“ изъ разныхъ странъ. Торговля производилась въ тѣ времена особенно по рѣчнымъ и морскимъ путямъ; а судоходство, какъ извѣстно, не въ характерѣ чисто-степнаго Чудско-Татарскаго народа. Послѣднюю черту подтверждаютъ не только Гунны, Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары, но и современные Угры, которые, не смотря на свой внѣшній европеизмъ, не сдѣлались торговымъ народомъ, хотя они прежде жили около береговъ Чернаго моря, потомъ владѣли частію береговъ Адріатики и живутъ на такой судоходной рѣкѣ какъ Дунай. Болгаре, на оборотъ, какъ только утвердились за Дунаемъ, то первымъ ихъ стремленіемъ было захватить морскія гавани, каковы: Одиссосъ (Варна), Истрополисъ, потомъ Анхіалъ, Мессемврія, Бургасъ, Созополисъ.

На постоянную, значительную торговлю Болгаръ съ Византіей указываютъ торговые договоры Болгарскихъ князей съ Греками, совершенно подобные такимъ же договорамъ князей Русскихъ. Первый извѣстный намъ договоръ былъ заключенъ княземъ Кормезіемъ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ Тервелемъ) при императорѣ Ѳеодосіѣ Адрамитинѣ въ 714 или 715 году. Статьи этого договора опредѣляли цѣны наиболѣе дорогихъ товаровъ, постановляли взаимную выдачу бѣглыхъ преступниковъ и вмѣняли въ обязанность купцамъ имѣть печати или правительственныя клейма на своихъ товарахъ. Договоръ этотъ конечно былъ письменный, ибо спустя около ста лѣтъ болгарскій царь Крумъ посылаетъ угрожающее письмо къ императору Михаилу Рангаба и требуетъ мира не иначе какъ на основаніи Кормезіева договора (Ѳеофанъ и Анастасій). А въ промежуткѣ между Кормезіемъ и Крумомъ мы имѣемъ извѣстіе того же Ѳеофана о договорѣ Болгаръ съ Греками при Константинѣ Копронимѣ, въ 774 г., при чемъ обѣ стороны обмѣнялись письменными договорами и граматами. (Theoph. Ed. Bon. 691 и 775).

Какъ значительна была торговая конкуренція болгарскихъ купцевъ съ греческими въ самой Византіи, показываютъ событія второй половины IX вѣка. Въ царствованіе Льва VI Философа по интригѣ греческихъ купцовъ, подкупившихъ кого слѣдуетъ, склады болгарскихъ товаровъ въ 888 г. были пе-

* L'Empire Grecque au X siecle. Par Rambaud. Paris 1870.

реведены изъ Константинополя въ Солунь. Хотя это былъ второй послѣ столицы торговый городъ имперіи, однако положеніе болгарской торговли значительно измѣнилось къ худшему: болгарскія суда должны были огибать весь Ѳракійскій полуостровъ и проходить мимо Константинополя, чтобы достигнуть Солуня. Въ тоже время пошлины на ихъ товары были увеличены. Знаменитый болгарскій царь Симеонъ горячо принялъ къ сердцу жалобы своихъ торговцевъ, и отсюда возникла его жестокая война съ Греками. Въ этомъ случаѣ мы опять находимъ разительную аналогію съ Руссами, которые воевали съ Греками за нарушеніе торговыхъ договоровъ и притѣсненія своихъ купцовъ. Самая торговля русская съ Константинополемъ очевидно шла объ руку съ торговлей болгарской, и во многомъ за ней слѣдовала. Замѣчательны также и общіе мореходные пріемы Руссовъ и Болгаръ. Какъ тѣ, такъ и другіе не достигли развитія своихъ морскихъ силъ, и оба народа повидимому не пошли дальше своихъ лодокъ-однодеревокъ, которыя были пригодны для рѣчнаго и морскаго плаванія. Еще въ 626 г., во время осады Константинополя аварскимъ каганомъ, мы видѣли на Боспорѣ эти лодки Тавроскиѳовъ-Болгаръ. Тѣже болгарскія однодеревки встрѣчаемъ у береговъ Малой Азіи и спустя около 100 лѣтъ послѣ того, при императорѣ Львѣ Изаврianинѣ (Nicephor. Ed. Bon. 63). Дальнѣйшему развитію морскихъ силъ конечно воспрепятствовали относительно Руси кочевыя орды, которыя отрѣзали ее отъ моря, а относительно Болгаріи политическій упадокъ царства во второй половинѣ X вѣка и наступившая затѣмъ потеря самобытности. Приливъ тюркскихъ народовъ, т. е. Печенѣговъ и Половцевъ, въ XI вѣкѣ, также немало задержалъ развитіе болгарской образованности.

Рѣчь о болгарской торговлѣ приводитъ насъ къ вопросу о началѣ болгарской письменности. Обыкновенно это начало возводятъ ко времени крещенія царя Бориса и апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но вѣрно ли это мнѣніе? Отвѣчаемъ отрицательно. Мы видѣли существованіе письменныхъ договоровъ съ Греками уже до царя Бориса; первый извѣстный намъ (по Ѳеофану) договоръ относится къ 714 или 715 году. Если съ этимъ даннымъ сопоставимъ упомянутое выше извѣстіе Прокопія о посольствѣ князя Утургуровъ Сандила къ императору Юстиніану въ 551 г., при чемъ посолъ излагалъ свое порученіе изустно, то придемъ къ слѣдующему предположенію: болгарская письменность возникла въ періодъ времени между второю половиною VI-го и первою четвертью VIII-го вѣка. Но какая же это была письменность? Конечно славянская. Посольскія грамоты и письменные договоры съ Греками предполагаютъ при греческомъ текстѣ и существованіе славянскихъ переводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находимъ при договорахъ Олега и Игоря.

Свидѣтельства о письменныхъ договорахъ и посланіяхъ болгарскихъ царей не принадлежатъ къ какимъ либо позднѣйшимъ извѣстіямъ, сложившимся подъ вліяніемъ собственно Кирилло-Меѳодіевой грамоты; доказательствомъ тому служитъ самъ авторъ этихъ свидѣтельствъ Ѳеофанъ, который жилъ ранѣе свв. Солунскихъ братьевъ и былъ современникъ Крума. Можно предложить вопросъ: не писались ли означенные договоры на одномъ греческомъ языкѣ? Но во первыхъ, это пред-

положеніе не подкрѣпляется никакимъ свидѣтельствомъ источниковъ; во вторыхъ, тому противорѣчитъ существованіе славянскихъ переводовъ при договорахъ Руссовъ съ Греками. У насъ повторилось тоже явленіе: при княжемъ дворѣ писались грамоты на славянскомъ языкѣ прежде, нежели христіанство окончательно утвердилось въ Россіи. Притомъ два извѣстныхъ Олеговыхъ договора не были первыми русскими грамотами въ этомъ родѣ, такъ какъ въ нихъ самихъ заключаются намеки на договоры предшествовавшіе, слѣдовательно относящіеся къ IX вѣку.

На Руси начало грамоты совпадаетъ съ началомъ христіанства. Первое свидѣтельство о крещеніи Руссовъ, какъ извѣстно, заключается въ окружномъ посланіи патріарха Фотія 866 года. И у Дунайскихъ Болгаръ водвореніе письменности также по всей вѣроятности находилось въ связи съ началомъ ихъ христіанства. Историографія обыкновенно возводитъ христіанство Болгаръ къ крещенію царя Бориса-Михаила и его бояръ, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но она забываетъ, что это крещеніе было только окончательнымъ торжествомъ христіанства въ Болгаріи. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Византіей, въ Болгарію не проникло христіанство гораздо ранѣе. Что дѣйствительно такъ было, на это имѣемъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго и Кедрина. По ихъ словамъ преемникъ Крума Муртагонъ (или Критагонъ), княжившій въ первой четверти IX вѣка, замѣтивъ, что Болгарскій народъ мало по малу отпадаетъ отъ язычества и переходитъ въ христіанство, воздвигъ гоненіе на обращенныхъ и подвергъ казни тѣхъ, которые не хотѣли оставить новой вѣры. При этомъ упомянутые историки распространеніе христіанства между Болгарами приписываютъ плѣнному греческому епископу (Cedrenus. Ed. Bon. II. 185. Memor. Pop. II. 563). Но христіанство по всей вѣроятности уже существовало между ними. Болгаре заняли страну, населенную по большей части ихъ славянскими соплеменниками, которые искони жили на Балканскомъ полуостровѣ, входили въ составъ Византійской имперіи, и конечно если не всѣ, то отчасти были уже христіанами, когда утвердились здѣсь Болгаре. Отъ этихъ-то туземныхъ Славянъ христіанство очень рано могло проникнуть къ Болгарамъ. Есть поводы думать, что у послѣднихъ была сильная христіанская партія, съ которою язычество долго боролось. По всей вѣроятности не безъ связи съ этой борьбой происходили тѣ внутреннія смуты, которыми ознаменована исторія Болгаріи въ VIII вѣкѣ, сверженіе и убійство нѣкоторыхъ ея князей, и, можетъ быть, по преимуществу тѣхъ, которые особенно дружились съ Византіей и обнаруживали наклонность къ христіанской религіи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ изъ второй половины VIII вѣка примѣръ князя Телерика, который принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Болгаріи; онъ удалился ко двору императора Льва IV, былъ имъ окрещенъ, женился на его родственницѣ и получилъ санъ патриція (Theophan. 698).

Язычество долго и упорно держалось между Дунайскими Болгарами конечно вслѣдствіе почти постоянныхъ войнъ съ Византіей, которая стремилась подчинить себѣ этихъ Болгаръ: они подозрительно и враждебно отнеслись къ греческой религіи, опасаясь подчиненія не только церковнаго, но и политическаго. Какъ бы то ни было, христіанство вторгалось постепенно и неотразимо. Вотъ почему исторія не

имѣетъ никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ даже о крещеніи самого царя Бориса. Относительно его обращенія мы имѣемъ только двѣ скудныя легенды. Одна изъ нихъ приписываетъ это обращеніе сестрѣ Бориса, воротившейся изъ греческаго плѣна, гдѣ она просвѣтилась христіанскою вѣрою; а другая приводитъ его въ связь съ картиною страшнаго суда, нарисованнаго на стѣнѣ княжаго дворца греческимъ монахомъ-живописцемъ Меѳодіемъ (Продолжатель Константина, Кедринъ и Зонара). Третье, болѣе достовѣрное, извѣстіе говоритъ, что Борисъ принялъ христіанство во время неудачной войны съ греческимъ императоромъ Михаиломъ, чтобы получить миръ на выгодныхъ условіяхъ (Симеопъ Логофетъ, Левъ Граматикъ и Георгій Монахъ). Но онъ конечно былъ уже подготовленъ къ этому обращенію. Исторія даже не знаетъ въ точности года крещенія Борисова. Можемъ только приблизительно сказать, что оно совершилось вскорѣ послѣ 860 года.

Напрасно историографія пыталась связать введеніе христіанства въ Дунайской Болгаріи съ дѣятельностію солунскихъ братьевъ Константина и Меѳодія, имѣя при этомъ почти единственнымъ основаніемъ сходство имени послѣдняго съ упомянутымъ живописцемъ Меѳодіемъ (хотя никакое свидѣтельство не говоритъ намъ, чтобы братъ Константина былъ живописцемъ). Во первыхъ, самая хронологія едва ли допускаетъ эту гипотезу. По смыслу житій Константина и Меѳодія, почти вслѣдъ за путешествіемъ въ Козарію наступила ихъ миссія въ Моравію, и трудно предположить, чтобы братья по пути въ послѣднюю, такъ сказать мимоходомъ, крестили Болгаръ, какъ толкуютъ нѣкоторые ученые, и при этомъ снабдили ихъ (тоже мимоходомъ) славянскою грамотою. Если принять извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, то крещеніе Бориса совершилось не ранѣе 863 или 864 года, т. е. въ то время, когда братья находились уже въ Моравіи.* Во вторыхъ, въ это самое время мы видимъ сильную борьбу между греческою и латинскою церковью за господство въ Болгаріи и колебаніе самого Бориса между этими двумя вліяніями. Если бы Борисъ былъ только что окрещенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, то нѣсколько страннымъ является его обращеніе въ 866 году въ Римъ съ вопросами, относящимися до новой религіи. Въ этихъ вопросахъ упоминается о разныхъ проповѣдникахъ въ Болгаріи, но не сдѣлано ни малѣйшаго намека на Солунскихъ братьевъ. Въ третьихъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы такой важный подвигъ, гораздо болѣе важный чѣмъ поѣздки къ Сарацинамъ и Козарамъ, — чтобы этотъ подвигъ, т. е. крещеніе Болгаръ и дарованіе имъ славянской грамоты, пройденъ былъ совершеннымъ молчаніемъ въ Паннонскихъ житіяхъ свв. братьевъ, если бы этотъ подвигъ дѣйствительно былъ ими совершенъ. Дунайскіе Болгаре по всѣмъ признакамъ были отчасти христіанами еще прежде Кирилла; они уже имѣли конечно славянскую грамоту, а также и начатки перевода Священнаго писанія. Если бы славянская грамота не существовала прежде у Болгаръ, а была введена только при Борисѣ, то было бы трудно и объяснить то процвѣтаніе болгарской письменности, которое началось еще при томъ же Борисѣ и достигло такой замѣчательной степени

* Лѣтопись Хинкмара. Pertz. I. 465. См. о томъ Byzantinische Geschichten von Weiss. Graz. 1873. (II. 79) и Vick i Djelovanje sv. Cyrilla i Methoda— Rački. U Zagrebu. 1859. (147—148). А также см. Очеркъ исторіи православныхъ церквей — Голубинскаго. Москва. 1871 (стр. 26 и 239).

при его преемникѣ Симеонѣ. Но объ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ Славянской грамотѣ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу Азовско-Черноморской Руси).

Итакъ, если Болгарскій народъ создалъ въ IX-X вв. богатую славянскую письменность, которою надѣлилъ и другихъ Славянъ, то спрашивается: когда же этотъ народъ былъ не славянскимъ? И могъ ли онъ быть не кореннымъ славянскимъ народомъ?

С. Доказательства филологическія.

VII. Филологическіе пріемы финномановъ. Разборъ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и отдѣльныхъ словъ.

Теперь перейдемъ въ область тѣхъ доказательствъ, на которыхъ Тюрко-Финская система въ особенности думала основать свои выводы, т. е. въ область филологіи, собственно въ область личныхъ именъ. По поводу вопроса о происхожденіи Руси, мы уже не разъ имѣли случай указывать всю несостоятельность и всю произвольность подобныхъ доказательствъ. Филологія тогда только можетъ дѣлать точные выводы, когда она имѣетъ передъ собою языки народа съ достаточнымъ количествомъ лексическаго матеріала и граматическихъ формъ. Если филологическая наука сдѣлала огромные успѣхи въ области сравнительнаго языкознанія, то она еще слишкомъ слаба, чтобы рѣшать этнографическіе вопросы изъ области вѣковъ давнопрошедшихъ, на основаніи кое-какихъ отдѣльныхъ словъ, подобно тому, какъ наука палеонтологіи, на основаніи кое-какихъ кусковъ отъ костей, иногда опредѣляетъ объемъ и строеніе допотопныхъ животныхъ (впрочемъ не всегда достовѣрно).

Личныя имена конечно отражаютъ въ себѣ корни и характеръ словопроизводства въ народномъ языкѣ. Но чтобы добраться до этихъ корней и уяснить характеръ словопроизводства, прежде всего надобно возстановить народное произношеніе или фонетику данныхъ именъ; а это рѣдко бываетъ возможно, потому что рѣчь идетъ обыкновенно объ именахъ, уже несуществующихъ въ живомъ употребленіи и дошедшихъ до насъ въ иноземной, искаженной передачѣ, притомъ иногда въ нѣскольскихъ варіантахъ. Далѣе, личныя имена и прозвища нерѣдко переходили изъ одного народа въ другой по причинѣ близкаго сосѣдства, политической зависимости, родственныхъ союзовъ и т. п.; слѣдовательно могутъ попадаться и такія, которыя, хотя чужаго происхожденія, но не означаютъ, чтобы лица ихъ носившія принадлежали къ этому чужому племени. Наконецъ въ исторіи всякаго народа могутъ попадаться лица иноплеменныя, находившіяся на службѣ туземныхъ государей или близкихъ къ нимъ по какимъ либо другимъ причинамъ. При всѣхъ этихъ соображеніяхъ посмотримъ однако, на сколько справедливы слова Шафарика, будто „слѣдующія имена всякому безпристрастному языкоизслѣдователю представляются какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ своимъ видомъ ничего не заключающими въ себѣ славянскаго“: *

1. Кувратъ или Кубратъ. Какимъ образомъ слово, котораго основ-

* Кувратъ, Батбай, Котрагъ, Алтицей, Алзеко, Кубаръ, Аспарухъ, Тербель, Кормезій, Телецъ, Сабинъ, Паганъ или Баянъ, Умаръ, Токтъ, Черигъ, Кардамъ, Крумъ, Мортагонъ, Пресіямъ, Борисъ, Алмъ, Ахмедъ, Талибъ, Муминъ, Боилъ, Чигатъ, Мармесъ, Кининъ, Ицбоклія, Алогоботуръ, Конартикинъ, Булій Тарканъ, Калугеркань, Кракрасъ, Елемагъ, Кавканъ, Боритаканъ, Ехацій, Добетъ, Била, Боксу, Гетепъ и др. (Славян. Древн. т. II. кн. I. 269—270).

ной слогъ есть вратъ или бр'атъ не можетъ быть славянскимъ? Развѣ рязанецъ Евпатій Коловратъ или чешская аристократическая фамилія Коловратовъ не Славяне? Тотъ же корень встрѣчается и въ началѣ нѣкоторыхъ славянскихъ именъ, напр. Вратиславъ или Братиславъ (откуда Брячиславъ). Самое Кувратъ можетъ быть сокращено изъ Колувратъ, т. е. Коловратъ. Въ росписи болгарскихъ князей (Обзоръ Хроногр. А. Попова. I. 25) оно встрѣчается еще въ болѣе сокращенной формѣ Коур'тъ. Почти туже форму находимъ у патріарха Никифора, именно Куратъ (Κουρατος). Но и этимъ не ограничиваются его варіанты; такъ у Θеофана оно встрѣчается въ формѣ Кробатъ или Кроватъ. А Кроватами византійцы называли Хорватовъ—названіе, какъ извѣстно, славянское. Упомянемъ и о формѣ Курбатъ, имѣющейся въ нашихъ старинныхъ актахъ и происшедшей оттуда фамиліи Курбатовыхъ. (Не забудемъ, что личныя имена и фамильныя прозвища нерѣдко сохраняютъ слова, давно вышедшія изъ народнаго употребленія). Наконецъ, если предположимъ въ данномъ имени древнее юсовое произношеніе (Кѫвратъ), тогда получимъ почти тоже, что Кунрадъ или Конрадъ, встрѣчающееся не у Финновъ, а у Нѣмцевъ и Поляковъ.

2. Батбай. Легенда о раздѣленіи Болгаръ называетъ такъ старшаго сына Кувратова. Но это имя встрѣчается не одинъ разъ въ исторіи, хотя и съ легкими варіантами. У Іорнанда мы имѣемъ Бабая, князя придунайскихъ Сарматъ, которыхъ побѣдилъ Теодорихъ Остготскій (сар. LV). По всѣмъ признакамъ эти Сарматы были тѣже Болгаре, которые въ то время уже появились въ Придунайскихъ странахъ, куда часть ихъ послѣдовала за Остготами. А Сарматами Іорнандъ очевидно называетъ славянскіе народы, и во всякомъ случаѣ не тюркскіе. Данное имя было остаткомъ очень далекой древности. Еще Геродотъ говоритъ, что у Скиѳовъ главный богъ, соотвѣтствующій греческому Зевсу назывался Папай (Παπαιος). Корень этого слова пат или бат общеарійскій и присутствуетъ въ словахъ означающихъ отца (собственно питателя), каковы санскр. pitar, зенд. patar, греч. πατήρ, латин. pater и пр. Онъ и доселѣ сохраняется въ нашемъ словѣ батя, батюшка, женское баба, бабушка. А у Сербовъ бабо и теперь значитъ отецъ. Напомнимъ еще, что по извѣстію Іорнанда отецъ императора Максимина, въ III вѣкѣ, былъ Готъ, по имени Мекка, а мать Аланка, по имени Абаба. Слѣдовательно, какимъ же образомъ это имя должно быть не славянское, а непремѣнно турецкое или финнское? Что касается до варіантовъ, то патріархъ Никифоръ въ одномъ мѣстѣ называетъ старшаго Кувратова сына Базіанъ, а въ другомъ Баянъ.

3. Котрагъ, по легендѣ второй сынъ Куврата. Это имя подтверждаетъ только тождество Болгаръ съ Котрагами, Котрагурами или Кутургурами. Укажу на старое чешское имя Кутра. (См. Славянскій Именословъ—Морошкина).

4. Аспарухъ, четвертый сынъ Куврата. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей онъ названъ Исперихъ или Исперикъ. А этотъ варіантъ указываетъ на славянскія уменьшительныя, оканчивающіяся на икъ или ко. Почему же это имя должно быть тюркское, когда самъ же Шафирикъ считаетъ его персидскаго происхожденія? Но Персидскій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ арійскимъ, а въ древ-

ности былъ близокъ къ Славянскому. Что это имя дѣйствительно не финнское и не турецкое, доказываетъ существованіе его у Аланъ. А именно въ V вѣкѣ у Приска въ числѣ аланскихъ вождей упоминается Аспаръ, помощи котораго императоръ Левъ I былъ обязанъ престоломъ (Mem. Por. IV. 336. Кромѣ того имя Гаспаръ существуетъ и у Нѣмцевъ). Аспарухъ или Асперихъ, Исперикъ конечно есть ничто иное какъ уменьшительная форма отъ Аспаръ (какъ Рюрикъ отъ Руря). Это обстоятельство подтверждаетъ ту нашу мысль, что Болгаре и Алане были родственныя сарматскія племена.

5. Тербель или Тервель, преемникъ Аспаруха. Мы не видимъ никакого основанія, подобно Шафарику, отвергать въ этомъ имени присутствіе славянскаго корня. Въ примѣръ ошибочныхъ филологическихъ толкованій знаменитаго слависта приведемъ слѣдующее. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ (гл. 34) говоритъ, что названіе области Тервунія или Тербунія по-славянски значитъ „укрѣпленное мѣсто“ (твердыня). Кажется, ясно. Но изъ современнаго славянскаго языка не легко объяснить такое значеніе, и Шафарикъ преспокойно отвергъ его. Онъ утверждаетъ, что Константинъ въ этомъ случаѣ „очень ошибся“: такъ какъ въ другомъ его сочиненіи (объ обрядахъ Византійскаго двора), „передѣланномъ впрочемъ въ XI вѣкѣ“, читаемъ Травуны, а въ сербскихъ грамотахъ Травунійская земля. Отсюда Шафарикъ заключаетъ, что это слово есть собственно иллирославянское Трансвунія, въ славянскомъ переводѣ Захлумье; что во всякомъ случаѣ современное названіе этой области Требинѣ „никоимъ образомъ не можетъ означать твердь, какъ это толкуетъ Константинъ“. (Славян. Древн. т. I., кн. 2., стр. 445). Между тѣмъ въ данномъ толкованіи оказывается правъ византійскій императоръ X вѣка, а не славянскій филологъ XIX-го. Шафарикъ, во первыхъ, не взялъ въ расчетъ столь обычную перегласовку, въ слѣдствіе которой Тербунія (при полногласіи Теребунія) обратилась въ Требинѣ. Во вторыхъ онъ упустилъ изъ виду одно мѣсто русской лѣтописи, именно подъ 1114 годомъ. „И рече Володимеръ: требите (варіантъ теребите) путь и мостите мостъ“. Здѣсь „теребить путь“ очевидно употреблено въ смыслѣ укрѣплять, устроивать, и тутъ же отчасти пояснено, въ чемъ состояло это укрѣпленіе: „мостите мосты“. Въ древней Россіи устройство дорогъ собственно и ограничивалось построеніемъ мостовъ и проложеніемъ гатей по топкимъ, непроходимымъ мѣстамъ. Слово теребить существуетъ у насъ и до сихъ поръ, хотя съ нѣсколько другимъ оттѣнкомъ въ смыслѣ. Слѣдовательно Константинъ совершенно вѣрно объяснилъ значеніе древней Тербуніи или нынѣшней Требинѣ въ смыслѣ тверди. Можетъ быть и личное имя Тербель (Тервель по росписи Болгарскихъ князей) одного корня съ названіемъ Тербунія, и соотвѣтственная ему форма въ древнерусскихъ именахъ была бы Тербило или Теребило, въ родѣ нашего лѣтописнаго Твердило, къ которому она подходила бы не только по формѣ, но и по значенію. (Теребиха, см. Именословъ Морошкина).

6. Кормезій, въ росписи болгарскихъ князей Кормисошъ. Опять не вижу причины, почему бы имя Кормешъ или Кормесошъ было не славянское? Почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словомъ кормчій?

7. Телецъ. Доказывать, что это слово чисто славянское было бы излишне. Укажемъ еще на имена Телѣ по влахо-болгарскимъ грамотамъ и Теля по Писцовымъ книгамъ (см. у Морошкина). Къ тому же корню относится конечно имя и другаго болгарскаго князя, жившаго въ VIII вѣкѣ, Телерика (по другому извѣстію Черигъ). Этотъ Телерикъ и выше приведенный Эсперикъ подтверждаютъ, что имена на рикъ принадлежали не однимъ Нѣмцамъ, но и Славянамъ, въ чемъ доселѣ сомнѣвались норманисты. (Шафарикъ забылъ при этомъ о собственномъ имени).

8. Баянъ. Принадлежность его языку восточныхъ Славянъ засвидѣтельствована Словомъ о Полку Игоревѣ, и корень этого имени по всей вѣроятности одинъ и тотъ же съ глаголомъ баять—говорить, вѣщать; слѣдовательно баянъ тоже что̀ вѣщунъ. Оно было въ употребленіи на Руси еще въ XIII вѣкѣ (см. Морошкина). Тоже имя носилъ одинъ изъ аварскихъ кагановъ, что̀ можетъ указывать на славянскую примѣсь у Аваръ или на родство кагановъ съ славянскими князьями. Подобно Аварамъ, славянскія имена встрѣчаются также у древне-угорскихъ князей.

9. Умаръ, по росписи Оуморъ. Мы имѣемъ довольно именъ славянскихъ и нѣмецкихъ на міръ и маръ; однако Шафарикъ сближаетъ его съ арабскимъ Омаромъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство тюрко-финскаго его происхожденія.

10. Крумъ съ его варіантами Крумнъ и Кремъ. Почему бы мы не могли сблизить это имя, по его корню, съ нашими названіями: Кромы, Кремль, кремникъ и кремень?

11. Борисъ или Богорисъ. Считать подобное имя не славянскимъ, а финскимъ было бы ни съ чѣмъ несообразно. Это одно изъ самыхъ употребительныхъ славянскихъ именъ; на его распространеніе указываетъ и обиліе варіантовъ, которые встрѣчаются въ источникахъ: Борило, Борко, Борикъ, Боричъ и пр. Интересно, что кромѣ Бориса у Болгаръ встрѣчается, въ X вѣкѣ, и другое обычное древнерусское имя Глѣба (Glabas, см. Mem. Por. II. 628).

12. Алогоботуръ, одинъ изъ военачальниковъ царя Симеона. Это имя передано византійцами несовсѣмъ точно: настоящее его произношеніе конечно есть Алобоготуръ. Совершенно такую же перестановку встрѣчаемъ мы у Симеона Логофета: вмѣсто Богорисъ онъ пишетъ Гоборисъ. Албоготуръ есть конечно слово сложное изъ ал или ар, яр и боготуръ или богатырь. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь прозваніе въ родѣ Яртура Всеволода въ Словѣ о Полку Игоревѣ *.

---

* Почему-то у насъ существуетъ мнѣніе, что слово богатырь не славянскаго происхожденія, а заимствовано нами у Татаръ, и въ доказательство приводятъ, что до Татарскаго владычества оно не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ. Но, во первыхъ, есть множество другихъ словъ, несомнѣнно употреблявшихся народомъ и случайно непопавшихъ въ немногіе дошедшіе до насъ памятники до-Татарской эпохи. Во вторыхъ, слова богъ и туръ несомнѣнно славянскія; почему же, будучи сложены вмѣстѣ, онѣ дадутъ татарское слово? Въ третьихъ, слово богатырь есть у западныхъ Славянъ, т. е. у Поляковъ и Чеховъ. А приведенное здѣсь имя болгарскаго военачальника показываетъ, что это слово задолго до Татарскаго владычества существовало и у южныхъ Славянъ. Слѣдовательно объясненіе его татарскимъ вліяніемъ было основано на недостаточномъ изученіи. Мнѣ уже случалось указывать на то, что у насъ продолжаетъ господствовать очевидная наклонность всякое слово, сколько нибудь трудное для объясненія, толковать иноземнымъ вліяніемъ, и что въ лексиконѣ татаро-финскихъ народовъ много общаго съ лексикономъ народовъ арійскихъ, особенно восточно-славянскихъ. Ненадобно забывать исконное и тѣсное сосѣдство этихъ народовъ еще въ древней Скиѳіи и средней Азіи. Слѣдовательно, лексиконъ той и другой группы народовъ отражаетъ вліяніе временъ еще доисторическихъ, и скорѣе

Чтобы не утомлять вниманія читателей, ограничимся примѣромъ этихъ 12 именъ изъ числа тѣхъ, которыя Шафарикъ объявилъ „незаключающими въ себѣ ничего славянскаго“. Въ числѣ остальныхъ, имъ упомянутыхъ, есть такія, которыя принадлежатъ не Дунайскимъ, а Камскимъ Болгарамъ (Альмъ, Агмедъ и пр.), и слѣдовательно совсѣмъ не идутъ къ данному вопросу. Иныя имена, по ихъ искаженію или просто по трудности найти ихъ смыслъ, едва ли могутъ быть объяснены изъ какого либо языка (въ родѣ Ицбокля, Ехаціи, и т. п.). Наконецъ нѣкоторыя имена могутъ быть дѣйствительно тюрко-финскія, что̀ весьма естественно и нисколько не нарушало принадлежности Болгарскаго племени къ Славянскому корню. Тутъ имѣли вліяніе бывшее господство Гунновъ и Аваръ, сосѣдство Угровъ, родственныя связи княжескихъ фамилій того и другаго народа; кромѣ того въ числѣ бояръ и дружины, какъ и у насъ на Руси, были по всей вѣроятности люди дѣйствительно угро-тюркскаго происхожденія. Наконецъ Іорнандъ прямо говоритъ: „Всѣмъ извѣстно, что многія (чужія) имена усвоиваются народомъ чрезъ употребленіе; такъ Римляне часто заимствовали у Грековъ, Сарматы (Славяне) у Германцевъ, Готы у Гунновъ“ (гл. IX. Онъ очевидно смѣшиваетъ вмѣстѣ имена дѣйствительно заимствованныя съ именами общими по родству корней; напримѣръ, это можно сказать относительно Славянъ и Германцевъ). Какъ имена гуннскія отчасти перешли къ Славянамъ, такъ и наоборотъ имена съ славянскимъ или германскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются у Гунновъ, Аваръ и Угровъ; таковы: Валамиръ, Онегизъ, Баянъ, Лебедій, Вологудъ и др.

Въ своихъ статьяхъ о норманизмѣ мы уже замѣчали, что напрасно было-бы между древними именами у разныхъ славянскихъ народовъ искать непремѣнно такихъ, которыя оканчиваются на славъ. Послѣдняя приставка начинаетъ входить въ моду только съ IX вѣка. Многія древнія имена у всѣхъ почти славянскихъ народовъ не поддаются славянскому словопроизводству (Чехъ, Бехъ, Гериманъ, Мунъ, Бальде, Гатальдъ, Микъ, Крокъ и пр.). А туранскій оттѣнокъ особенно сильнымъ долженъ былъ явиться у восточныхъ Славянъ, т. е. Русскихъ и Болгаръ. (Относительно русскихъ именъ см. мою статью въ Р. Вѣстн. 1872. Декабрь). Впрочемъ Древнеболгарская исторія не чужда и такихъ именъ, которыя носили общеславянскій оттѣнокъ, каковы имена на миръ: Драгомиръ въ VIII вѣкѣ, Добромиръ въ X; въ числѣ предшественниковъ Богориса имѣемъ Владиміра, а въ числѣ его преемниковъ Властиміра. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей, кромѣ тѣхъ именъ, которыя мы уже приводили, съ славянскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются: Гостунъ (напоминающій нашего легендарнаго Гостомысла и князя Бодричей историческаго Гостомысла IX вѣка), Безмѣръ и Севаръ (послѣднее вѣроятно одного корня съ именемъ славянина Сваруны у Агаѳія). Въ этой росписи остаются только два первыя имени съ чуждымъ оттѣнкомъ: Авитохолъ и Ирникъ; впрочемъ самыя лица, которымъ онѣ принадлежатъ, весьма сомнительны. Роспись говоритъ, что Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а Ирникъ 108. Первый отзывается подражаніемъ Библіи; а второй едвали въ сокращенной формѣ не отразилъ въ себѣ

можно предположить вліяніе арійскихъ народовъ, какъ болѣе одаренныхъ и ранѣе развившихся, на сосѣдніе народы Сѣверной или Урало-Монгольской группы.

смутное воспоминаніе объ остготскомъ Ерманарикѣ, который когда-то господствовалъ надъ народами Южной Россіи, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Эрманарикъ по словамъ Іорнанда умеръ на стодесятомъ году своей жизни.

Кстати о Готахъ. Для тѣхъ, которые любятъ выводить имена древнерусскія и древнеболгарскія изъ чуждыхъ языковъ, я предлагаю рядъ готскихъ именъ изъ книги Іорнанда: Гальмалъ, Изерна, Унильтъ, Аталь (чуть не Атель, т. е. Атила), Ансила, Мекка, Книва, Респа, Ведуко и пр. Пусть означенные любители потрудятся объяснить мнѣ эти имена изъ нѣмецкаго языка или найти такія же имена у другихъ германскихъ народовъ. Если же они не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, то по ихъ логикѣ придется объявить Готскій народъ не принадлежащимъ къ Нѣмецкой группѣ.

Къ числу болгарскихъ княжескихъ именъ можемъ отнести и тѣ, которыя встрѣчались намъ въ исторіи Гунновъ-Кутургуровъ и Утургуровъ, каковы Синніо, Заберганъ и Сандилъ, которыя совсѣмъ не принадлежатъ къ именамъ чисто-гуннскимъ. Первое напоминаетъ уменьшительную форму Синко въ Игоревомъ договорѣ. Заберганъ или его варіантъ Заберга можетъ быть сближенъ по корню съ Beurgus, аланскимъ княземъ V вѣка, о которомъ упоминаетъ Іорнандъ. Относительно имени Сандилъ и его варіанта Сандилхъ, если возьмемъ въ расчетъ древнее носовое произношеніе (Сѫдилъ), то получимъ чисто славянское имя Судило или Судилко (и сложное Судиславъ).

Если обратимъ вниманіе на тѣхъ Болгаръ, которые встрѣчаются въ дружинахъ Велизарія и обозначены у Прокопія подъ общими названіями Гунновъ и Массагетовъ, то и здѣсь также можно усмотрѣть славянскую стихію. Во первыхъ, нѣсколько разъ упоминается одинъ изъ предводителей конницы Айганъ или Айга, родомъ Массагетъ. А у Менандра имѣемъ Анагая или Анангая, предводителя Утургуровъ на берегахъ Меотиды (повидимому одного изъ преемниковъ Сандила); вѣроятно это имя есть варіантъ Прокопіева Айгана, хотя лицо не одно и тоже.* Далѣе въ „Готской войнѣ“ Прокопія между начальниками конныхъ дружинъ встрѣчаются Массагеты Дзантеръ, Хорсоманъ и Эшманъ, имена чисто арійскія, а не тюрко-финскія. Дзантеръ напоминаетъ извѣстнаго скиѳскаго царя Дантура или Идантура. Эшманъ вѣроятно имя тождественное съ болгарскими Сисманами или Шишманами. Хорсоманъ, съ его варіантомъ Хорсомантъ, очевидно произошло отъ Славянскаго божества Хорса. (А мантъ соотвѣтствуетъ окончанію нѣмецкихъ именъ на мундъ, литовскихъ на мунтъ, славянскихъ на мутъ и мидъ).

Этотъ Хорсомантъ былъ настоящій славянскій богатырь какъ по силѣ и мужеству, такъ по излишней отвагѣ и пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ. („А Массагеты суть величайшіе пьяницы изъ всѣхъ смертныхъ“ — замѣтилъ Прокопій, De Bel. Vand. L. I. c., 12).

* Въ Росписи болгарскихъ князей при ихъ именахъ большею частію повторяется, что они были изъ рода Дуло. Нѣтъ ли чего общаго между этимъ родоначальникомъ и означеннымъ утургурскимъ княземъ Судило? Точно также утургурскаго Анангая позволимъ себѣ сблизить съ упоминаемымъ въ той же росписи родомъ Угаинъ, къ которому принадлежалъ князь Телецъ. О Гостунѣ въ росписи сказано, что онъ былъ намѣстникъ изъ рода Ерми. Этотъ Ерми м. б. указываетъ на того-же готскаго Ерманарика. Впрочемъ у Аланъ также существовало это имя: въ числѣ сыновей упомянутаго выше Аспара былъ Ерминарикъ. А что имя Ермана или Германа не было чуждо Славянамъ, указываютъ древнечешское Гериманъ и древнерусское Ермакъ.

Однажды, когда Готы осаждали Велизарія въ Римѣ, Хорсомантъ съ нѣсколькими византійскими всадниками наткнулся на 70 непріятелей. Всадники обратили тылъ; но онъ одинъ вступилъ въ бой, отразилъ непріятелей и гналъ ихъ до самаго лагеря. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ раненъ въ лѣвую голень, такъ что не могъ сѣсть на коня. Эта рана приводила его въ гнѣвъ, и онъ грозилъ жестоко отмстить Готамъ. Когда ему стало лучше, то разъ, по обычаю своему напившись за обѣдомъ въ полпьяна, онъ объявилъ, что идетъ на непріятелей одинъ и пѣшій. Дойдя до Пинчіанскихъ воротъ, онъ сказалъ стражѣ, что имѣетъ порученіе отъ Велизарія въ непріятельскій лагерь. Стража, зная расположеніе къ нему Велизарія, пропустила его. Непріятели почли его сначала перебѣжчикомъ; но когда онъ сталъ пускать въ нихъ стрѣлы, то на него бросилось 20 человѣкъ. Хорсомантъ побилъ ихъ и пошелъ впередъ. На него бросились новыя толпы; наконецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ палъ, избивъ порядочное количество враговъ. Да, это историческое событіе, засвидѣтельствованное Прокопіемъ, является какъ будто отрывкомъ изъ нашихъ богатырскихъ былинъ!

Вотъ еще примѣръ изъ „Готской войны.“ Анкона едва не была взята Готами, если бы въ крѣпости на тотъ разъ случайно не присутствовали два витязя, Улимунъ Ѳракіецъ и Вулгуду Массагетъ: они приняли участіе въ сраженіи, своими мечами отразили непріятелей, но воротились въ городъ сильно израненные. Вторая половина имени Вулгуду напоминаетъ Гуды Олегова и Игорева договоровъ. Съ посовымъ звукомъ оно будетъ оканчиваться на гундъ или гандъ, и дѣйствительно въ той же Готской войнѣ встрѣчается Гуннъ Ольдогандъ и кромѣ того Гуннъ Улдахъ (съ придыханіемъ оно должно было произноситься Вулдахъ или Вулдай). Мало того, у Агаѳія изъ той же эпохи имѣемъ Регнаря. Это имя конечно тоже что готское Рагнарь, о которомъ упоминаетъ Прокопій въ Готской войнѣ; однако Регнарь Агаѳія не Готъ: онъ родомъ Гуннъ изъ племени Витигоровъ (т. е. Утургуровъ). Ясно, что подъ общими именами Гунновъ и Массагетовъ скрываются въ данныхъ случаяхъ не настоящіе Гунны или Угры, а все тѣже Славяне-Болгаре.

Довольно объ именахъ. Тюрко-Финская теорія усматриваетъ и другіе слѣды угорскихъ нарѣчій въ языкѣ Болгаръ, напримѣръ слова: боиляды, тарканъ, аулъ. Но какимъ образомъ слово „боиляды“ (boilades) можетъ быть доказательствомъ угорскаго происхожденія, когда его совсѣмъ нѣтъ въ финскихъ языкахъ? Означаетъ ли оно былей Слова о Полку Игоревѣ или просто Русское боляре, во всякомъ случаѣ оно должно быть поставлено въ числѣ доказательствъ именно славянскаго, а не финскаго происхожденія Болгаръ. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ Византійскаго двора“ упоминаетъ о „шести великихъ болядахъ“, какъ о высшихъ сановникахъ при болгарскомъ государѣ. Эти великіе боляды какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ тѣмъ Русскимъ „великимъ (или свѣтлымъ) боярамъ“, о которыхъ говорится въ Олеговомъ договорѣ. Тотъ же Константинъ приводитъ болгарскіе титулы Конартикина и Вулія Таркана (ibid. ὁ Κοναρτικεινος καὶ ὁ Βουλιας Ταρκανος); эти титулы повидимому носили старшіе сыновья болгарскаго государя. Конартикинъ м. б. есть испорченное въ греческой передачѣ слово, вмѣсто Контарканъ (въ Х.

в. въ числѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи встрѣчается Калутерканъ), т. е. вторая половина слова таже что въ титулѣ Вулій Тарканъ. А послѣднее конечно означаетъ: Велій (великій) тарканъ. Не беремся объяснить происхожденіе слова „тарканъ". Предположимъ, что оно дѣйствительно принадлежитъ восточнымъ языкамъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство финскаго происхожденія Болгаръ. Извѣстно, что титулы легче всего заимствуются у другихъ народовъ (наши титулы царь, императоръ, графъ и т. п. развѣ славянскаго происхожденія?). Притомъ и самое слово „тарканъ" никѣмъ необъяснено филологически изъ финскихъ языковъ; а что въ немъ заключено слово ханъ, по толкованію Шафарика, то и это толкованіе произвольное; да намъ и неизвѣстенъ титулъ хана у народовъ собственно финскихъ. А слова на канъ, ханъ и ганъ встрѣчаются въ различныхъ языкахъ. Для примѣра укажу на персидскаго полководца Нахорагана въ VI вѣкѣ и византійскаго патриція Теодорокана въ X-мъ. Послѣдователи тюрко-финской теоріи хазаро-аварскій титулъ кагана или хакана отождествляютъ съ татарскимъ ханомъ; но такое тождество гадательное. Мы думаемъ, что титулъ кагана, ранѣе другихъ встрѣчающійся у народовъ кавказскихъ, первоначально принадлежалъ не Туранской, а Иранской группѣ. Вообще филологія при объясненіи подобныхъ словъ нерѣдко доказываетъ свой произволъ и свою несостоятельность въ рѣшеніи вопросовъ историко-филологическихъ, если она не ищетъ поддержки въ строгой исторической критикѣ.

Что касается до слова аулъ-дворецъ, будто-бы тождественнаго съ киргизскимъ aul или мадьярскимъ ol, то здѣсь по всей вѣроятности кроется какое-либо недоразумѣніе. Нѣкоторые византійскіе писатели (Θеофанъ и Зонара) упоминаютъ, что Греки въ 811 г. взяли Крумову авлу (αυλην): „такъ Болгаре называютъ жилище своего государя"—поясняетъ Зонара. Но какимъ образомъ слово „авла" можно относить исключительно къ татарскимъ или финскимъ языкамъ, когда оно существовало и въ греко-латинскихъ нарѣчіяхъ? Очень можетъ быть, что оно отъ Грековъ же перешло къ нѣкоторымъ варварскимъ народамъ, если не принадлежитъ къ элементамъ общимъ лексикону Туранской и Иранской группы. Сверхъ того представляется вопросъ: нѣтъ ли въ означенной фразѣ какого пропуска у византійскихъ писателей или собственно у Θеофана, у котораго заимствовали другіе компиляторы; а онъ выразился сжато: „Крумову такъ называемую авлу". Можетъ быть слѣдовало сказать: Крумову авлу или такъ называемый (дворъ? теремъ? палату? и т. п.).

Вообще развѣ это научно-филологическій пріемъ: отыскать у Болгаръ нѣсколько словъ, похожихъ на татарскія, и на этомъ основаніи утверждать, что они не Славяне? Между тѣмъ какъ Болгаре жили въ постоянномъ сосѣдствѣ именно съ Урало-Алтайскими народами и притомъ значительное время находились отъ нихъ въ зависимости. При такихъ условіяхъ въ ихъ лексиконѣ неизбѣжно должно было оказаться нѣсколько финно-тюркскихъ элементовъ; особенно эти элементы могли отразиться въ личныхъ именахъ, въ названіи высшихъ титуловъ и т. п. На такомъ основаніи и древнихъ Руссовъ можно было бы отнести къ племенамъ тюрко-финскимъ. Неговоря уже объ эпохѣ послѣ-татарской, оставившей нѣкоторые слѣды въ нашемъ лексиконѣ; но и въ до-татарскую эпоху мы встрѣчаемъ не мало именъ и словъ, имѣющихъ

родство съ финскими и тюркскими, что совершенно естественно при давнихъ и близкихъ отношеніяхъ Восточныхъ Славянъ къ своимъ сѣверосточнымъ и юговосточнымъ сосѣдямъ.

VIII. Роспись болгарскихъ князей съ загадочными фразами. Признаки чистаго славянскаго языка у древнихъ Болгаръ. Заключеніе.—Къ вопросу о Днѣпровскихъ порогахъ.

Здѣсь я упомяну объ одномъ отрывкѣ, который, казалось, долженъ былъ доставить окончательное торжество Тюрко-Финской теоріи. Именно, въ интересной и весьма добросовѣстно составленной монографіи г. А. Попова Обзоръ хронографовъ русской редакціи, 1866 г. (вып. I. стр. 25) обнародована вставка изъ одного хронографа, называемаго „Эллинскимъ лѣтописцемъ“, по спискамъ XVI вѣка. Эта вставка заключаетъ въ себѣ ту роспись древнихъ болгарскихъ князей, о которой выше мы имѣли случай упоминать уже нѣсколько разъ. Тутъ мы находимъ какія-то загадочныя фразы на непонятномъ языкѣ. * Послѣдователи Энгеле-Тунмановой теоріи поспѣшили объяснить эти фразы съ помощью лексикона Мадьярскаго и другихъ финскихъ нарѣчій. Выходитъ, что каждому княженію соотвѣтствовала формула, обозначающая его княженіе. Напримѣръ: „а лѣтъ ему диломъ твиремъ“ значитъ „я исполненъ, я совершенъ“; шегоръ вечемь—„я есмь помощникъ“; вереиналемъ—„я живу въ крови“ и пр. (сочч. Гильферд. I. 23). „Обычай давать прозвище году—замѣчаетъ Гильфердингъ—обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до сліянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденія орды Аспаруховой“. (стр. 22).

Темныя фразы приведенной записи, по мнѣнію ихъ толкователей, суть ничто иное какъ памятникъ того финскаго нарѣчія, на которомъ говорили древніе Болгаре и который долго еще существовалъ рядомъ съ Славянскимъ языкомъ. Но такое заключеніе по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Во первыхъ, значеніе самихъ фразъ истолковано еще слишкомъ гадательно, и они ждутъ своего разъясненія отъ знатоковъ восточныхъ нарѣчій. Затѣмъ нисколько не разъяснено происхожденіе данной записи и время, къ которому она относится. Наконецъ, къ какому бы иноплеменному языку ни принадлежали темныя рѣченія, мы не видимъ никакого повода заключать, что это именно тотъ языкъ, на которомъ говорили древніе Болгаре. Если эти рѣченія принадлежатъ языку финскому, то опять таки не забудемъ близкаго сосѣдства Угровъ и

* Приведемъ эту вставку вполнѣ:

«Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Ирникъ жилъ лѣтъ 100 и 8; родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сыи 2 лѣта; родъ ему Ерми; а лѣтъ ему дохсъ твиремъ. Коуртъ 60 лѣтъ держа; родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣта, а родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вѣчемъ. Сіи пять князь держаша княженіе обону страну Доунаи лѣтъ 500 и 15 съ остриженами главами. И потомъ приде на страну Дунаи. Исперихъ князь тожде и досель. Исперихъ князь 60 и одино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему вереиналемъ. Тервелъ 20 и 1 лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему текоучетемь твиремъ. 20 и 8 лѣтъ, родъ ему доуло, а лѣтъ ему двеншехтемъ. Севаръ 15 лѣтъ; родъ ему доуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошъ 16 лѣтъ; родъ ему вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримъ. Сіи же князь измѣни родъ доуловъ, рекше вихтунь винехъ; 6 лѣтъ, а родъ ему оукиль ему имяше горалемь. Телецъ 3 лѣта, родъ ему оугаинъ; а лѣтъ ему соморъ алтемъ. И сіи иного родъ оуморъ. 40 дній, родъ ему оупиль, а ему диломъ тоутомъ».

остатковъ настоящихъ Гунновъ, которые могли еще долго существовать посреди Болгаръ. Въ хожденіи Аѳанасія Никитина „за три моря“ встрѣчаются татарскія фразы; но можно ли отсюда заключать, что авторъ этого хожденія былъ татарскаго племени? Или предположимъ, что языкъ нашихъ ѳеней, существующій и до сихъ поръ, оставилъ бы слѣдъ въ какомъ либо письменномъ памятникѣ до-Петровской Руси. Можно ли заключить отсюда, что эта Русь была не славянская? Итакъ упомянутыя загадочныя фразы, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подтверждаютъ Тюрко-Финской теоріи. Притомъ не означаютъ ли онѣ скорѣе какой либо счетъ, нежели формулу? Не имѣютъ ли онѣ какого отношенія къ сектѣ Богумиловъ? Вообще подождемъ болѣе удовлетворительнаго ихъ разъясненія прежде, нежели дѣлать какіе либо положительные выводы *.

И такъ мы не видимъ никакихъ серьёзныхъ доказательствъ существованія финскаго языка у древнихъ Болгаръ. Напротивъ, существуютъ неоспоримыя

---

* Въ примѣръ неудачной филологіи финномановъ упомяну еще о доказательствахъ Рёслера. Въ своей книгѣ о Румунахъ онъ посвящаетъ особую статью происхожденію Болгаръ, гдѣ развиваетъ Тюрко-Финскую теорію и старается подкрѣпить ее новыми филологическими соображеніями. По этому поводу онъ предлагаетъ слѣдующій, повидимому весьма тонкій, пріемъ. Въ Румунскомъ языкѣ встрѣчаются слова очевидно финскаго происхожденія: а такъ какъ Румуны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили въ Мизіи посреди Болгаръ, откуда потомъ постепенно перешли на сѣверную сторону Дуная, то эти финскія слова будто бы суть ни болѣе, ни менѣе какъ именно тѣ элементы, которые вошли въ Румунскій языкъ изъ древнеболгарскаго. Онъ предлагаетъ примѣры нѣкоторыхъ словъ, которыя сближаетъ съ угорскими, остяцкими, самоѣдскими, эстонскими и пр. Но такое повидимому весьма тонкое соображеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Начать съ того, что самое изслѣдованіе Рёслера о происхожденіи Румунскаго народа, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ учености и добросовѣстности, по большей части построено на шаткихъ основаніяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества, именно въ Мартѣ 1871 года, я имѣлъ случай высказать свое мнѣніе о происхожденіи Румунскаго народа. Въ основу его легло племя Даковъ; слѣдовательно вопросъ сводится къ слѣдующему: къ какой семьѣ народовъ принадлежали Даки? Я представилъ свои соображенія въ пользу того мнѣнія, что Даки по всей вѣроятности были племя Кельтическое. Я прибавилъ, что Румунская народность въ бурную эпоху великаго переселенія, открывшагося движеніемъ Гунновъ и закончившагося поселеніемъ на Дунаѣ Болгаръ и Угровъ, сохранилась преимущественно въ горныхъ убѣжищахъ Седмиградіи; а отсюда, послѣ перехода главной массы Болгаръ за Дунай, Румуны снова колонизовали равнинную часть древней Даціи, т. е. сѣверную сторону Дуная (См. Древн. Моск. Арх. Об. т. III. вып. 3). Потомъ мнѣ случилось прочесть книгу Рёслера, Romänische Studien, которая вышла въ томъ же 1871 году. Онъ доказываетъ: во первыхъ, что Даки были племя ѳракійское; во вторыхъ, будто Румунская національность во время переселенія народовъ сохранилась на югѣ отъ Дуная, откуда она потомъ колонизовала его сѣверную сторону. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ его доказательствъ: но мнѣ они показались на столько слабы, что не измѣнили моего мнѣнія. Такимъ образомъ слова изъ Румунскаго лексикона, которыя онъ считаетъ древнеболгарскими, я предлагаю объяснять сосѣдствомъ съ другимъ народомъ, дѣйствительно финскаго происхожденія, т. е. съ Мадьярами, и особенно черезполоснымъ сожительствомъ съ ними въ Седмиградіи. Но еще ранѣе Мадьяръ, предшественники ихъ Гунны также могли оставить нѣсколько словъ въ Румунскомъ лексиконѣ.

Въ языкѣ Румунъ конечно существуютъ многіе слѣды дѣйствительно болгарскаго, т. е. славянскаго, вліянія. Замѣчательно, что Рёслеръ изощряется иногда толковать финскимъ происхожденіемъ слова, очевидно славянскія. Напр. волошское lopata и болгарское лопата, въ значеніи весла, онъ производитъ отъ остяцко-самоѣдскаго lap (254). Но и въ Русскомъ мы имѣемъ слово лапа съ его производными лапоть и лопата. Или румунское têtê-сестра онъ сближаетъ съ самоѣдскимъ tati-младшая жена (256); но мы имѣемъ слово тётя, тётка, которое означаетъ сестру отца или матери. Далѣе румунское curcubeu-радуга Рёслеръ сближаетъ съ остяцкимъ названіемъ радуги paijôgot, что значитъ лукъ грома, и съ самоѣдскимъ Numbanu-покровъ Нума или собственно покровъ медвѣдя. Съ помощью разныхъ натяжекъ онъ пытается доказать, что curcubeu имѣетъ почти тоже самое значеніе, слѣдовательно представляетъ отрывокъ изъ древней самоѣдской миѳологіи (256 — 259); а отсюда прямой выводъ: Дунайскіе Болгаре есть вѣтвь Остяцко-Самоѣдская! Болѣе произвольныхъ филологическихъ сближеній и выводовъ по нашему мнѣнію трудно и придумать. Здѣсь особенно оригинально то, что толкователь, объясняющій финскій элементъ въ Румунскомъ языкѣ болгарскимъ вліяніемъ, не указываетъ никакой

свидѣтельства, что языкъ, на которомъ они говорили, былъ чистый славянскій. Во первыхъ, ихъ народное названіе Болгаре или Волгаре принадлежитъ Славянскому языку; оно происходитъ отъ славянскаго слова Волга, тоже что вологa или влага. А у тюрко-финскихъ народовъ Волга, какъ извѣстно, называлась или Ра, или Атель. Далѣе, страна, въ которой Болгаре жили передъ своимъ переселеніемъ за Дунай, (по извѣстію Ѳеофана и Никифора) называлась у нихъ Онглъ, т. е. Углъ. А въ южной Россіи до сихъ поръ существуютъ рѣки съ названіемъ Угла или, какъ мы ихъ произносимъ теперь, Ингула. Послѣ переселенія за Дунай, Болгаре, при князѣ Тервелѣ, заставили Грековъ уступить южный склонъ Балканскихъ горъ около Чернаго моря. Патріархъ Никифоръ прибавляетъ, что эта область „называется нынѣ“ Загорье. Стало быть, прежде, т. е. до появленія Болгаръ, она Загорьемъ не называлась. Не забудемъ при этомъ, что Ѳеофанъ и Никифоръ писали въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно они сообщаютъ болгаро-славянскія названія еще въ эпоху, которая предшествовала предполагаемому превращенію финскихъ Болгаръ въ славянскихъ. Вообще съ появленіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ мы видимъ весьма быстрое умноженіе славянскихъ географическихъ названій въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ и даже въ самой Греціи, и никакого признака названій финскихъ. Тутъ мы начинаемъ встрѣчать многія имена, какъ будто прямо перенесенныя изъ Руси, каковы: Вышгородъ, Смоленскъ, Островъ, Верея, Переяславль, Плесковъ и пр. Такая черта вполнѣ соотвѣтствуетъ наводненію этихъ провинцій Славянами въ VII и VIII вв., что̀ и заставило Константина сказать: „ославянилась цѣлая страна“. Ясно, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ Славянскій элементъ получилъ здѣсь сильное подкрѣпленіе, чего никакъ не могло бы случиться, еслибы Болгаре были Финны, а не Славяне. О столь быстромъ и коренномъ превращеніи господствующаго Финскаго племени въ покоренную имъ Славянскую народность, какъ мы замѣчали, не можетъ быть и рѣчи: оно противно всѣмъ историческимъ законамъ.

Если предположимъ, что Болгаре были дѣйствительно Финское племя, подчинившееся вліянію покоренныхъ, въ такомъ случаѣ оно теряло бы свою народность конечно не вдругъ, а постепенно; оно оставило бы не нѣсколько словъ, а глубокіе слѣды въ языкѣ, и не въ одномъ лексиконѣ, но и въ грамматикѣ. Мало того, въ такомъ случаѣ необходимо должно было произойти смѣшеніе двухъ языковъ; а изъ этого смѣшенія долженъ выработаться новый типъ языка, даже и при полномъ преобладаніи Славянскаго элемента. Вмѣсто того мы видимъ въ IX и X вв. необыкновенно богатое развитіе болгарской письменности на чистомъ Славянскомъ языкѣ. И какой письменности! Которая легла въ основу всей славяно-христіанской образованности. А какой былъ разговорный языкъ Болгаръ въ тѣ времена? Нѣтъ ли на него какихъ указаній? Есть. Въ 1016 г., во время войны императора Василія II съ Болгарами, разъ болгарскіе лазутчики, испуганные приближеніемъ самаго Василія, поспѣшили въ лагерь съ крикомъ: „бѣжите, Цесарь!“ (Βεζειτε, ὁ Τζαισαρ.

финской стихіи въ самомъ Болгарскомъ языкѣ. Но вмѣсто разносторонняго, научнаго анализа подобные толкователи идутъ отъ предвзятой идеи, т. е.: такъ какъ древніе Болгаре были Гунны или Финны, то и т. д.; а потому въ своихъ натяжкахъ и выводахъ они доходятъ иногда до наивнаго.

Кедринъ). Это уже отрывокъ не изъ лексикона, а изъ граматики (даже сохранено свойство церковно-славянскаго языка измѣнять *ѣ* въ *з* передъ *и*, если только греческая *з* вѣрно передала звукъ). Одна эта фраза даетъ ясное понятіе, что вся масса Болгарскаго народа въ это время говорила чистымъ славянскимъ нарѣчіемъ, что̀ было бы совершенно невозможно, если предположить, что Болгаре были одного происхожденія съ Уграми.

Но если Болгаре были Славянами, то могутъ спросить насъ: почему же они съ самаго начала не названы Славянами въ источникахъ? Отвѣтимъ тоже самое, что̀ говорили въ своихъ разсужденіяхъ о Руси, т. е. Болгаре, какъ и Русь, сами себя Славянами не называли. Это имя перешло къ нимъ впослѣдствіи, когда названіе Славяне стало обобщаться, т. е. изъ видоваго дѣлалось родовымъ. Первоначально Славянами (собственно Склавинами) называлась часть Дунайскихъ и Иллирскихъ племенъ, сосѣднихъ съ Римскою имперіей. Отъ ближайшихъ сосѣдей потомъ средневѣковые латинскіе и византійскіе писатели перенесли это видовое имя и на другіе народы, т. е. на тѣ, которые были родственники Склавинамъ. Отсюда произошло обобщеніе даннаго имени, которое Славяне осмыслили, т. е. Склововъ обратили въ Славовъ. Что это обобщеніе произошло путемъ собственно-книжнымъ, доказываетъ существующее доселѣ у большинства славянскихъ народовъ невѣденіе того, что они принадлежатъ къ Славянамъ, и если они узнаю̀тъ о томъ, то только изъ книгъ. Мало того, что Болгаре не называли себя Славянами; но безъ всякаго сомнѣнія они говорили нарѣчіемъ, которое было отлично отъ языка Славянъ, еще прежде нихъ обитавшихъ на Дунаѣ: ибо Болгаре были едва ли не самая восточная славянская вѣтвь. Безъ сомнѣнія она имѣла многія особенности въ произношеніи сравнительно съ отдаленными отъ нея Славянами югозападными. Между ними отношеніе было приблизительно такое же, какое между Готами, т. е. восточно-нѣмецкою вѣтвію, и Франками или Алеменами, т. е. западно-нѣмецкими племенами. Различіе въ языкѣ между Готами и Алеманами или между нынѣшними Шведами и Нѣмцами было даже болѣе сильное, чѣмъ между восточными и западными Славянскими народами. Сами Готы въ средневѣковыхъ источникахъ не называются ни Тевтонами, ни Германами; отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы Готы принадлежали къ иной, не Нѣмецкой группѣ народовъ.

Переселеніе восточно-славянскаго народа на Дунай въ сосѣдство съ Славянами югозападной вѣтви и объясняетъ, почему на Балканскомъ полуостровѣ явились рядомъ два такія славянскія нарѣчія, какъ Сербское и Болгарское. Странно, что филологи, толкующіе о финскомъ происхожденіи, всего менѣе при этомъ обращали вниманія на Болгарскій языкъ. Откуда же взялся этотъ древнеболгарскій или церковнославянскій языкъ, столь цѣльный, гибкій и богатый? Нѣкоторая порча и измѣненія въ этомъ языкѣ начались собственно не со времени поселенія Болгаръ за Дунаемъ, а съ приливомъ народовъ дѣйствительно тюркскихъ. Послѣдователи Тюрко-Финской теоріи, пытаясь опереться на филологію, болѣе всего погрѣшили противъ этой науки: указывая нѣсколько непонятныхъ для себя именъ и словъ, они совсѣмъ упустили изъ виду языкъ народа.

Въ заключеніе подведемъ итоги своимъ доказательствамъ въ пользу сла-

вянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ, противъ Тюрко-Финской теоріи Энгеля, Тунмана, Шафарика и ихъ послѣдователей.

1. Основатели помянутой теоріи были введены въ заблужденіе названіемъ Гунны, которое нѣкоторыми средневѣковыми лѣтописцами придавалось Болгарамъ. Но подъ этимъ названіемъ являются у нихъ разнообразные народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ и между прочимъ народы Славянскіе. У византійскихъ писателей VI вѣка Болгаре называются или общимъ именемъ Гунновъ или частными именами Котрагуровъ, Утригуровъ, Ультинзуровъ и пр. У писателей VIII и IX вв. они называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами. У послѣднихъ писателей является легенда о раздѣленіи Болгаръ между пятью сыновьями Куврата и разселеніи ихъ въ разныхъ странахъ только во второй половинѣ VII вѣка. Нѣмецкая и Славянская исторіографія приняла эту легенду за историческій фактъ, т. е. отнеслась къ ней безъ надлежащей критики, и на ней основывала начальную исторію Болгаръ; тогда какъ ихъ предъидущая исторія и ихъ движенія на Дунай расказаны писателями VI вѣка (Прокопіемъ, Агаѳіемъ и Менандромъ), но только они не употребляютъ имени Болгаре. Однимъ словомъ, новѣйшая европейская исторіографія вмѣсто того, чтобы разъяснить путаницу народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ, строила искусственныя теоріи на основаніи этой путаницы, т. е. на сновании разныхъ недоразумѣній. Такимъ образомъ она упустила изъ виду ясно обозначенную въ источникахъ родину Болгарскаго народа, т. е. Кубанскую низменность; не замѣтила существованія Болгаръ Таманскихъ и Таврическихъ съ IV-го до X вѣка включительно (т. е. съ появленія Утургуровъ до извѣстій о т. наз. Черныхъ Болгарахъ), а связывала Дунайскихъ Болгаръ непосредственно съ Камскими и производила первыхъ отъ послѣднихъ. Такъ какъ коренные Гунны были племя Угро-Финское, а Камскіе Болгаре считаются тоже Финскимъ народомъ, то исторіографія объявила Финнами и Болгаръ Дунайскихъ. Но Болгаре вообще не были коренными Гуннами или Уграми; а смѣшанная народность Камскихъ Болгаръ еще недостачно разъяснена. Есть поводы думать, что это была славяно-болгарская вѣтвь, постепенно утрачившая свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ. (Признаки ея славянства отразились особенно въ арабскихъ извѣстіяхъ X вѣка) *.

---

* Теперь, когда мы знаемъ, что древнею родиною Болгаръ была страна между Азовскимъ моремъ и нижнею Волгою, что это былъ народъ Славянскаго корня, для насъ получаютъ смыслъ тѣ арабскія извѣстія о Камскихъ Болгарахъ, которыя казались странными и несовмѣстимыми съ Тюрко-Финской теоріей. Такъ, Ибнъ-Фоцланъ, лично посѣтившій Камскую Болгарію въ первой половинѣ X вѣка, постоянно называетъ царя болгарскаго «царемъ Славянъ», городъ Болгаръ «городомъ Славянъ», и весь тотъ край «страною Славянъ». Ибнъ-Хардадбегъ называетъ Волгу «Славянскою рѣкою. «А по извѣстію Димешки Камскіе Болгаре сами считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ. Болѣе поздніе мусульманскіе писатели также отличаютъ Болгаръ отъ другихъ туземныхъ племенъ, напримѣръ, отъ «дикихъ» Башкиръ и Мещеряковъ (см. Березина, Булгаръ на Волгѣ). Если бы Волжско-Камскіе Болгаре были Финскаго происхожденія, то они легко слились бы съ мѣстными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную національность. Однако этого мы не находимъ. Очевидно угро-тюркскіе элементы подавляли своею массою элементъ болгаро-славянскій, но не могли его совершенно усвоить. Въ свою очередь болгаро-славянскій элементъ, положившій начало государственному быту въ томъ краю, былъ слишкомъ слабъ численно и слишкомъ изолированъ отъ другихъ родственныхъ народовъ (особенно съ принятіемъ ислама), чтобы ославянить туземные угорскіе и тюркскіе народцы. Эта борьба разнородныхъ элементовъ и объясняетъ отсутствіе опредѣленнаго національнаго типа и недостатокъ прочности въ государствѣ Камскихъ Болгаръ, не смотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто съ лица

2. Доказательства въ пользу Финскаго происхожденія, основанныя на сравненіи народныхъ нравовъ и обычаевъ, не выдерживаютъ никакой критики. Это или черты общія разнымъ языческимъ народамъ, или прямо родственныя съ другими Славянами, и преимущественно съ восточными. Но что́ болѣе всего противорѣчитъ помянутой теоріи, это быстрое и коренное превращеніе Дунайскихъ Болгаръ въ Славянъ, превращеніе, противорѣчащее всѣмъ историческимъ законамъ. Если бы Болгаре были Финны, то они не могли бы такъ легко усвоить себѣ народность покореннаго племени, и тѣмъ болѣе, что Болгаре были не только господствующій, но и сильный, многочисленный народъ. Притомъ же въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ находились дѣйствительно-финскіе народы, каковы Мадьяры и остатки настоящихъ Гунновъ, которые неизбѣжно должны были подкрѣпить народность Болгаръ, еслибы она была Финскою. (Одного существованія Мадьяръ довольно для того, чтобы опровергнуть всю искусственную теорію финномановъ). Вмѣсто того мы видимъ, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ славянскій элементъ получилъ здѣсь могущественное подкрѣпленіе, и началась сильная славянизація византійскихъ областей.

3. Попытки финномановъ подтвердить свою теорію филологическими данными, преимущественно личными именами древнихъ Болгаръ, также обнаруживаютъ недостатки ихъ критическихъ пріемовъ и особенно недостатки сравнительно-исторической филологіи. Толкованіе данныхъ именъ отличается произвольнымъ, односторонним и поверхностнымъ характеромъ. Имена дошли до насъ большею частію въ иноземной передачѣ, въ искаженіи, безъ опредѣленнаго ихъ произношенія. Притомъ личныя имена легче всего переходили и заимствовались однимъ народомъ у другаго. Вообще это не всегда надежный элементъ для опредѣленія древнихъ народовъ. Наконецъ въ большинствѣ случаевъ есть возможность, при ближайшемъ разсмотрѣніи, отыскать славянскія основы въ болгарскихъ именахъ. Отсутствіе сколько-нибудь замѣтной финской стихіи въ языкѣ Болгарскаго народа явно противорѣчитъ теоріи финномановъ. А цвѣтущая древнеболгарская или церковнославянская письменность, которою Болгаре надѣлили и другіе Славянскіе народы, окончательно уничтожаетъ эту теорію.

—

Исходя отъ добытыхъ нами выводовъ относительно Болгарской народности, въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ о началѣ Руси мы надѣемся объяснить, что тѣ южнорусскія племена, о которыхъ мимоходомъ упоминаетъ наша начальная лѣтопись, именно Угличи и Тиверцы, были племена собственно болгарскія. Угличи Русской лѣтописи, какъ извѣстно, отождествляются съ Ультинами Константина Багрянороднаго, которыхъ онъ упоминаетъ въ числѣ Славянъ, подвластныхъ Руси. Но эти Ультины, называемые Славянами у византійскаго писателя X вѣка, суть несомнѣнно тоже самое что Ультинзуры, которыхъ Агаѳій, писатель VI вѣка, относитъ къ Гуннамъ (т. е. къ Болгарамъ).

Разъясненіе Болгарской народности незамѣтно для самого автора привело его между прочимъ къ разрѣшенію од-

исторіи наплывомъ Татарской орды. Но уже самое существованіе промышленныхъ, торговыхъ городовъ и вообще способность къ цивилизаціи обнаруживаютъ, что высшій слой населенія не былъ чисто-Финскій.

ного изъ тѣхъ недоумѣній, которыхъ онъ коснулся въ своихъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ. Именно, доказывая принадлежность Славянамъ обѣихъ параллелей, славянской и русской, въ извѣстныхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Б., мы тогда замѣтили: „Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена пороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ, чѣмъ Кіевская Русь, рѣшить пока не беремся“ (О мним. призв. Варяговъ. Рус. Вѣст. 1871. Ноябрь). Въ настоящее время, когда мы знаемъ, что къ югу отъ Кіевской Руси жили племена славяноболгарскія, можемъ уже прямо предположить, что славянская параллель въ именахъ пороговъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе какъ болгарскіе варіанты болѣе древнихъ, т. е. славянорусскихъ, названій. И если филологи безъ предубѣжденія взглянутъ на эти варіанты, то убѣдятся, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ признаки церковнославянскаго, т. е. древнеболгарскаго, нарѣчія.

Точно также и нѣкоторыя другія обстоятельства начальной Русской исторіи, казавшіеся доселѣ несовсѣмъ понятными, получаютъ смыслъ съ разъясненіемъ начальной исторіи Болгаръ. Напримѣръ, теперь, когда мы знаемъ, что послѣдніе съ IV или V вѣка встрѣчаются на Кубани и въ восточной части Крыма и живутъ тамъ еще въ IX вѣкѣ, теперь устраняется и самый вопросъ о томъ, кто такое были и гдѣ обитали Черные Болгаре, упомянутые въ Игоревомъ договорѣ и въ сочиненіи Константина „Объ управленіи имперіей.“ А эти Черные Болгаре въ свою очередь до нѣкоторой степени выясняютъ происхожденіе русскаго Тмутраканскаго княжества и ту роль, которую игралъ Корсунь въ исторіи нашего христіанства. Такимъ образомъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся въ несостоятельности тѣхъ легендъ и тѣхъ искусственныхъ теорій, которыя затемнили собою начальную Русскую и вообще Славянскую исторію.

Д. Иловайскій.

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ О РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II-Й *).

1779-Й ГОДЪ.

1.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 11-го Января 1779.

Умиротвореніе въ Германіи подвигается безпрепятственно, и такъ какъ здѣшній Дворъ считаетъ себя единственнымъ двигателемъ этого полезнаго дѣла, то здѣсь и наблюдаютъ за успѣхомъ онаго съ особеннымъ удовольствіемъ. Небольшая доля времени, удѣляемая графомъ Панинымъ на занятія дѣлами, вполнѣ посвящается этому предмету, а объ остальныхъ дѣлахъ имперіи онъ заботится также мало, какъ будто бы они вовсе до

*) См. I-ю книгу, Р. Архива сего года, стр. 1465.

него не касались. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что подобная же апатія начинаетъ овладѣвать императрицею, и я всякій день болѣе и болѣе опасаюсь той неблагопріятной для насъ перемѣны мыслей, о которой я уже упоминалъ вамъ, милордъ. Что́ касается до частной жизни ея императорскаго величества, въ ней ежедневно усиливаются распущенность и разсѣянность, и общество ея часто собирается изъ самого низкаго слоя ея придворныхъ.

Здоровье императрицы, конечно, страдаетъ отъ ея образа жизни, и это обстоятельство неминуемо усиливается вслѣдствіе соображеній, являющихся ей всякій разъ, какъ она даетъ себѣ время спокойно обдумать послѣдствія своего настоящаго поведенія. Она продолжаетъ оказывать мнѣ необыкновенное отличіе, и я все еще не отчаяваюсь рано или поздно добиться отъ нея личнаго разговора о дѣлахъ; а пока этого не произойдетъ, я не могу ожидать успѣха ни въ какомъ предпріятіи по той причинѣ, что императрица, далеко превосходя умомъ всѣхъ своихъ министровъ, остается въ тоже время единственнымъ лицомъ въ имперіи, сохраняющимъ нѣкоторое предпочтеніе къ намъ.

2.

Петербургъ, 29 Января 1779.

Внутренность Двора за эти послѣднія двѣ недѣли представляла и до сихъ поръ еще представляетъ зрѣлище безпрерывныхъ безпорядковъ и интригъ. Императрица выразила намѣреніе выбрать новаго любимца, вслѣдствіе чего тотчасъ же появилось множество претендентовъ. Друзья Страхова сильно надѣялись, что ему будетъ позволено публично признать за собой ту степень благосклонности, которою онъ по общимъ предположеніямъ давно уже пользовался частнымъ образомъ; но его собственное неосторожное поведеніе, въ связи съ упрямствомъ, не дали сбыться ихъ преждевременнымъ мечтамъ; и, вѣроятно, ея императорское величество остановилась бы на Левашевѣ, маіорѣ гвардейскаго Семеновскаго полка, еслибы молодой человѣкъ, по имени Свисковскій [1]), покровительствуемый госпожею Брюсъ и выдвигаемый ею въ качествѣ преемника Корсаку, не нанесъ себѣ удара кинжаломъ, отъ горя и досады, причиненныхъ ему неудачею. Рана не смертельна; и хотя были употреблены величайшія усилія для того, чтобы скрыть отъ императрицы настоящую причину этого необдуманнаго поступка, тѣмъ не менѣе онъ ее чрезвычайно обезпокоилъ и, вѣроятно, будетъ причиною, что за Корсакомъ сохранится его званіе по крайней мѣрѣ до весны. Потемкинъ и госпожа Брюсъ уже не дѣйствуютъ за одно; и князь до того завидуетъ вліянію, пріобрѣтенному этою дамою надъ его царственной повелительницей, что употребляетъ всевозможныя средства, чтобы замѣнить ее госпожею ***, двоюродной сестрой маршала **** и похожею на него какъ воспитаніемъ, такъ и характеромъ и правилами [2]). Госпожа Брюсъ, къ несчастію, возъимѣла пламенную страсть къ Корсаку, и это обстоятельство много облегчитъ Потемкину исполненіе его намѣренія. Въ случаѣ, если оно удастся, послѣдніе остатки приличія и этикета, которые до сихъ поръ наружно соблюдаются Дворомъ, исчезнутъ окончательно, а съ ними вмѣстѣ погибнетъ и всякая надежда на перемѣну въ нравахъ императрицы. Съ великимъ княземъ и съ великой княгиней Потемкинъ и его партія обращаются, какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія. Великій князь чувствуетъ это пренебреженіе и имѣетъ слабость высказывать это въ разговорѣ, хотя не властенъ сдѣлать ничего болѣе. Великая княгиня поступаетъ въ этомъ случаѣ съ гораздо бо́льшей осторожностью и осмотрительностью, и я думаю, что ея поведеніе вполнѣ согласуется съ письмами, получаемыми ею отъ его Прусскаго величества. Въ весьма серіозномъ разговорѣ, который я на дняхъ имѣлъ съ Орловыми насчетъ этихъ предметовъ, они оба соглашались, что для

[1]) Не Швейковскій ли? *П. Б.*

[2]) Звѣздочки въ подлинникѣ.—А. Н. Нарышкина? *П. Б.*

нихъ было бы далеко не невозможно возвратить себѣ милость императрицы; но въ тоже время они говорили, что характеръ ихъ теперь на столько перемѣнился противъ того, чѣмъ былъ прежде, что они никакъ не могли бы быть увѣренными удержаться и что поступокъ такого рода необходимо навлекъ бы на нихъ вражду великаго князя, между тѣмъ какъ для нихъ было въ высшей степени важно сохранить за собой его расположеніе, имѣя въ виду то обстоятельство, что безпокойное настроеніе императрицы и ея неправильный образъ жизни должны неминуемо сократить ея жизнь и причинить преждевременную смерть. Вслѣдствіе этихъ причинъ они уѣзжаютъ въ Москву, намѣреваясь жить тамъ въ полномъ уединеніи, но въ тоже время всегда готовые явиться на первый зовъ, такъ какъ, несмотря на перемѣну обращенія съ ними императрицы, они никогда не будутъ въ состояніи забыть всего, чѣмъ были ей обязаны.

3.

Петербургъ, 12 Февраля 1779.

Милости императрицы ко мнѣ превосходятъ всякую мѣру, и мнѣ невольно приходитъ на мысль, что эта необыкновенная благосклонность имѣетъ цѣлью ввести меня въ заблужденіе. Уже не разъ въ разговорѣ со мной она отзывалась съ величайшей насмѣшкой о Шведскомъ королѣ, и не далѣе какъ вчера разсказывала мнѣ, что вотъ уже три мѣсяца какъ у ней лежатъ въ карманѣ три сантиментальныя посланія этого монарха, на которыя она еще до сихъ поръ не отвѣчала. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось попробовать навести ее на разговоръ о предметахъ, насъ касающихся, она или хранила молчаніе, или заговаривала о другомъ. Постараюсь увидѣть инструкціи, данныя офицеру, который отправляется съ небольшою эскадрою и думаю, что изъ нихъ мы можемъ познакомиться съ истинными намѣреніями этого Двора.

4.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ВЪ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Петербургъ, 5-го Апрѣля 1779.

Когда я писалъ въ послѣдній разъ, я имѣлъ основаніе предполагать по словамъ графа Панина, что черезъ нѣсколько дней мнѣ предстояла возможность отправить курьера; но изъ того, что онъ сказалъ мнѣ вчера, я предвижу, что отъѣздъ онаго все еще остается подъ сомнѣніемъ. Вамъ, милордъ, слишкомъ хорошо извѣстны привычки этого Двора, чтобы удивляться подобной отсрочкѣ; но на этотъ разъ причина оной заключается не въ одномъ только нерадѣніи или невнимательности. Наши побѣды въ западной и въ восточной Индіяхъ доказали имъ неоспоримо, что наша національная сила и искусство остаются на прежней степени. Затрудненія же, появляющіяся на конференціяхъ въ Тешенѣ, и возможность ихъ неуспѣшнаго окончанія внушаютъ имъ опасеніе насчетъ ихъ собственнаго положенія; и они чувствуютъ, что, вмѣсто того, чтобы раздавать миръ другимъ Европейскимъ державамъ, имъ самимъ могутъ понадобиться (и въ весьма недалекомъ будущемъ) помощь и благорасположеніе друга столь сильнаго, какъ Англія. Опытъ научилъ ихъ, что судьба ихъ переговоровъ съ Турками вполнѣ зависитъ отъ оборота дѣлъ въ Германіи, такъ какъ языкъ Порты постоянно переходилъ отъ самаго миролюбиваго къ враждебному, смотря по тому, что казалось правдоподобнѣе.

Черезъ нѣсколько дней это неопредѣленное состояніе должно выясниться, и первый курьеръ отъ князя Репнина рѣшитъ политическую систему этого Двора. Если онъ привезетъ войну, они станутъ искать союза съ нами, и я полагаю, отъ насъ будетъ зависѣть заключить его на легчайшихъ для насъ условіяхъ. Въ случаѣ же, если онъ привезетъ извѣстія о мирѣ, тщеславіе ихъ достигнетъ своихъ границъ, и мы принуждены будемъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, прежде чѣмъ добиться

отъ нихъ истинныхъ выгодъ. Правда, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императрица желала бы черезъ свое вмѣшательство покончить нашу ссору съ Франціей; но какъ бы ни было хорошо ея расположеніе и какъ бы ни было глубоко ея собственное сужденіе, я вовсе не полагаюсь ни на добрую волю, ни на способности тѣхъ, кого она по необходимости изберетъ своими орудіями.

5.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ ЕГО ОТЦУ.

Петербургъ, 3-го Іюня 1779.

Мнѣ удалось заслужить благосклонность императрицы. Она постоянно приглашаетъ меня играть съ нею въ карты, а нѣсколько дней тому назадъ взяла меня съ собой, въ обществѣ только двоихъ придворныхъ, въ загородный дворецъ, гдѣ она помѣстила портреты всѣхъ коронованныхъ лицъ Европы. Мы много толковали объ ихъ различныхъ достоинствахъ, а еще больше о важныхъ недостаткахъ новѣйшихъ живописцевъ, занимающихся портретами, такъ какъ изъ всего собранія, за исключеніемъ портрета одного изъ нашихъ старшихъ принцевъ, написаннаго Вестомъ, нѣтъ ни одной картины, „обладающей рисункомъ“, живостью красокъ и мыслью. Императрица называетъ это мѣсто la Grenouillère (лужа, въ которой живутъ лягушки) и сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Уеджвудъ весьма кстати и выгодно помѣстилъ свое произведеніе, на которомъ изображена зеленая лягушка. Это произведеніе представляетъ различные рисунки деревенскихъ домовъ и садовъ въ Англіи. Намъ его также показали, и это подало намъ поводъ къ разговору объ Англійскомъ садоводствѣ, въ которомъ императрица большой знатокъ. Далѣе мы коснулись Блакстона, при чемъ она просто озадачила меня своими познаніями; по моему, она сама годилась бы въ судьи: такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція. Это отличіе государыни привлекаетъ мнѣ доброжелательство и вниманіе ея подданныхъ; они до того привыкли благоговѣть передо всѣмъ, что́ она можетъ быть только не осуждаетъ, что ихъ предупредительность доходитъ до крайности, которая уже становится тягостна.

6.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ ВИКОНТУ УЕЙМОУТУ [3]).

Петербургъ, 24-го Мая 1779.

Образъ дѣйствій этого Двора во всѣхъ важныхъ Европейскихъ вопросахъ, успѣхъ, сопровождающій всякій шагъ ихъ общественной дѣятельности, а рядомъ нерадѣніе и недостаточность ихъ администраціи—суть факты, повидимому, до того противоположные одинъ другому, что въ будущемъ они должны будутъ казаться невѣроятными. Для тѣхъ, которые, живя внѣ Россіи, судятъ о ней по великимъ результатамъ, достигаемымъ повсюду ея силою и вліяніемъ, должно казаться, что страна эта руководится въ своихъ дѣйствіяхъ высочайшимъ разумомъ и что нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ главныхъ частяхъ ея управленія. Съ другой стороны, кто находится въ этой имперіи и видитъ, съ какимъ непонятнымъ несовершенствомъ составляются всѣ ихъ планы и какія неспособныя орудія избираются для ихъ исполненія, для тѣхъ лицъ остается только удивляться, какъ не встрѣчаютъ они неудачи во всемъ, что́ предпринимаютъ. Очевидно, что причину тому можно приписать только случаю: случайное стеченіе интересовъ, бѣдствія смутъ и анархіи, отъ которыхъ Россія страдала менѣе остальныхъ Европейскихъ державъ и, если смѣю такъ сказать, нѣкотораго рода предпочтеніе счастія, которое сопровождаетъ всякое дѣйствіе этого Двора—все это, вмѣстѣ взятое, не только спасло страну отъ величайшихъ опасностей, но даже возвысило ее на

[3]) Секретарю при иностранныхъ дѣлахъ, по смерти герцога Суффолька.

степень величія и могущества, до которой едва ли достигало честолюбіе самой государыни. Что слѣдствія эти достигнуты именно тѣми причинами, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ и что Россія, хотя временно, обладаетъ этимъ превосходствомъ, надѣюсь, эти оба обстоятельства составляютъ факты до того неопровержимые, что вы, милордъ, легко согласитесь съ ними; поэтому я не буду долѣе распространяться на этотъ счетъ. Продолжительность этого высокаго значенія составляетъ еще вопросъ, подлежащій сомнѣнію; и, имѣя цѣлью, на сколько отъ меня зависитъ, облегчить вамъ, милордъ, опредѣленіе его твердости и стойкости, я приступлю къ подробному, однако, надѣюсь, неутомительному описанію характеровъ, нравовъ и правилъ тѣхъ, кто управляетъ имперіей.

Сама императрица, задолго до того времени, какъ судьба имперіи попала въ ея руки, уже приготовилась къ этому дѣлу: будучи еще великой княгиней, она употребляла всѣ свободные часы, такъ сказать, на собираніе тѣхъ матеріаловъ, которые сдѣлали первыя семь или восемь лѣтъ ея царствованія однимъ изъ блестящихъ періодовъ Русской исторіи. Тогда она управляла систематично, послѣдовательно и съ достоинствомъ. Мы должны отнести ея первую политическую ошибку къ тому времени, когда она допустила его Прусское величество пріобрѣсти сильное вліяніе въ ея совѣтахъ. Скоро за тѣмъ послѣдовало несчастное раздѣленіе Польши, Шведская революція, а съ тѣхъ поръ и всѣ неестественныя связи и неполитическія мѣры, которыхъ мы были свидѣтелями. Но личный ея характеръ и образъ дѣйствій потерпѣли еще бо́льшій ударъ, когда она лишила своихъ милостей князя Орлова: такъ какъ онъ, хотя не отличался особеннымъ умомъ, но, будучи человѣкомъ безукоризненной прямоты и честности, охранялъ ее отъ растлѣвающей лести, которой теперь она такъ жадно внимаетъ; а такъ какъ она имѣла къ нему самую искреннюю привязанность, то ради его сдерживала тѣ непозволительныя чувства, которымъ съ тѣхъ поръ дала такую широкую волю. Дворъ ея, управлявшійся сначала съ величайшимъ достоинствомъ и съ полнымъ соблюденіемъ внѣшняго этикета, мало по малу сдѣлался зрѣлищемъ распущенности нравовъ, которая усилилась такъ быстро, что въ непродолжительное время, мною здѣсь проведенное, нравы и привычки совершенно измѣнились. На возвращеніе къ лучшему нѣтъ болѣе надежды; и если только императрицу не озаритъ внезапный и чудесный лучъ свѣта въ такомъ возрастѣ, когда уже слишкомъ поздно исправляться, мы не можемъ ожидать благопріятной перемѣны ни въ ея частной жизни, ни въ общественной дѣятельности.

Князь Потемкинъ управляетъ ею самымъ неограниченнымъ образомъ; изучивъ до тонкости ея слабости, желанія и страсти, онъ пользуется ими, направляя ихъ согласно съ своими цѣлями. Кромѣ этого сильнаго вліянія, онъ держитъ ее въ постоянномъ страхѣ великаго князя и убѣдилъ ее, указывая на многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, имъ пріобрѣтенныхъ, что одинъ только онъ можетъ во́ время открыть злоумышленіе съ этой стороны и защитить ее отъ него. Онъ съ удивительной хитростью съумѣлъ опровергнуть все, высказанное самымъ опаснымъ его врагомъ, графомъ А. Орловымъ [4]), объяснивъ передъ императрицей, что поведеніе его имѣло причиной лишь переходъ его къ противной партіи; а князя онъ выставилъ въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, увѣряя, что онъ тронулся въ разсудкѣ послѣ небольшаго припадка паралича, и постоянно насмѣхаясь надъ его необдуманнымъ и страннымъ супружествомъ. Слѣдуя все тѣмъ же правиламъ, онъ внушилъ императрицѣ презрѣніе и недовѣріе по отношенію къ остальнымъ членамъ правительства. Гр. Панина и кн. Рѣпнина онъ

[4]) А. Орловъ въ томъ замѣчательномъ разговорѣ съ императрицей, о которомъ упоминалось выше, такъ высказался о кн. Потемкинѣ: «Я достовѣрно знаю, что у Потемкина нѣтъ истинной привязанности къ вашему величеству; его единственная цѣль—собственная выгода; его единственное замѣчательное качество—хитрость» (Р. Арх. 1866 г., стр. 597).

описываетъ, какъ совершенно зависящихъ отъ великаго князя; вице-канцлера и нѣкоторыхъ другихъ, имена которыхъ неизвѣстны вамъ, милордъ, онъ представляетъ какими-то черноработими службы и ставитъ ихъ во всякомъ отношеніи ниже вниманія ея императорскаго величества. Такимъ образомъ въ одно и тоже время, потворствуя ея преобладающей страсти и постоянно поддерживая тѣ опасенія, которыя въ ней такъ естественны, онъ упрочиваетъ за собой свое вліяніе гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно удается любимцу государя съ самодержавной властью. Я бы не отдалъ ему должной справедливости, если-бы не упомянулъ, что онъ обладаетъ необыкновенной проницательностью, свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ; и если-бы онъ употреблялъ на управленіе имперіей половину тѣхъ стараній, которыя онъ растрачиваетъ на придворныя интриги, мы скоро бы увидѣли ее совершенно въ другомъ состояніи.

Графъ Панинъ, къ которому императрица никогда не имѣла искренняго расположенія, теперь сдѣлался предметомъ ея ненависти; онъ съ своей стороны, несмотря на свою высокую должность, оказываетъ на столько сочувствія оппозиціи, на сколько то возможно въ такой странѣ. Вслѣдствіе этого недовѣрія государыни къ нему, а также его собственнаго страннаго характера, становится весьма затруднительно вести съ нимъ дѣло: ибо, хотя слова „прямота“ и „откровенность“ не сходятъ у него съ языка, но, мнѣ кажется, онъ мало соображаетъ съ ними свое поведеніе; и, не смотря на то, что, повидимому, онъ обладаетъ качествомъ, называемымъ Французами bonhomie (добродушіе), я имѣлъ слишкомъ много доказательствъ его хитрости, чтобы не убѣдиться, что именно это свойство составляетъ основную черту его характера.

Насчетъ характера и поступковъ великаго князя и великой княгини я могу сказать только нѣсколько словъ. Онъ, вслѣдствіе природной застѣнчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается съ лѣтами, не можетъ оправдать опасенія, внушаемыя княземъ Потемкинымъ императрицѣ, равно какъ окажется неспособнымъ управлять этой огромной и буйной имперіею. Великая княгиня отличается самыми добродѣтельными свойствами и справедливостью въ поступкахъ; но подобныхъ качествъ ни одна Русская императрица не сохранила до могилы; пробнымъ камнемъ ея явится или вступленіе ея мужа на престолъ, или нарушеніе имъ тѣхъ супружескихъ обязанностей, которыя до сихъ поръ соблюдались имъ съ величайшей строгостью.

Заключу свое письмо нѣсколькими словами на счетъ того, что, по моему мнѣнію, составляетъ политическую систему императрицы и ея любимца. Сама она (я въ томъ убѣжденъ) на столько же была, а можетъ быть и теперь еще, расположена къ Англіи, какъ къ Пруссіи; но, къ несчастію, его Прусское величество имѣетъ удобныя обстоятельства, никогда намъ не представлявшіяся, и можетъ употреблять средства, которыми бы мы погнушались воспользоваться.

Князь Потемкинъ мало обращаетъ вниманія на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планомъ основанія новой имперіи на Востокѣ. Императрица до такой степени раздѣляетъ эти намѣренія, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорожденнаго великаго князя Константиномъ, опредѣлила къ нему въ няньки Гречанку, по имени Елену, и въ близкомъ кругу говоритъ о возведеніи его на престолъ Восточной имперіи. Между тѣмъ она строитъ въ Царскомъ Селѣ городъ, который будетъ называться Константингородомъ. Я не нахожу, чтобы Потемкинъ былъ особенно расположенъ къ Пруссіи; изъ разговора его не замѣтно также и предпочтенія къ Франціи; впрочемъ, рѣчь его такъ безсвязна и прерывиста, что мнѣ, хотя случается видѣть его по цѣлымъ днямъ, еще не удавалось остановить его пять минутъ на одномъ предметѣ. Онъ ни въ какомъ отношеніи не признаетъ, чтобы Россія была чѣмъ-либо обязана Франціи, утверждая, что эта

держава хлопочетъ о прекращеніи ихъ ссоры съ Турками единственно изъ опасенія, чтобы Россія не изгнала этого народа изъ Европы. Я буду поддерживать эту мысль, не смотря на ея неосновательность, и имѣю нѣкоторую надежду на то, что Французскій Дворъ, по свойственнымъ ему самонадѣянности и высокомѣрію, будетъ до того налегать на важность услуги, имъ оказанной, что гордость императрицы получитъ толчекъ, который вернетъ ее къ ея прежнимъ анти-галликанскимъ чувствамъ.

7.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 24-го Мая 1779.

Не могу не высказать, что я наконецъ вполнѣ убѣдился, какъ изъ того, что́ слышу, такъ и изъ собственнаго опыта, что намъ нечего больше ожидать отъ этого Двора при обыкновенномъ ходѣ переговоровъ. Руководящія личности слишкомъ богаты, чтобы согласиться на подкупъ, слишкомъ упрямы для убѣжденія и слишкомъ необразованы, чтобы выслушать прямое слово правды. Въ послѣднее время я часто имѣлъ случай разсуждать не только съ княземъ Потемкинымъ, но и съ ея императорскимъ величествомъ, и могу увѣрить васъ, милордъ, что ни одно изъ этихъ побужденій не подѣйствуетъ на ихъ умы: они поступаютъ подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, имѣя въ виду лишь ближайшія послѣдствія, представляемыя имъ случайными обстоятельствами. Теперь преобладающею мыслью (затмѣвающею всѣ остальныя) является основаніе новой имперіи на Востокѣ, въ Аѳинахъ или въ Константинополѣ.

Недавно императрица долго разсуждала со мной о древнихъ Грекахъ, объ ихъ искусствѣ и превосходствѣ ихъ способностей; а такъ какъ этотъ же характеръ замѣчается и въ новыхъ Грекахъ, то она считаетъ для нихъ вполнѣ возможнымъ снова достигнуть первенства между народами, если только имъ будетъ оказана помощь и поддержка. Она прибавила, что говоритъ такъ со мною, зная, что мой отецъ [5]) былъ большой поклонникъ Грековъ, а потому надѣется, что и я наслѣдовалъ къ нимъ тоже чувство. Упоминаю объ этомъ, милордъ, не для того, чтобы хвастаться знаками отличія, мнѣ оказываемаго, но съ цѣлью доказать вамъ, что если его величеству встрѣтится необходимость въ помощи отсюда, единственное средство достигнуть этой цѣли состоитъ въ поддержаніи этой романической идеи. Теперь они такъ ей преданы, что подобный образъ дѣйствій, искусно веденный, упрочитъ за нами значеніе при этомъ Дворѣ; а такъ какъ этотъ планъ, какъ бы ни былъ онъ серіозно обдуманъ, тотчасъ же окажется непримѣнимымъ къ дѣлу, то намъ нечего опасаться зайти слишкомъ далеко въ дѣлѣ для насъ непріятномъ.

8.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 14 Іюня 1779.

Интересы Пруссіи сохраняютъ здѣсь все туже силу, и извѣстія, получаемыя оттуда, ни въ какомъ случаѣ намъ неблагопріятны. Различныя морскія державы, которыя въ торговомъ мореплаваніи хотѣли бы перейти границы, предписываемыя нейтралитетомъ, продолжаютъ обращаться съ жалобами къ императрицѣ; и съ моей стороны требуется величайшее вниманіе и постоянныя усилія, чтобы избавить васъ, милордъ, отъ полученія весьма непріятныхъ представленій по этому предмету. Но въ тоже время я весьма доволенъ возможностью увѣрить васъ, милордъ, на самыхъ надежныхъ основаніяхъ, что инструкціи, данныя командиру Русскаго флота, отправленнаго въ Сѣверное море, очень строги и подробны: ему не только приказано оберегать море отъ крейсеровъ, но въ случаѣ, если

[5]) Отецъ сэра Джемса Гарриса былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени и заслужилъ литературную извѣстность своимъ «Гермесомъ» и другими философическими сочиненіями.

онъ встрѣтитъ какой нибудь изъ нихъ съ добычею, онъ долженъ отнять ее и даже, въ случаѣ сопротивленія, обязанъ употребить силу.

9.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ МОРТОНУ ЭДЕНУ ЭСКВАЙРУ, ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 18 Іюня 1779.

Мнѣ, какъ и вамъ, было предписано употребить всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти содѣйствіе этого Двора. Между тѣмъ я сочту, что уже выполнилъ весьма трудную задачу, если мнѣ удастся удержать ихъ отъ выраженія особеннаго расположенія именно къ тому народу, котораго они такъ долго считали на столько же своимъ естественнымъ врагомъ, какъ и нашимъ. Неразборчивость Французовъ на средства въ политикѣ, ихъ умѣнье опутывать самой тонкою лестью умъ, хотя отличающійся многими качествами, тѣмъ не менѣе остающійся вѣрнымъ женскому характеру, все это пріобрѣло имъ при здѣшнемъ Дворѣ такую твердую почву, на которую они едва ли и сами могли разсчитывать въ настоящее царствованіе. Считаю своей обязанностью противиться этимъ хитрымъ происканъ; но такъ какъ при этомъ Русскимъ придется проснуться отъ золотаго сна, въ который они погружены, а за тѣмъ выслушать много рѣзкихъ и непріятныхъ истинъ, то сознаюсь вамъ откровенно, я отчаяваюсь въ успѣхѣ.

10.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 5-го Іюля 1779.

Вслѣдствіе непростительнаго нерадѣнія гр. Панина, которое, впрочемъ, не составляетъ рѣдкости въ его дѣйствіяхъ, императрица получила первое извѣстіе объ Испанской деклараціи [6]) черезъ Гамбургскую газету.

Она была очень недовольна подобнымъ пренебреженіемъ, очень строго говорила съ своимъ министромъ, когда онъ на слѣдующее утро принесъ ей оффиціальныя бумаги, и при этомъ выразила большое удивленіе, что Пушкинъ [7]) не достаточно сознаетъ всю важность этого обстоятельства, чтобы донести ей объ немъ болѣе скорымъ путемъ, чѣмъ съ обыкновенной почтой. Въ тотъ же день она съ величайшимъ жаромъ и чувствомъ разсуждала съ приближенными, какъ объ образѣ дѣйствій Испаніи, такъ и объ нашемъ критическомъ положеніи; выражала высокое одобреніе умнымъ и благороднымъ адресамъ Парламента и говорила, что Испанцы поступаютъ весьма неразсудительно, вызывая такую націю, какъ наша.

Въ понедѣльникъ, во время театральнаго представленія въ Петергофѣ, она подошла ко мнѣ во время антракта, и съ живостью спросила меня, не имѣлъ ли я курьера, не могу ли сообщить ей больше подробностей, чѣмъ извѣстно публикѣ и, казалось, она принимала въ нашихъ дѣлахъ гораздо бо́льшее участіе и разсматривала ихъ совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ увѣрялъ меня на этотъ счетъ ея министръ.

Я отвѣчалъ ея императорскому величеству, что еще не имѣлъ курьера и что событіе это произошло такъ незадолго до отхода почты, что письма, присланныя мнѣ, могли заключать сообщеніе о немъ не иначе какъ въ главныхъ чертахъ. Однако размышленія, возбуждаемыя этимъ фактомъ, были, очевидно, самаго серіознаго свойства; кажется, противъ насъ составляется цѣлый крестовый походъ; и, если насъ покинетъ единственная сильная держава въ Европѣ, способная одержать перевѣсъ надъ этимъ могущественнымъ союзомъ, я не думаю, чтобы мы одними своими усиліями, какъ бы ни были они велики, могли ему воспротивиться. Отвѣтъ ея былъ таковъ. „Я „всегда была и всегда останусь истиннымъ „другомъ Англіи. Испанія предъявляетъ на „васъ цѣлыя сотни жалобъ, но еще не дока„зала ни одной изъ нихъ. Враждебный образъ „дѣйствій этого Двора крайне меня поражаетъ;

[6]) Испанія объявила войну Англіи 28-го Іюня 1779 года.

[7]) Посланникъ въ Англіи, гр. Алексѣй Семен. Мусинъ-Пушкинъ. *П. Б.*

„но ваши средства и сила націи велики; и „будьте увѣрены, что ничто не можетъ быть „искреннѣе моей дружбы къ Англіи.“

Тутъ занавѣсъ поднялся, и разговоръ нашъ былъ прерванъ, а съ тѣхъ поръ я не имѣлъ случая говорить съ императрицей. Однако я употребилъ всѣ усилія, чтобы расположить въ нашу пользу ея приближенныхъ.

11.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ МОРТОНУ ЭДЕНУ, ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 4-го Іюля 1779.

Я желалъ бы предвидѣть не только личныя для себя выгоды, а выгоды болѣе важнаго рода въ томъ особенномъ вниманіи, которое мнѣ здѣсь оказывается. Правда, я совершенно убѣжденъ, что ея императорское величество въ настоящую минуту вполнѣ расположена въ нашу пользу; что она съ опасеніемъ видитъ усиленіе нашихъ враговъ и, какъ въ виду оказанія намъ помощи, такъ и для поддержанія политической системы всей Европы, сознаетъ необходимость не остаться равнодушнымъ зрителемъ настоящихъ событій. Еслибы я могъ сноситься насчетъ дѣлъ непосредственно съ нею самою, я убѣжденъ, что она недолго бы осталась въ бездѣйствіи; но дѣло въ томъ, что министры ея, по нерадѣнію, или вслѣдствіе другихъ болѣе предосудительныхъ причинъ, не раздѣляютъ этихъ мыслей. Графъ Панинъ ни въ какомъ отношеніи не дружественъ къ намъ; онъ всякую идею получаетъ отъ его Прусскаго величества и принимаетъ ее, не подвергнувъ ни размышленію, ни разбору. Такъ какъ объ немъ имѣютъ самое высокое мнѣніе при Дворѣ, гдѣ вы находитесь, я попрошу васъ избѣгать малѣйшаго намека на то, что́ я сейчасъ высказалъ; но, если мнѣ удастся что либо сдѣлать, это должно быть безъ его вмѣшательства, и даже безъ его вѣдома. Изъ этого вы легко усмотрите, какая трудная и щекотливая задача предстоитъ мнѣ.

12.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 7-го Августа 1779.

Такъ какъ императрица позволила моей сестрѣ вернуться на родину на Русскомъ фрегатѣ [8]), отправляемомъ ея императорскимъ величествомъ въ Англію за коллекціей картинъ лорда Орфорда, то я пользуюсь случаемъ написать вамъ нѣсколько строкъ путемъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ почта. Чувства самой императрицы, я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, совершенно благопріятны для насъ; и если бы лица, ее окружающія, не выставляли ей на видъ тѣхъ опасностей, которымъ будто она подвергла бы свою имперію, принявъ дѣятельное участіе въ нашихъ дѣлахъ, я убѣжденъ, что она недолго бы оставалась равнодушнымъ зрителемъ настоящей войны. Но покамѣстъ она обращаетъ вниманіе на то, что́ слышитъ отъ графа Панина, мы не должны ожидать никакой существенной перемѣны въ ея образѣ дѣйствій; потому что, кромѣ свойственнаго этому министру нерасположенія къ намъ, онъ вполнѣ преданъ его Прусскому величеству, чувства котораго по отношенію къ намъ хорошо извѣстны, а въ настоящую минуту еще разгорячены сильными побужденіями, которыя онъ имѣетъ къ сохраненію дружбы съ Франціей; и я съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что при ближайшемъ знакомствѣ съ графомъ Панинымъ я нахожу, что онъ пользуется репутаціей, совершенно отличающейся отъ его настоящаго характера, и что въ немъ нѣтъ ни способностей, ни откровенности, ни политическихъ правилъ, которыя публика ему приписываетъ [9]).

Такъ какъ я давно уже потерялъ надежду добиться черезъ него чего либо значительнаго, то въ послѣднее время старался подѣйство-

---

[8]) Фрегатъ этотъ погибъ, и миссъ Гаррисъ не могла спасти ничего, кромѣ депешъ.

[9]) Это нѣсколько противорѣчитъ болѣе раннимъ отзывамъ Гарриса о томъ же графѣ Панинѣ.

вать на князя Потемкина и, кажется, мои усилія не остались безъ успѣха. У него самое быстрое соображеніе, неограниченное честолюбіе и, весьма для насъ кстати, сильнѣйшая ненависть къ Панину.

Ожидаютъ ежедневно, что нѣкто Стахіевъ замѣнитъ Корсакова въ роли любимца. Но обстоятельство это занимаетъ только лицъ, прямо въ немъ заинтересованныхъ: оба любимца созданы выборомъ Потемкина, и перемѣна будетъ способствовать только усиленію его власти и вліянія, ни въ какомъ отношеніи не коснувшись общества. Стахіевъ, также какъ и Корсаковъ, выбранъ между нисшими офицерскими чинами.

13.

Петербургъ, 13 Августа 1779.

Инструкціи, данныя капитану фрегата, состоятъ въ томъ, чтобы отвѣчать на всякіе вопросы, какіе только могутъ быть ему предложены, но не подчиняться ни задержанію, ни обыску; если же будетъ сдѣлана попытка такаго рода, то ему предписано прибѣгнуть къ силѣ и, если можно, брать сопротивляющійся корабль и, дойдя до гавани, ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Императрица сама прибавила, что эти инструкціи касались только Французскихъ и Американскихъ крейсеровъ; принадлежащіе же Англіи должны быть разсматриваемы вполнѣ дружески, и имъ предписано давать всякія объясненія.

14.

Петербургъ, 9 Сентября 1779.

Такъ какъ я уже передалъ вамъ, милордъ, все происшедшее между мной и графомъ Панинымъ по поводу сообщенія мною ему Испанскаго манифеста [10]), то считаю лишнимъ повторять это снова; достаточно будетъ сказать, что въ нѣсколькихъ разговорахъ, которые я вслѣдъ затѣмъ имѣлъ съ этимъ министромъ, онъ всякій разъ говорилъ въ томъ же тонѣ и высказывалъ тѣже мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, имѣя основаніе предполагать, что образъ дѣйствій его католическаго величества являлся императрицѣ совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ увѣрялъ меня на этотъ счетъ ея министръ, я рѣшился обратиться къ князю Потемкину, какъ единственному человѣку, который могъ, вслѣдствіе своего вліянія, обратить въ дѣло такія благопріятныя чувства, если только они существовали.

Прошло, однако, нѣкоторое время, прежде чѣмъ мнѣ довелось удобно обратиться къ нему. 28-го Іюня случай къ тому представился въ прихожей императрицы, и я сказалъ ему, что наступила минута для Россіи занять первое мѣсто въ Европѣ; что одна только Россія способна выполнить эту роль, и одинъ только онъ способенъ руководить ея дѣйствіями; что положеніе, въ которомъ мы находимся, до того затруднительно, а намѣренія нашихъ враговъ до того очевидны, что невозможно было предполагать, чтобы императрица могла видѣть равнодушно событія настоящей войны. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не требовалось ни краснорѣчія, ни глубокой логики, чтобы убѣдить его въ справедливости моихъ словъ; что ни въ ея императорскомъ величествѣ, ни въ немъ самомъ не было недостатка доброй воли, но событіе это произошло еще слишкомъ недавно, чтобы императрица успѣла основательно его обдумать, и что если я буду имѣть немного терпѣнія, онъ скоро поговоритъ со мной подробнѣе; а пока онъ посовѣтовалъ бы мнѣ заняться пріисканіемъ самаго лучшаго способа, котораго бы ея императорскому величеству слѣдовало держаться въ этомъ случаѣ. Затѣмъ онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ лично съ самымъ лестнымъ комплиментомъ, высказавъ, что императрица имѣетъ ко мнѣ величайшее довѣріе, и потому выслушаетъ всякое мое слово съ такою же готовностью, какъ если бы оно исходило отъ одного изъ ея министровъ. Это придало мнѣ смѣлости попросить самой необыкновенной и до сихъ поръ еще никому не оказанной милости,

[10]) Въ этомъ разговорѣ графъ Панинъ прямо высказалъ свое расположеніе въ пользу враговъ Англіи, осуждая при этомъ Англійскую гордость и тиранію на морѣ.

именно-позволенія переговорить о дѣлахъ лично съ ея императорскимъ величествомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, хотя подобный шагъ будетъ совершенно новъ и необыченъ, однако онъ постарается удовлетворить моей просьбѣ, настаивая въ тоже время на необходимости сохранить глубочайшую тайну. Затѣмъ онъ оставилъ меня, сказавъ, что скоро найдетъ случай поговорить со мной болѣе подробно.

Въ слѣдующую пятницу онъ пригласилъ меня обѣдать на дачу, принадлежащую его племяннику, гдѣ присутствовали только нѣкоторые члены его семейства и лица, подчиненныя ему. И тамъ, милордъ, мы разсуждали весьма подробно, какъ о критическомъ положеніи, въ которомъ находится Англія, такъ и о вліяніи, которое послѣдствія настоящей войны неминуемо должны оказать на все политическое равновѣсіе Европы, и наконецъ о самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ, могущихъ предупредить возникновеніе всеобщаго безпорядка, или по крайней мѣрѣ оказать противодѣйствіе сильному напору дома Бурбоновъ, соединившагося противъ одной Англіи.

Такъ какъ я не высказалъ ничего, что́ бы не представлялось и вашимъ собственнымъ мыслямъ, милордъ, то считаю лишнимъ передавать вамъ все, происходившее между княземъ Потемкинымъ и мной по поводу перваго изъ этихъ предметовъ. Я далеко не хвалюсь тѣмъ, что довелъ его до своего мнѣнія. Онъ такъ хорошо зналъ всѣ подробности дѣла и такъ здраво разсуждалъ объ нихъ, что мнѣ было весьма нетрудно убѣдить его; но такъ какъ средства, которыя надлежало употребить, составляли болѣе щекотливый вопросъ, то при обсужденіи ихъ требовалось больше вниманія и осторожности. Я зналъ, что предложеніе союза (при этихъ обстоятельствахъ) будетъ отвергнуто; я также чувствовалъ, что настоятельная просьба насчетъ помощи имѣла бы просительный и унижепный характеръ, котораго мнѣ не хотѣлось принимать на себя; поэтому я предложилъ, какъ единственную мѣру, которая, осуществляя мысли нашего Двора, въ тоже время оказалась бы лестной и для достоинства здѣшняго Двора—чтобы императрица сдѣлала сильную декларацію въ Версалѣ и въ Мадридѣ и подтвердила бы эту декларацію вооруженіемъ всѣхъ своихъ морскихъ силъ; чтобы эта декларація касалась не столько отдѣльныхъ и ближайшихъ интересовъ Англіи (хотя и къ нимъ императрица далеко не оставалась равнодушною), сколько условій, относящихся до благосостоянія всей Европы вообще. Слѣдовало выставить на видъ, что, пока Испанія предлагала переговоры, ея императорское величество, предвидя возможность мирнаго окончанія дѣла, удерживалась отъ всякаго вмѣшательства; но такъ какъ всѣ подобныя надежды исчезли съ той минуты, какъ Испанія перемѣнила свой характеръ, перейдя отъ переговоровъ къ военнымъ дѣйствіямъ (вслѣдствіе побужденій самыхъ неожиданныхъ и уже внушенныхъ не одною Франціею), ея императорское величество не могла долѣе сохранять молчаніе, или равнодушно смотрѣть на Европейскую войну, которая угрожала самыми гибельными послѣдствіями по отношенію къ общей политической системѣ; что необходимость морскаго вооруженія рука объ руку съ декларацією была очевидна; что иначе она не произведетъ никакихъ послѣдствій и будетъ принята, какъ простая демонстрація, не имѣющая никакого особаго значенія; что, съ другой стороны я былъ убѣжденъ, если декларація будетъ хорошо выражена и поддержана, она мгновенно измѣнитъ состояніе дѣлъ.

Князь, казалось, былъ пораженъ этой мыслію. Онъ согласился съ нею и нимало не сомнѣвался въ томъ, что она окажется дѣйствительною, но сказалъ... и тутъ, милордъ, я приступаю къ самой необыкновенной и конфиденціальной части нашего разговора: „Кому „мы довѣримъ заявленіе декларации и приго„товленіе къ вооруженію? Графъ Панинъ не „имѣетъ ни желанія, ни способностей помочь „намъ; онъ преданъ Пруссіи и больше ниче„го. Графъ Чернышевъ (стоящій во главѣ

„адмиралтейства) человѣкъ ненадежный и из„мѣнитъ всякимъ приказаніямъ, ему даннымъ. „Нельзя разсчитывать ни на того, ни на дру„гаго; а между тѣмъ они начальствуютъ тѣ„ми частями, черезъ которыя все дѣло необ„ходимо должно пройти“.

Въ отвѣтъ на это я предложилъ, чтобы декларація была составлена у него на глазахъ: черезъ то все дѣло принадлежало бы ему одному, и ему же безраздѣльно отнеслась бы и честь его исполненія, что и составляло мое желаніе; а что затѣмъ онъ могъ бы передать эту бумагу графу Панину отъ имени императрицы, на повелѣніяхъ которой онъ очень хорошо умѣлъ настаивать. Что же касается до вооруженія судовъ, мнѣ было извѣстно, что въ теченіи прошедшей войны ея императорское величество всегда рѣшала это дѣло съ адмираломъ, которому предстояло командовать ими; что таже мѣра могла быть употреблена и теперь, черезъ что въ одно и тоже время становились невозможными козни того лица, о которомъ онъ упоминалъ, и избѣгался поводъ къ неудовольствію со стороны великаго князя, такъ какъ онъ, по званію генералъ-адмирала, могъ обидѣться тѣмъ, что въ данномъ случаѣ не обратились къ нему за совѣтомъ. На все это Потемкинъ отвѣчалъ мнѣ: „Вы, кажется, не безполезно употребили вре„мя вашего пребыванія въ этой странѣ и пре„красно ее понимаете“.

Теперь мнѣ оставалось только спросить, буду ли я допущенъ къ личному разговору съ ея императорскимъ величествомъ.—„Безъ сомнѣнія,“ отвѣчалъ онъ, и прибавилъ, что императрица не только соглашается, но даже сама желаетъ выслушать меня; особенно, если я, приближаясь къ ней, откину маску и хитрость иностраннаго министра, а сохраню только искренность и откровенность хорошаго, честнаго Англичанина. Я отвѣчалъ, что никогда не носилъ маски, о которой онъ говоритъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда мнѣ доводилось имѣть дѣло съ хитрыми и двуличными людьми; что передъ ея императорскимъ величествомъ я былъ готовъ открыть все мое сердце, въ убѣжденіи, что не могу оказать своей странѣ болѣе существенной услуги, какъ давъ ей усмотрѣть во мнѣ то чувство, которое преобладаетъ во всемъ народѣ; что, ожидая этой чести съ величайшимъ нетерпѣніемъ, я надѣюсь, что ея императорское величество скоро назначитъ къ тому день. Онъ увѣрилъ меня, что она такъ и сдѣлаетъ.

Однако прошло почти двѣ недѣли до тѣхъ поръ, пока я былъ допущенъ къ этому частному отличію. Правда, что, вслѣдствіе близости моей дачи къ Петергофу, я почти ежедневно имѣлъ честь видѣть ея императорское величество, при чемъ я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчалъ, что она всегда выражала величайшее любопытство насчетъ извѣстій изъ Англіи, вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы они оказались благопріятными. Въ понедѣльникъ, 22-го Іюля, на маскарадѣ, данномъ въ честь именинъ великой княгини, нѣсколько времени спустя по окончаніи карточной игры съ ея величествомъ, въ которой я участвовалъ, Корсаковъ подошелъ и попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Онъ провелъ меня заднимъ ходомъ въ уборную комнату императрицы и, введя меня туда, немедленно удалился. Имтератрица, заставивъ меня сѣсть, сама начала разговоръ, высказавъ, что послѣ ея собственныхъ дѣлъ наши были ей всего ближе къ сердцу; что въ послѣднее время они весьма серіозно занимали ея вниманіе; что она была готова выслушать все, что я хотѣлъ сказать ей по этому поводу, и что она будетъ счастлива, если я съумѣю устранить тѣ препятствія, которыя представляются ея уму всякій разъ, какъ она составляетъ планъ, имѣющій цѣлью нашу пользу. Я сказалъ ей, что, вслѣдствіе полнаго убѣжденія, что я говорю съ самымъ могущественнымъ и лучшимъ другомъ Англіи, я осмѣлюсь высказать свои мысли весьма откровенно, не опасаясь своими усиліями исполнить обязанность вѣрнаго подданнаго—оскорбить ея величество, которая сама въ такомъ совершествѣ исполняла долгъ великой государыни.

Она увѣрила меня, что, еслибы она не была такъ хорошо расположена къ выслушанію всего, что я имѣлъ передать ей, а также еслибы она не имѣла ко мнѣ особеннаго уваженія, она никогда бы не согласилась принять меня такимъ необыкновеннымъ образомъ; затѣмъ она высказала свое желаніе, чтобы я говорилъ безъ всякаго опасенія, обѣщая съ своей стороны выслушать какъ всѣ мои мнѣнія, такъ и мои совѣты, если я имѣлъ таковые. Ободренный такими словами, я постарался, какъ умѣлъ лучше, представить ея глазамъ картину настоящаго положенія Европы вообще, а Англіи въ особенности.

Императрица спросила меня, имѣю ли я на этотъ счетъ какія-нибудь инструкціи и не поручено ли мнѣ сдѣлать особыя предложенія. Я отвѣчалъ, что мнѣ разъ навсегда было предписано стараться о снисканіи ея дружбы и что настоящая моя рѣчь была вполнѣ съ этимъ согласна. Далѣе я высказалъ, что ея императорскому величеству хорошо извѣстны различныя предложенія, съ которыми я со времени моего пріѣзда обращался къ графу Панину, и что, хотя я на всѣ свои предложенія получалъ отказъ, тѣмъ не менѣе, если теперь ея императорское величество была расположена ихъ выслушать, я готовъ былъ ихъ повторить. Но, получивъ право говорить откровенно, я долженъ былъ сознаться, что, принимая во вниманіе важность данной минуты, мнѣ казалось, что ни одно изъ прежнихъ предложеній не оказывалось достаточнымъ и что единственная мѣра, которая бы, по моему мнѣнію, согласовалась съ величіемъ ея славы и въ тоже время соотвѣтствовала настоящей цѣли, состояла въ томъ, чтобы ея императорское величество сдѣлала сильную и энергическую декларацію Дворамъ Версальскому и Мадридскому, поддерживая таковую декларацію немедленнымъ и значительнымъ вооруженіемъ флота. Мѣра эта не могла не привести къ желаемому результату; я былъ увѣренъ, что она возстановитъ равновѣсіе въ войнѣ и, освободивъ остальныя Европейскія державы отъ опасенія очутиться безъ союзниковъ, позволитъ всякой изъ нихъ принять въ настоящей ссорѣ именно то участіе, на которое имъ указывали ихъ естественные интересы и чувства.

Императрица, выслушавъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, отвѣчала, что была вполнѣ согласна со всѣмъ, сказаннымъ мною относительно Европы; что, видя критическое положеніе, въ которомъ мы находились, она, какъ вслѣдствіе политическихъ причинъ, такъ и по собственнымъ личнымъ чувствамъ, имѣетъ сильнѣйшее желаніе намъ помочь; но что удерживаетъ ее отъ этого то отвращеніе, которое ей внушала мысль подвергнуть имперію новымъ военнымъ тревогамъ и, по всей вѣроятности, или окончить царствованіе во время войны, или, въ противномъ случаѣ, компрометировать себя въ глазахъ всей Европы; что она имѣетъ самое высокое понятіе о нашей національной силѣ и энергіи и не сомнѣвалась, что мы все таки пересилимъ Французовъ и Испанцевъ. Затѣмъ ея императорское величество перешла къ разсужденію объ Американской войнѣ, сожалѣя, что намъ не удалось ее остановить въ самомъ началѣ и указывала на возможность возстановленія мира черезъ наше отреченіе отъ борьбы съ колоніями. Я спросилъ ее: въ случаѣ еслибы колоніи принадлежали ей, и посторонняя держава предложила бы ей миръ на такихъ условіяхъ, — согласилась ли бы она принять его? Она отвѣчала съ величайшей живостью: „j'aimerais mieux perdre ma tête“ [11]).

„Допуская то что вы сейчасъ сказали“, продолжала она, „какое имѣю я право вмѣ„шиваться въ ссору, чуждую моихъ собствен„ныхъ интересовъ и касающуюся предмета, „про который думаютъ, что я его не понимаю, „въ ссору съ Дворами столь удаленными отъ „меня?“ Я отвѣчалъ ея императорскому величеству, что если-бы въ прошломъ столѣтіи Русскій государь обратился ко мнѣ съ

[11]) Переводъ: «Скорѣй бы согласилась потерять голову».

такою рѣчью, я не зналъ бы что̀ ему отвѣчать; но съ тѣхъ поръ, какъ Россія сдѣлалась одной изъ руководящихъ державъ въ Европѣ, отвѣтъ мой можетъ быть ясенъ: страна эта слишкомъ велика, чтобы относиться равнодушно къ великимъ событіямъ; интересы Европы стали теперь и интересами Россіи; и Франція, и Испанія, своими дѣйствіями во время послѣдней Турецкой войны, очевидно, доказали справедливость моихъ словъ; и по сравненію ихъ поведенія съ нашимъ, я былъ убѣжденъ, что ея императорское величество не потребуетъ ничего̀ другаго, чтобы разсѣять сомнѣнія, которыя она до тѣхъ поръ можетъ имѣть относительно необходимости ея вмѣшательства. Видя, что мои доводы на нее подѣйствовали, я продолжалъ, доказывая, что такое вмѣшательство доведетъ славу ея царствованія до высочайшей степени и что, еслибы Петръ Великій могъ видѣть, что флотъ, имъ основанный, сталъ на столько значителенъ, что можетъ не только быть въ союзѣ съ Англіей, но даже помогать ей въ удержаніи первенства на морѣ, то, конечно бы почувствовалъ, что онъ былъ величайшій государь Россіи. Мысль эта ей, кажется, очень понравилась, и она увѣрила меня, что имѣетъ сильнѣйшее желаніе намъ помочь.

Хотя мои слова разсѣяли нѣкоторыя препятствія, ей представлявшіяся, но другія весьма значительныя еще сохраняли свою силу; тѣмъ не менѣе она пожелала, чтобы я всѣ свои мысли изложилъ письменно, обѣщая не пропустить ничего необдуманнымъ. Затѣмъ, такъ какъ разговоръ нашъ продолжался болѣе часа, она отпустила меня.

По совершенной темнотѣ, я не безъ труда отъискалъ дорогу по извилистымъ коридорамъ до танцовальной залы.

На слѣдующее утро я черезъ князя Потемкина отправилъ ея императорскому величеству бумагу, помѣченную буквою A; а на другой день 24-го Іюля, когда я имѣлъ честь ужинать въ самомъ небольшомъ обществѣ у шталмейстера Нарышкина, гдѣ находилась и императрица на пути въ Царское Село, она нашла случай сказать мнѣ, что все, мною высказанное и написанное, чрезвычайно ее поразило; вотъ ея подлинныя выраженія: „Depuis notre conversation „je n'ai fait que rêver à vos affaires; „ma tête fermente, et si je puis trou„ver les moyens, vous verrez l'empres„sement avec lequel je vous servirai“ [12]). Затѣмъ она обратилась къ остальному обществу и весело прибавила: „Вы не должны „удивляться, что у насъ съ сэромъ Джемсомъ „Гаррисомъ секреты: мы были сосѣдями по „деревнѣ, а у сосѣдей всегда между собой „секреты“.

Въ слѣдующій понедѣльникъ, 29-го Іюля, императрица дозволила мнѣ сопровождать ее во время прогулки по садамъ Царскаго Села; хотя она говорила въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ объ нашихъ дѣлахъ вообще, однако присутствіе великаго князя и великой княгини, постоянно слѣдовавшихъ за нами, помѣшало ей вдаваться въ подробности.

Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ случай разговаривать съ княземъ Потемкинымъ, при чемъ не произошло ничего новаго, кромѣ того только, что я высказалъ ему свое весьма основательное мнѣніе насчетъ того, что графъ Панинъ зналъ о моемъ обращеніи къ нему, и вслѣдствіе понятія, которое я имѣлъ о характерѣ этого министра, я былъ убѣжденъ, что онъ употребитъ всевозможныя усилія, чтобы сдѣлать мою попытку безуспѣшною. Князь Потемкинъ отвѣчалъ мнѣ, что ему это было хорошо извѣстно и что, хотя вообще императрица весьма рѣдко подчиняла свое мнѣніе совѣтамъ, исходящимъ съ этой стороны: однако, такъ какъ, къ несчастію, она еще ни на что̀ не рѣшилась, мнѣ слѣдовало узнать

[12]) Переводъ: «Со времени нашего разговора я все думала о дѣлахъ Англіи; у меня разгорѣлась голова и, если я найду средства помочь вамъ, вы увидите, какъ охотно я это сдѣлаю».

доводы, которые графъ Панинъ собирается употребить, съ тѣмъ, чтобы заблаговременно приготовиться отвѣчать на нихъ, какъ можно лучше. Нѣсколько дней спустя, я получилъ извѣщеніе, что императрица рѣшилась приказать каждому члену Совѣта въ отдѣльности подать свое мнѣніе насчетъ нашихъ дѣлъ, требуя, чтобы каждый высказалъ, на сколько и какими средствами она могла оказать намъ помощь, не нанося этимъ ущерба благосостоянію собственныхъ подданныхъ; что начала она это съ обращенія къ графу Панину, какъ главѣ иностраннаго министерства, и что черезъ нѣсколько дней онъ подастъ ей свое мнѣніе, изложенное письменно.

Теперь для меня сдѣлалось въ высшей степени важно познакомиться съ подробностями, которыми онъ намѣревался обставить свои аргументы: потому что, хотя я и хорошо зналъ, что эти аргументы будутъ неблагопріятны нашему дѣлу, однако я не могъ въ точности опредѣлить, какимъ именно образомъ они будутъ высказаны. Я употребилъ разныя средства, которыя считаю лишнимъ пересказывать вамъ, милордъ, и мнѣ посчастливилось добыть извлеченіе изъ этого мнѣнія, откуда я узналъ, что, начертавъ первоначально картину общаго состоянія Европы (въ которой онъ называетъ короля Прусскаго охранителемъ Русской имперіи, доказывая, что этотъ монархъ согласенъ принять второстепенную роль, лишь бы предоставить первую Россіи), онъ приходитъ къ заключенію, что для благосостоянія Россіи также важна дружба съ Франціей, какъ и съ Англіей, и что при настоящихъ обстоятельствахъ ей не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла въ виду собственной безопасности. Далѣе онъ старается доказать, что поведеніе Англіи за эти послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права на особое вниманіе со стороны Россіи, и что даже, допустивъ возможность вмѣшательства императрицы, онъ не находитъ Англію въ положеніи, обусловливающемъ необходимость подобной мѣры. Затѣмъ онъ проводитъ параллель между настоящей и послѣдней войнами и заключаетъ мнѣніемъ, что въ случаѣ даже неудачи съ нашей стороны, мы очутимся лишь въ томъ же положеніи, въ которомъ находились до мира въ Ахенѣ.

Такимъ образомъ, ознакомившись вполнѣ съ мыслями графа Панина, я немедленно взялся за бумагу (B), которую и передалъ императрицѣ черезъ князя Потемкина почти въ тотъ же день, когда я предполагалъ, что графъ Панинъ подастъ свое мнѣніе. Я постарался также въ разговорѣ, который имѣлъ съ княземъ Потемкинымъ, склонить его въ пользу высказанныхъ мною мыслей; и такъ какъ я начиналъ подозрѣвать, что большая часть происшедшаго между мною и графомъ Панинымъ и даже между нимъ и моими предшественниками достигала лишь въ самомъ несовершенномъ видѣ до слуха императрицы, то я перечислилъ князю Потемкину всѣ подробности нашего образа дѣйствій со вступленія ея императорскаго величества на престолъ до настоящей минуты и т. д. Въ заключеніе я сказалъ, что прошу теперь у Россіи не болѣе того, что́ мы сдѣлали для нея безъ всякой просьбы съ ея стороны во время послѣдней войны съ Турціей: потому что, пока Россія имѣла дѣло съ одними Турками, мы довольствовались (убѣжденные въ ея превосходствѣ надъ такимъ врагомъ) оказаніемъ ей обыкновенныхъ услугъ и помощи; но какъ только Франція или Испанія выказывали намѣреніе сопротивляться ей, мы тотчасъ же являлись къ ней на помощь; и дважды, благодаря энергическимъ переговорамъ съ этими безпокойными Дворами, а также своевременному вооруженію нашего флота, мы спасли не только Русскій флотъ на Средиземномъ морѣ отъ разрушенія, но, по всей вѣроятности, и всю Европу отъ общей войны.

Князь Потемкинъ, который, противъ своего обыкновенія, выслушалъ меня ни разу

не прерывая, отвѣчалъ мнѣ, что онъ мало занимался иностранными дѣлами, и что большая часть высказаннаго мною была для него совершенною новостью; что все это пригодится ему при разсужденіи съ императрицею, мысли которой были постоянно заняты нашими дѣлами и которая, конечно, уже согласилась бы на мои предложенія, еслибы особы, нерасположенныя къ намъ и высокопоставленныя, не возбуждали въ умѣ ея постоянныхъ сомнѣній, доказывая ей, что вмѣшательство ея будетъ весьма вредно для ея собственной имперіи и въ тоже время не будетъ имѣть даже для насъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, на которыя я указывалъ. Онъ сказалъ, что, хотя самъ далеко не осуждаетъ нашего поведенія относительно Россіи, однако онъ настоятельно совѣтуетъ намъ при всякихъ планахъ, которые могутъ встрѣтиться намъ въ будущемъ насчетъ союза между обоими Дворами, обращать особенное вниманіе на личный характеръ императрицы, не давая возможности нашимъ недоброжелателямъ говорить, что мы относились къ ней съ невниманіемъ, гордостью и холодностью — обвиненія, которыя они постоянно выставляютъ противъ насъ и которымъ императрица иногда расположена вѣрить. Онъ прибавилъ, что, такъ какъ она еще не пришла къ рѣшенію, мнѣ остается терпѣливо ждать; и хотя онъ крайне жалѣетъ, что сезонъ такъ быстро подвигается, не приводя за собой ничего опредѣленнаго, однако не отъ него зависѣло поспѣшить рѣшеніемъ. Ея императорское величество намѣревалась выслушать отзывы Государственнаго Совѣта и до тѣхъ поръ, конечно, не подчинитъ своего мнѣнія ничьему мнѣнію.

Такъ какъ Дворъ все еще оставался въ Царскомъ Селѣ, то прошло почти двѣ недѣли, во время которыхъ я ни разу не имѣлъ случая видѣть ни ея императорское величество, ни князя Потемкина, и удалось это мнѣ не раньше конца Августа. Однако я съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что это время было употреблено графомъ Панинымъ къ величайшей нашей невыгодѣ. Онъ представилъ императрицѣ за достовѣрное, что Франція обратится къ ней за ея вмѣшательствомъ, и настаивалъ не только на неосторожности союза съ нами, но даже на необходимости избѣгать всего, что̀ могло подать поводъ къ предположенію, что ея императорское величество имѣетъ подобное намѣреніе; по словамъ его, то, что̀ уже произошло, произвело сильное впечатлѣніе при иностранныхъ Дворахъ, и если императрица будетъ продолжать выказывать столько благосклоннаго расположенія въ нашу пользу, Франція перестанетъ довѣрять безпристрастію ея дѣйствій. На этомъ основаніи онъ уговаривалъ ея императорское величество отказаться отъ намѣренія спрашивать мнѣнія у каждаго члена Совѣта, такъ какъ подобная мѣра не могла быть сохранена въ тайнѣ и непремѣнно должна произвести, даже внѣ предѣловъ имперіи, самыя непріятныя послѣдствія. Онъ прибавилъ, что все, сказанное мною, исходило изъ собственной моей головы и что я не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ предписаній. Онъ даже дошелъ до того, что увѣрялъ императрицу, будто имѣетъ основаніе предполагать скорую перемѣну въ Англійскомъ министерствѣ, при чемъ непремѣнно должно произойти отреченіе отъ всего мною сказаннаго.

Къ счастью, я предвидѣлъ и предупредилъ подобныя рѣчи въ моей потѣ В. [13]), и я очень радъ, что могу увѣрить васъ, ми-

[13]) Въ этой и другой бумагѣ, поданной Джемсомъ Гаррисомъ, онъ обращается къ тщеславію и честолюбію императрицы столько же, сколько къ ея политическимъ интересамъ, чтобы не дать Англіи остаться одной и быть побѣжденной союзомъ державъ, естественно враждебныхъ Россіи. Екатерина, хотя и расположенная къ Великобританіи, пока обдумывала свои планы относительно Турціи, далеко не сожалѣла о войнѣ, которая занимала и ослабляла Англію, Францію и Испанію. Иногда ее смущала мысль о томъ, что Англичане побѣдятъ, и въ такія минуты она была готова намъ помогать; но при малѣйшемъ успѣхѣ со стороны Англичанъ ея эгоистическая политика брала верхъ надъ опасеніями и пристрастіемъ.

лордъ, что эта часть разсужденій не имѣла никакого дѣйствія на императрицу. Я желалъ бы сказать тоже самое объ остальномъ; но, конечно, большая доля сказаннаго мною запала глубоко въ ея мысли, и такъ какъ нельзя было Панину выказать, что я знаю происшедшее, то было не въ моей власти оспаривать его доводы.

Въ такомъ расположеніи Дворъ вернулся въ городъ въ субботу 30-го августа. Такъ какъ я чувствовалъ, что столь долгимъ молчаніемъ насчетъ такого важнаго предмета я справедливо заслуживалъ вашего осужденія, милордъ, то я рѣшился имѣть окончательный разговоръ съ княземъ Потемкинымъ. По причинѣ зимы, рано приближающейся въ этомъ климатѣ, мнѣ не оставалось болѣе надежды совершить что либо въ этомъ году; но мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ положить основаніе дѣлу, которое бы тогда можно было исполнить въ будущемъ году по возможности ранѣе. Я не могъ добиться, чтобы онъ назначилъ для нашего свиданія день раньше пятницы 6-го сентября, когда я и явился къ нему послѣ обѣда и, во избѣжаніе помѣхъ, былъ принятъ имъ въ частномъ покоѣ, который императрица называетъ своимъ Эрмитажемъ. Я выразилъ ему, до какой степени меня поражаетъ то обстоятельство, что, не смотря на расположеніе самой императрицы и на его (Потемкина) готовность намъ помочь, перевѣсъ былъ одержанъ Совѣтомъ и мнѣніями людей гораздо меньшихъ способностей и, какъ я до сихъ поръ предполагалъ, пользующихся гораздо меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ онъ самъ. Между тѣмъ ихъ происки, удержавъ императрицу отъ немедленнаго вмѣшательства, оставили насъ еще на цѣлый годъ одинокими противъ нашихъ многочисленныхъ враговъ и т. д.

Онъ отвѣчалъ, что императрица была въ этомъ вполнѣ убѣждена, и онъ можетъ меня увѣрить, что она будетъ дѣйствовать сообразно собственнымъ мыслямъ и чувствамъ; что такъ какъ осень уже началась, то въ настоящую минуту мнѣ не слѣдуетъ ее торопить; однакоже желаніе помочь намъ укоренилось въ ея мысляхъ, и дѣло это само собой выработается гораздо лучше, чѣмъ при моихъ усиліяхъ его ускорить. Поэтому онъ мнѣ совѣтовалъ пока быть только на сторожѣ относительно происковъ моихъ сотоварищей, которые, по его мнѣнію, какъ изъ зависти къ отличіямъ, мнѣ оказываемымъ, такъ и вслѣдствіе другихъ побужденій, употребятъ всѣ отъ нихъ зависящія средства, чтобы сдѣлать мои попытки безуспѣшными.

Теперь мнѣ остается только сказать вамъ, милордъ, что хотя въ началѣ, судя по наружности, дѣла, казалось, принимали оборотъ, подававшій мнѣ величайшія надежды на немедленный успѣхъ, но на него нельзя долѣе разсчитывать. Остается, однако, возможность и, мнѣ кажется, вѣроятіе устроить что-нибудь съ наступленіемъ весны. Достовѣрно на столько, на сколько можно полагаться на увѣренія самой императрицы, что интересы Бурбоновъ не получили да, вѣроятно, и не получатъ, здѣсь большаго значенія,—событіе, которое бы непремѣнно совершилось, если бы я не прибѣгнулъ къ средствамъ, о которыхъ упоминалъ вамъ.

15.

Петербургъ, 9-го Сентября 1779.

Настоящій любимецъ, про котораго предсказывали, что онъ потеряетъ свой постъ, едва получивъ его, продолжаетъ однако занимать его по прежнему. Хотя городскіе слухи ежедневно назначаютъ ему новаго преемника, мнѣ кажется, что ея императорское величество не хочетъ болѣе давать ежегодно новую пищу общественнымъ толкамъ. Интересы писшихъ агентовъ находятся въ постоянномъ броженіи; но это ни въ какомъ отношеніи не измѣняетъ общаго поведенія Двора; имъ вполнѣ управляетъ князь Потемкинъ, который продолжаетъ занимать первое мѣсто въ довѣріи

и уваженіи своей государыни. Первоначально онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей второй племянницы, но со времени ея замужества съ княземъ Голицынымъ, старшая племянница, Александра Энгельгардтъ, кажется, пріобрѣла надъ нимъ еще бо̀льшую власть. Это молодая особа весьма пріятной наружности, богато одаренная отъ природы, обладающая рѣдкимъ искусствомъ для веденія придворныхъ дѣлъ. Ей уже удалось вытѣснить графиню Брюсъ изъ милости императрицы и если только чувства ея дяди къ ней не измѣнятся, она, по всей вѣроятности, сдѣлается самымъ довѣреннымъ лицемъ императрицы.

Въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ недавно произошла совершенная перемѣна. Императорскій, Датскій, Французскій, Прусскій и Испанскій министры смѣнены, и одинъ посолъ изъ Неаполя прибавился къ нашему корпусу. Этотъ послѣдній кажется болѣе ученымъ человѣкомъ; съ дѣлами же онъ незнакомъ и неспособенъ къ нимъ. Графъ Кобенцель, который долженъ прибыть сюда изъ Вѣны, отличается рѣдкимъ умомъ и большою дѣятельностью; назначеніе его было непріятно королю Прусскому, такъ какъ черезъ это Берлинъ остался безъ министра, и кромѣ того, это внушаетъ ему столь сильныя опасенія, что онъ для противодѣйствія ему выбралъ чрезвычайно способнаго и хитраго человѣка въ лицѣ графа Герца, котораго онъ уже много лѣтъ употреблялъ тайно, но никогда открыто до послѣднихъ переговоровъ въ Германіи. Этотъ графъ Герцъ пріѣхалъ во вторникъ и, при величайшей ловкости, имѣетъ самыя пріятныя манеры и наружность. Кобенцель пріѣдетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Преемникъ графу Ласи изъ Мадрида еще не назначенъ. Для насъ онъ былъ весьма опаснымъ министромъ, какъ по укоренившейся въ немъ ненависти къ народу, къ которому онъ по рожденію принадлежалъ, такъ и вслѣдствіе своего умѣнья втереться въ дружбу руководящихъ личностей. Г. де-Верака я не знаю; однако мнѣ кажется, что онъ болѣе любезенъ въ обществѣ, чѣмъ страшенъ въ кабинетѣ; и хотя, можетъ быть ему удастся заслужить милость императрицы, съ нимъ все таки будетъ не такъ трудно вести дѣло, какъ съ нынѣшнимъ chargé d'affaires le chevalier Corberon [14]): онъ при самыхъ небольшихъ способностяхъ присмотрѣлся къ нравамъ страны и вступилъ въ сношенія со всѣми камердинерами и вообще нисшими чинами Русскихъ домовъ, которые, состоя по бо̀льшей части изъ Французовъ и имѣя иногда значительное вліяніе на своихъ господъ, очень часто возстановляли противъ меня умы тамъ, гдѣ я всего менѣе этого ожидалъ. Датскій министръ, который насъ оставилъ, былъ достойный человѣкъ, но уже не молодой и не довольно расточительный, чтобы жить здѣсь; хотя онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицей и ея министрами, но лишился мѣста черезъ неосновательную болтовню молодаго поколѣнія. Я слышалъ, что его замѣнитъ Гильдерскронъ, находящійся въ эту минуту въ Стокгольмѣ. Министры Шведскій и Саксонскій, бароны Нолькенъ и Саксенъ, совершенно незначительны; они кругомъ въ долгахъ и ни при Дворѣ, ни въ обществѣ не пользуются благосклоннымъ пріемомъ. Политическія ихъ способности весьма второстепенны, и они также не умѣютъ выполнить, какъ и задумать что̀ либо важное. Германскій резидентъ Свартъ, человѣкъ не отличающійся ни по рожденію, ни по характеру и вовсе неспособенъ къ занимаемому имъ посту. Онъ здѣсь женился, и хотя жена его сильно отличала людей еще ниже по происхожденію, чѣмъ онъ самъ, тѣмъ не менѣе эти личности по прежнему принадлежатъ къ его дому, а она продолжаетъ управлять его домомъ. Польскій резидентъ Деболи, не имѣя другаго дѣла, кромѣ наблюденія за многочисленными процессами, которые ведутся здѣсь его соотечественниками, выбранъ изъ класса людей совершенно способныхъ къ этой дѣятельности: онъ не отличается да и не заявляетъ претензій ни на какое другое достоинство, кромѣ того, что прекрасно говоритъ по-

[14]) Повѣренный въ дѣлахъ, кавалеръ Корберонъ.

русски и въ совершенствѣ знакомъ со всѣми ходами въ Сенатѣ. Симолинъ, который скоро будетъ въ Англіи, хорошо расположенъ въ политическомъ отношеніи. Такъ какъ онъ считаетъ, что онъ обиженъ графомъ Панинымъ, то поэтому теперь держится князя Потемкина, не смотря на то, что первоначально онъ былъ секретаремъ въ иностранномъ министерствѣ и первое свое повышеніе получилъ черезъ графа Панина. Онъ одержимъ въ значительной долѣ тщеславіемъ, и на него произведетъ сильное вліяніе всякое доказательство отличія или кажущагося довѣрія, которое только ему удастся получить отъ васъ, милордъ.

16.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 11 Октября 1779.

Вчера утромъ Корсаковъ получилъ свою отставку лично отъ самой императрицы, и нѣсколько часовъ спустя генералу Бецкому было поручено передать ему, что императрица намѣрена великолѣпно наградить его съ тѣмъ, однако, чтобы онъ исполнилъ ея желаніе, женившись или отправившись путешествовать. Имя его преемника Ланской, родомъ изъ Смоленской губерніи. Онъ служилъ въ кавалергардахъ и со времени пребыванія въ Петергофѣ постоянно обращалъ на себя особенное вниманіе ея императорскаго величества. Но Потемкинъ, имѣя въ виду другую личность, до сихъ поръ противился его назначенію и теперь согласился на него только вслѣдствіе полученнаго имъ въ день рожденія подарка, состоящаго изъ 900000 рублей, землею и деньгами. Ланской молодъ, красивъ и, какъ говорятъ, чрезвычайно уживчивъ. У него многочисленная родня, какъ братьевъ, такъ и кузеновъ, изъ которыхъ большая часть скоро сюда появятся. Эта мѣра еще усилила власть Потемкина, которую ничто не можетъ уничтожить, если только несправедливъ слухъ на счетъ того, что онъ женится на своей любимой племянницѣ, чему, впрочемъ, мнѣ трудно вѣрить. Волненіе, всегда причиняемое такимъ обстоятельствомъ въ умѣ императрицы, за эти послѣдніе два или три дня значительно подѣйствовало на ея здоровье; но сегодня я слышу, что она совершенно поправилась.

17.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 18-го Октября 1779.

Единственное средство, оставшееся противъ насъ у нашихъ недоброжелателей, кажется, состоитъ въ увѣреніяхъ, будто бы мы прерываемъ нейтральную торговлю. Поэтому я предупредилъ ихъ удары, и если намъ удастся удержаться еще нѣсколько недѣль, зима заставитъ ихъ хранить молчаніе по этому предмету. Я знаю, что новыя жалобы приготовляются въ Ригѣ, и генералъ Броунъ, губернаторъ Лифляндіи, былъ принужденъ ихъ поддерживать. Графъ Панинъ одобряетъ поведеніе Датскаго Двора, и еслибы онъ могъ на то осмѣлиться, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе государыни, онъ бы склонилъ ихъ написать еще болѣе сильную бумагу, чѣмъ та, которая была передана мистеру Эдену 2-го октября. Многократныя нарушенія нейтралитета, испытанныя нами со времени начала настоящей войны отъ различныхъ державъ и поведеніе Французскаго адмиралтейства никогда не приходятъ ему на память, и онъ или не понимаетъ, или не хочетъ понять, что требованія на произведенія этой имперіи должны возвыситься сообразно съ ихъ потребленіемъ и что своими усиліями лишить насъ права, неоспоримо-принадлежащаго всякому народу во время войны, онъ наноситъ существенный вредъ торговлѣ своей страны. Однако, я льщу себя надеждой, что болѣе благопріятныя чувства и болѣе здравое разсужденіе окончательно появятся въ направленіи дѣйствій этого Двора.

18.

ПИСЬМО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕОРГА III ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II. [15])

Сентъ-Джемсъ, 5-го Ноября 1779.

Я всегда желалъ поддерживать дружбу съ вашимъ императорскимъ величествомъ, болѣе и болѣе укрѣпляя узы союза, основаннаго на общихъ интересахъ и взаимномъ уваженіи. Таковы были мои чувства и дѣйствія въ продолженіи всего моего царствованія, и я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ, что и ваше величество на нихъ отзывались. Новыя увѣренія, данныя вами мнѣ въ этомъ случаѣ, и живое участіе, принимаемое вами во всемъ касающемся Великобританіи, заслуживаютъ съ моей стороны полной благодарности, и я испытываю самое искреннее удовольствіе, выражая его вамъ. При этомъ случаѣ, какъ и при столь многихъ другихъ, я удивлялся величію вашихъ талантовъ, благородству вашихъ чувствъ и обширности вашихъ познаній. Настоящее положеніе южной части Европы представляетъ новый случай, при которомъ эти высокія качества, найдя себѣ обширное поприще, довершатъ славу вашего царствованія. Намѣренія моихъ враговъ, даже если бы они старались сохранить ихъ втайнѣ, не укрылись бы отъ проницательности, подобной вашей; между тѣмъ, они не только не скрываютъ ихъ, но стараются выставлять ихъ на показъ, хвастаясь своими планами и надеждами. Надежды эти, дѣйствительно направленныя къ поднятію общей борьбы во всей Европѣ, могли бы оправдаться, если-бы въ минуту подобнаго кризиса ваше императорское величество остались равнодушною зрительницею. Не только самое употребленіе, но даже одинъ только смотръ, сдѣланный части морской силы, можетъ возвратить и упрочить спокойствіе всей Европы, уничтоживъ союзъ, составленный противъ меня и поддержавъ ту систему равновѣсія, о нарушеніи которой хлопочетъ этотъ союзъ. Я желаю и всегда буду желать мира, однако лишь на условіяхъ, согласныхъ съ поддержаніемъ моихъ правъ, съ достоинствомъ моего престола и съ интересами какъ моего народа, такъ и неразлучныхъ съ нимъ моихъ друзей и союзниковъ.

Остаюсь вашего императорскаго величества любящій братъ

Георгъ.

[15]) Это письмо было написано по внушенію Джемса Гарриса, переданному лордомъ Уеймоутомъ, съ цѣлью благопріятно расположить императрицу къ договору о союзѣ и увѣрить ее въ искренности желанія на этотъ счетъ Англійскаго Двора.

19.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 23-го Октября 1779.

Я имѣю свѣдѣнія, не подлежащія сомнѣнію, насчетъ того, что Французу, о которомъ я уже упоминалъ, предписано не жалѣть денегъ, лишь бы получать извѣстія, или пріобрѣтать друзей для своего Двора. Онъ пользуется великимъ кредитомъ въ домѣ Реймберта; и хотя онъ не только до сихъ поръ не появился, но, можетъ быть, и никогда не появится въ высшемъ обществѣ, однако онъ уже нашелъ доступъ въ нѣсколько клубовъ и во многіе частные дома столицы. Онъ былъ на столько дерзокъ, что хвастался, будто бы онъ имѣетъ средства подкупить князя Потемкина и съ высокомѣріемъ, свойственнымъ его націи, разсуждалъ ни болѣе ни менѣе какъ о союзѣ между обоими Дворами—Франціи и Россіи. Хотя исполненіе подобной мѣры невозможно, пока дѣло находится въ такихъ рукахъ, тѣмъ не менѣе я имѣю основаніе предполагать, что Французскій министръ не считаетъ его до такой степени неудобоисполнимымъ. Достовѣрно, что этотъ вопросъ давно уже былъ поднятъ въ Потсдамѣ и, можетъ быть, онъ былъ еще полнѣе разъясненъ этимъ самымъ человѣкомъ, при проѣздѣ его черезъ этотъ городъ. Мысль о составленіи тройственнаго союза между Дворами Петербургскимъ, Берлинскимъ и Константинопольскимъ, вѣроятно,

предполагалась единственно какъ шагъ къ исполненію этого намѣренія, и если-бы она не была допущена здѣсь, Франція, вѣроятно, съумѣла бы рано или поздно втереться въ союзъ. Всякій день даетъ мнѣ новыхъ враговъ и новыя затрудненія; однако, пока я удерживаю за собой значеніе при Дворѣ, надѣюсь, что попытки ихъ окажутся безуспѣшными.

20.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 29-го Октября 1779.

Слѣдующіе факты кажутся мнѣ достаточно интересными, чтобы заслужить мѣсто въ моей перепискѣ съ вами. Они были сообщены мнѣ княземъ Потемкинымъ, получившимъ эти свѣдѣнія изъ оффиціальнаго донесенія отъ коменданта Камчатки.

Комендантъ сообщаетъ, что Русскіе, отправляющіеся ежегодно на Алеутскіе острова, гдѣ они охотятся за чернобурыми лисицами, узнали отъ обитателей этихъ острововъ, что около осени 1778 года, или, употребляя ихъ собственныя выраженія, „прежде чѣмъ облетѣли листья и пока трава еще была зелена“, на берегахъ ихъ показались два корабля, одинъ трехмачтовый, а другой двухмачтовый. Люди, пріѣхавшіе на этихъ судахъ, высадились на берегъ; они были одѣты также какъ Русскіе, но говорили на непонятномъ для нихъ языкѣ; они обращались съ туземцами чрезвычайно вѣжливо, а потому и имѣли отъ нихъ самый радушный пріемъ. Они подарили островитянамъ табаку и перочинныхъ ножей, за что̀ островитяне предлагали имъ различные предметы; но они приняли только мясо молодаго кита. Пробывъ на берегу недолгое время, они отправились къ Сѣверу, и нѣсколько времени спустя ихъ видѣли Чукчи на Чукотскомъ Носу или мысу, на сѣверовосточной оконечности Азіи. Далѣе на Сѣверъ они не подвигались, но вернулись тѣмъ же путемъ и, побывавъ на Алеутскихъ островахъ, поплыли къ Югу.

Когда я получилъ эти свѣдѣнія, мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что это могъ быть капитанъ Кукъ [16]).

21.

ПИСЬМО ГАРРИСА РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 27 Декабря 1779.

Я думаю, что здѣшній Дворъ все таки менѣе расположенъ къ Пруссіи, чѣмъ прежде: недавно изъ Потсдама было сдѣлано сюда нѣсколько совершенно неслыханныхъ предложеній, и хотя ихъ поддерживалъ графъ Панинъ, тѣмъ не менѣе императрицею они были отвергнуты; кромѣ того, странное поведеніе, котораго его Прусское величество держался за послѣднее время по отношенію къ своему канцлеру и къ нѣкоторымъ судьямъ, отчасти уронили его въ ея мнѣніи. Графъ Герцъ тоже испыталъ неудачу, получивъ пріемъ совсѣмъ другаго рода, чѣмъ тотъ, на который онъ разсчитывалъ. Мы стоимъ высоко въ предпочтеніи ея величества; но она считаетъ рискованнымъ высказаться въ нашу пользу, будучи одна. Бурбоны никогда не получатъ здѣсь прямаго успѣха, но могутъ добиться отрицательныхъ выгодъ черезъ вліяніе короля Прусскаго. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ здѣсь все идетъ по старому: новые любимцы и большая расточительность на время и на деньги. Позвольте мнѣ спросить васъ, справедливы ли дошедшіе до насъ слухи на счетъ того, будто бы вашъ Дворъ смотритъ весьма холодно на дворъ Версальскій, будто бы онъ склоняется къ нашему Двору, и даже между ними за послѣднее время было нѣсколько конфиденціальныхъ сношеній? Я предлагаю вамъ эти вопросы не изъ пустаго любопытства, но потому, что предвижу возможность, въ случаѣ искренней готовности со стороны Австрійскаго министра, рано или поздно порвать узы

---

[16]) Капитанъ Кукъ выѣхалъ изъ Англіи 12-го Іюля 1776; онъ былъ на берегахъ Камчатки осенью 1778 г. и былъ убитъ 14-го Февраля 1779 г. на Овигейскихъ островахъ.

между здѣшнимъ и Берлинскимъ дворами и затѣмъ составить тройственный союзъ съ обѣими императрицами, что̀ послужило бы къ величайшей выгодѣ каждой изъ державъ. Это еще весьма отдаленный планъ, и я сообщаю его подъ глубочайшимъ секретомъ. Если же бы онъ принялъ болѣе правдоподобный видъ, я сказалъ бы многое и, вслѣдствіе особенныхъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ мною отъ моего пребыванія здѣсь, я бы могъ указать на средства самыя вѣрныя для достиженія цѣли. Много будетъ зависѣть отъ характера, способностей и политическихъ мнѣній Кобенцеля, и я желалъ бы, чтобы вы были такъ добры подробно увѣдомить меня на этотъ счетъ. Король Прусскій сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы возстановить здѣсь умы противъ него; однако это ему не удалось. Могу положительно увѣрить, что ему будетъ оказанъ прекраснѣйшій пріемъ.

Мнѣ, конечно, не нужно упоминать вамъ, до какой степени необходима строжайшая тайна на счетъ этой политической спекуляціи, составляющей плодъ моего собственнаго воображенія, и пока еще не сообщенной ни одной живой душѣ.

22.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГРАФУ ПАНИНУ.

Петербургъ, 31 Декабря 1779.

Такъ какъ здоровье мое не позволяетъ мнѣ явиться къ вашему превосходительству, то берусь за перо, чтобы имѣть честь передать вамъ, что съ послѣдней почтой милордъ Стормонтъ сообщилъ мнѣ только что врученное ему Симолинымъ представленіе насчетъ неудобствъ, претерпѣваемыхъ Русской торговлей съ самаго начала настоящей войны отъ дѣйствій нашихъ крейсеровъ. Въ этой бумагѣ министръ ея императорскаго величества при Лондонскомъ Дворѣ, требуетъ отъ имени своей государыни, чтобы владѣльцамъ задержанныхъ судовъ было оказано удовлетвореніе и чтобы былъ отданъ приказъ, какъ королевскому флоту, такъ и крейсерамъ Британскаго народа, вслѣдствіе котораго Русскіе подданные могли бы впередъ производить торговлю, согласно правиламъ и буквѣ обязательствъ, существующихъ между обѣими державами. Милордъ Стормонтъ не замедлитъ дать отвѣтъ господину Симолину; а покамѣстъ я весьма счастливъ при семъ удобномъ случаѣ увѣрить ваше превосходительство, что король, мой повелитель, намѣренъ исполнить въ величайшей точности обязательства, выраженныя въ трактатѣ 1765 г., и что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ дать усиленныя доказательства своего расположенія болѣе и болѣе упрочивать доброе согласіе, существующее между обоими Дворами. Такъ какъ его величество нимало не сомнѣвается, что ея императорское величество никогда не позволитъ своимъ подданнымъ производить въ военное время торговлю, которая могла бы ему повредить, способствуя усиленію его враговъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ: то императрица можетъ быть увѣрена, что плаваніе ея подданныхъ не будетъ ни прервано, ни остановлено кораблями Великобританіи.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ *).

Былъ у меня пріятель докторъ, иностранецъ, водворившійся въ Россіи и если не обрусѣвшій (отъ инокровнаго и иновѣрнаго никогда ожидать не можно и не должно совершеннаго обрусѣнія), то, покрайней мѣрѣ, вполнѣ *омосквичившійся*. Онъ былъ врачемъ и пріятелемъ всего нашего Московскаго кружка, до 1812 года и долго послѣ того. Онъ былъ врачъ не изъ ученыхъ, хотя и питомецъ Итальянскихъ медицинскихъ факультетовъ, когда-то очень знаменитыхъ; но

*) См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 1337.

онъ былъ изъ тѣхъ врачей, которые не рѣдко исцѣляютъ трудно-больныхъ. Глазъ его былъ вѣренъ, сметливъ и опытенъ. Если не было въ немъ много глубокихъ теоретическихъ и книжныхъ познаній, но за то не было и тѣни шарлатанства и бѣганья, во чтобы то ни стало и часто ни на животъ, а на смерть, за всѣми хитросплетенными новыми системами. Онъ не пренебрегалъ ими, знакомился съ ними, но не подчинялся имъ слѣпо и суевѣрно; онъ надъ больнымъ не развертывалъ ихъ знамени, чтобы доказать, что и онъ докторъ передовой, докторъ-либералъ, отрекшійся отъ стараго ученія и преданій стараго авторитета. Къ тому-же (что̀ еще кромѣ науки нужно врачу) онъ имѣлъ душу, сердоболіе, неутомимое вниманіе за ходомъ и разносторонними видоизмѣненіями болѣзни, веселые пріемы и совершенно свѣтское обращеніе. Могу говорить о немъ съ достовѣрностію и досконально, потому что два раза, въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ болѣзняхъ, былъ я въ рукахъ его, и оба раза я, какъ говаривалъ К. (по словамъ Сонцова) *оттолкнулъ мрачную дверь гроба и остался, какъ вы видите, на землѣ, чтобы прославлять имя моего земнаго спасителя.* Онъ былъ не лишній и у постели больнаго, и за пріятельскимъ обѣденнымъ столомъ. Во всякомъ случаѣ, мы выпили съ нимъ болѣе вина, нежели микстуръ, имъ прописанныхъ. Одинъ изъ его больныхъ, страдавшій болѣе внѣшнею болью, чѣмъ внутреннею, настойчиво требовалъ, чтобы онъ прописалъ ему какое нибудь лекарство. Врачъ отказывался, говоря, что ненужно, и что боль скоро сама собою пройдетъ. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій, сѣлъ онъ за письменный столъ и началъ писать рецептъ. Тутъ больной испугался и сталъ просить, чтобы онъ далъ ему лекарство, не слишкомъ крѣпкое. „Будьте покойны, отвѣчалъ онъ: пропишу такое лекарство, которое ничего вамъ не сдѣлаетъ“.

Однажды жаловался онъ мнѣ на свои домашнія невзгоды съ женою. „Сами виноваты вы, сказалъ я ему. Доктору никогда не должно вступать въ бракъ: каждый день и цѣлый день не сидитъ онъ дома, а рыскаетъ по городу; случается и ночью: жена остается одна, скучаетъ, а скука совѣтница коварная“.—„Нѣтъ, совсѣмъ не то, что̀ вы думаете, перебилъ онъ рѣчь мою“. „Во всякомъ случаѣ, повторяю: что за охота была вамъ жениться?“—„Какая охота? сказалъ онъ. Тутъ охоты никакой не было; а вотъ какъ оно случилось. Дѣвица N., помѣщица С-кой губерніи, пріѣхала въ Москву лечиться отъ грудной болѣзни. Я былъ призванъ, мнѣ удалось помочь ей и поставить ее на ноги. Изъ благодарности влюбилась она въ меня: начала преслѣдовать неотвязною любовью своею, такъ что я не зналъ, куда дѣваться отъ нея и какъ отдѣлаться. Наконецъ расчелъ я, что лучшее и единственное средство освободиться отъ ея гонки за мною есть женидьба на ней. По моимъ докторскимъ соображеніямъ и расчетамъ, я пришелъ къ заключенію, что, хотя, повидимому, здоровье ея нѣсколько поправилось, но болѣе года прожить ей нельзя. Я подумалъ: такъ и быть, годъ коекакъ вытерплю; вотъ я и рѣшился на самопожертвованіе и женился. А на мѣсто того, она изволитъ здравствовать уже пятнадцатый годъ и мучитъ меня своимъ непріятнымъ и вздорнымъ характеромъ. Поди, полагайся, послѣ на всѣ патологическія и діагностическія указанія науки нашей! Вотъ и останешься въ дуракахъ“. Докторъ и докторша давно почіютъ въ мирѣ.

*

Одинъ перчаточникъ развѣсилъ передъ лавкою своею огромную красную ручищу. Онъ просилъ у городскаго начальства позволенія выписать на вывѣскѣ извѣстный стихъ, изъ трагедіи Димитрій Донской:

Рука Всевышняго Отечество спасла.

Неизвѣстно, разрѣшена ли была просьба его.

*

Праздничная поэзія имѣетъ также свою прозаическую и будничную изнанку. Когда знаменитая трагическая актриса Жоржъ (похищенная у Парижскаго театра и привезенная въ Россію молодымъ тогда гвардейскимъ офицеромъ, Бенкендорфомъ) пріѣхала въ Москву, я, тоже тогда молодой и впечатлительный, совершенно былъ очарованъ величествомъ красоты ея, и не менѣе величественною игрою художницы въ роляхъ Семирамиды и Федры. Я до того времени никогда еще не видѣлъ олицетворенія искусства въ подобномъ блескѣ и подобной величавости. Греческій, ваяльный, царственный обликъ ея и станъ поразили меня и волновали. Воспользовавшись объявленіемъ бенефиса ея, отправился я къ ней за билетомъ. Мнѣ, разумѣется, хотѣлось полюбоваться ею вблизи и познакомиться съ нею. Она жила на Тверской у Француженки мадамъ Шеню, которая содержала и отдавала комнаты въ наймы съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ не имѣлось *ни отелей, ни ресторановъ*. Взобравшись на лѣстницу и прикоснувшись къ замку дверей, за которыми таился мой кумиръ, я чувствовалъ, какъ сердце мое прытче застукало, и кровь сильнѣе закипѣла. Вхожу въ святилище и вижу предъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленомъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ держитъ она не классическій, Мельпоменовскій кинжалъ, а просто большой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. Это была моя Федра и моя Семирамида. Нисколько не смущаясь моимъ посѣщеніемъ врасплохъ и удивленіемъ, которое должно было выражать мое лице, сказала она мнѣ: „Вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжихъ. Я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей“. Тутъ, понимается, было мнѣ уже не до поэзіи, кухонный ножъ выскоблилъ ее съ сердца до чистѣйшей прозы.

Въ издаваемомъ имъ въ то время „Вѣстникѣ Европы“ Жуковскій печаталъ мастерскіе и превосходные отчеты о представленіяхъ *Дѣвицы Жоржъ*, какъ онъ называлъ ее. Въ этихъ бѣглыхъ статьяхъ, является онъ тонкимъ и проницательнымъ критикомъ, какъ литературнымъ, такъ и сценическимъ; нѣтъ въ нихъ ни сухости, ни пошлой журнальной болтовни, ни учительскаго важничанія. Это просто живая передача живыхъ и глубокихъ впечатлѣній, провѣренныхъ образованнымъ и опытнымъ вкусомъ. Перечитывая ихъ и читая новѣйшія оцѣнки театральнаго искусства и движенія, нельзя не сознаться, что журналы и газеты наши, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, ушли далеко, но только не впередъ.

Лѣтъ тридцать спустя, въ Парижѣ, захотѣлось мнѣ подвергнуть испытанію мои прежнія юношескія ощущенія и сочувствія. Дѣвица Жоржъ уже не царствовала на первой Французской сценѣ, сценѣ Корнеля, Расина и Вольтера: она спустилась на другую сцену мѣщанско-мелодраматическую. Я отправился къ ней. Увидя ее, я внутренно ахнулъ и почти пожалѣлъ о зеленомъ, измятомъ капотѣ и кухонномъ ножѣ: во всякомъ случаѣ, тогда была, по крайней мѣрѣ, обоюдная молодость. Теперь предстала предо мною какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная бѣлилами и румянами, пестро и будто заново подмалеванная древняя развалина, обезображенный памятникъ, изуродованный временемъ обломокъ зданія, нѣкогда красиваго и величественнаго. Грустно мнѣ стало за нее, и вѣроятно за себя. Она увѣряла, что очень хорошо помнитъ и Москву, и меня. Спасибо за добрую память! Но отъ того было не легче. Вотъ новый ударъ по головѣ поэзіи моей.

Die schönen Tagen von Aranjuez
Sind nun vorbei.

Въ виду одна печальная прозаическая изнанка. Можно ли было, глядя на эту безобразную массу, угадать въ ней ту,

которая какъ будто еще не такъ давно, двойнымъ могуществомъ искусства и красоты, оковывала благоговѣйное вниманіе многихъ тысячъ зрителей, поражала ихъ, волновала, приводила въ умиленіе, трепетъ, ужасъ и восторгъ? Какъ! (говорилъ я, печально отъ нея возвращаясь) эта баба-яга именно та самая, которая въ сіяніи самовластительной красоты передавала намъ такъ вѣрно и такъ впечатлительно великолѣпные стихи Расина, еще и нынѣ звучащіе въ памяти:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je au travers d'une noble poussière
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Она произносила эти стихи, какъ будто взабытьи, протяжно, словно невольно и безсознательно. При первыхъ двухъ стихахъ она сидѣла на креслахъ; при третьемъ она немного привставала и наклонялась съ движеніемъ рукъ, чтобы выразить, что она *слѣдитъ за колесницею*.

Помню, что при всемъ восторгѣ и юношеской неопытности моей, мнѣ не нравилась эта матеріальная подражательность, эта художественная жеманность.

*

Вотъ кстати, или некстати, маленькая историческая сплетня. Во время-оно говорили, что при одномъ изъ первыхъ свиданій двухъ императоровъ, Александра I и Наполеона I, была у нихъ, между прочимъ, рѣчь и о *дѣвицѣ Жоржъ*.

*

По поводу этихъ историческихъ и императорскихъ свиданій, припоминаю довольно забавную и замѣчательную черту нашего простаго народа. Дѣло идетъ о первомъ свиданіи и первой встрѣчѣ Александра съ Наполеономъ на плоту на рѣкѣ Нѣманѣ, въ 1807 году. Въ это время ходила въ народѣ слѣдующая легенда. Несчастныя наши войны съ Наполеономъ грустно отозвались во всемъ государствѣ, живо еще помнившемъ побѣды Суворова при Екатеринѣ и при Павлѣ. Отъ этого уныніе до суевѣрія простонароднаго, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила, недалеко, и Наполеонъ прослылъ Антихристомъ. Церковныя увѣщанія и проповѣди распространяли и укрѣпляли эту молву. Когда узнали въ Россіи о свиданіи императоровъ, зашла о томъ рѣчь у двухъ мужичковъ. Какъ же это (говоритъ одинъ) нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристемъ. Вѣдь это страшный грѣхъ!—Да, какъ же ты, братецъ (отвѣчаетъ другой) не разумѣешь и не смекаешь дѣла? Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя, царскія очи.

Въ теченіи войны 1806 г. и учрежденія народной милиціи, имя Бонапарта (немногіе называли его тогда Наполеономъ), сдѣлалось очень извѣстнымъ и *популярнымъ* во всѣхъ углахъ Россіи. Народъ какъ будто предчувствовалъ, угадывалъ въ немъ Бонапартія 12-го года. (Одна старая барыня временъ Екатерины, привыкшая къ могуществу и славѣ ея, иначе не называла его какъ *Бонапартиха*, судя по аналогіи, что онъ непремѣнно не императоръ, а императрица). По поводу милиціи всюду были назначены областные начальники, отправлены генералы, сенаторы для обмундированія и наблюденія за порядкомъ, вооруженіемъ ратниковъ, и такъ далѣе. Воинская дѣятельность охватила всю Россію. Эта дѣятельность была нѣсколько платоническая; она мало дала знать себя врагу на дѣлѣ, но могла бы надоумить его, что въ народѣ есть глубокое чувство ненависти къ нему, и что разгорится она во всей ярости своей, когда вызоветъ онъ ее на родной почвѣ и

на рукопашный бой. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, состоявшій по милиціонной службѣ при князѣ Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, разсказывалъ слѣдующее. На почтовой станціи одной изъ отдаленныхъ губерній замѣтилъ онъ въ комнатѣ смотрителя портретъ Наполеона, приклеенный къ стѣнѣ. За чѣмъ держишь ты у себя этого мерзавца?—А вотъ за тѣмъ, ваше превосходительство (отвѣчаетъ онъ), что если не равно, Бонапартій, подъ чужимъ именемъ, или съ фальшивою подорожною, пріѣдетъ на мою станцію, я тотъ часъ по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству.

—А это дѣло другое! сказалъ Пушкинъ.

Вотъ еще милиціонное воспоминаніе и милиціонная легенда. Въ началѣ столѣтія были извѣстны въ Москвѣ два брата С. Они въ своемъ родѣ и въ нѣкоторыхъ кружкахъ пользовались даже знаменитостью. Оба были видные и красивые мущины. Въ нихъ выражался нѣкоторый разгулъ, нѣкоторое молодечество, довольно обыкновенные въ царствованіе Екатерины, обузданные и прижатые при императорѣ Павлѣ и снова очнувшіеся, на нѣкоторое время, съ воцареніемъ Александра. Собственно не принадлежали они аристократическому кругу; но, если вѣрить соблазнительнымъ хроникамъ, красивая наружность и отвага растворяли передъ ними, мелкотравчатыми дворянами—особенно предъ однимъ изъ нихъ—потаенныя двери въ нѣкоторые аристократическіе будуары. Одинъ изъ нихъ кропалъ стихи. Была извѣстная пѣсня его съ припѣвомъ:

Тьфу, какъ счастливъ тотъ, кто скотъ!

Но вотъ замѣчательнѣйшая черта изъ ихъ біографіи. Въ 1806 году находились они ополченцами въ одномъ отдаленномъ губернскомъ городѣ. Въ самое то время, передъ 12-мъ Декабря, днемъ рожденія императора Александра, губернаторъ входитъ съ представленіемъ къ высшему начальству, испрашивая дозволенія пить на предстоявшемъ офиціальномъ обѣдѣ, за здравіе государя императора, малагою, а не шампанскимъ, потому что все шампанское, имѣвшееся въ губернскомъ городѣ и въ уѣздахъ, выпито братьями С.

Тутъ есть что-то гомерическое, напоминающее богатырскія пиршества, воспѣтыя Греческимъ пѣснопѣвцемъ.

*

Про одну изъ барынь прошлаго вѣка, ѣхавшую за границу, вскорѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, графъ Растопчинъ говорилъ: „Напрасно, выбрала она это время: Европа еще такъ истощена“.

*

Съ N. N. была непріятность или бѣда, которая огорчала его. Пріятель, желая успокоить его, говорилъ ему: Напрасно тревожишься, это просто случай.—Нѣтъ, отвѣчалъ N. N.: въ жизни хорошее случается, а худое сбывается.

*

Однажды, при чтеніи въ частномъ обществѣ нѣсколькихъ главъ неизданнаго романа, одинъ изъ слушателей Т. заснулъ. Il est le seul, сказала дѣвица В., qui ait eu le courage de son opinion (онъ одинъ имѣлъ смѣлость заявить мнѣніе свое).

При другомъ случаѣ N. N. сказалъ: Il est bon d'avoir le courage de son opinion, mais il est inutile d'avoir le courage de sa sottise? А это бываетъ чаще. Смѣлость, откровенность убѣжденія, то есть безстрашіе, съ которымъ высказываешь и поддерживаешь убѣжденіе свое противъ вѣтра и прилива, какъ говорятъ Французы, конечно дѣло честное и мужественное: это своего рода Ѳермопильская битва. Но жаль, что нерѣдко, самыя безобразныя и нелѣпыя мнѣнія провозглашаются и защищаются съ наибольшимъ ожесточеніемъ. Глупость, именно потому, что она глупость, и придаетъ человѣку свою врожденную смѣлость. Умъ можетъ, при случаѣ, задуматься, замяться, совершить даже образцовое и достохвальное отступленіе, какъ совершали его иные великіе пол-

ководцы; глупость, очертя голову, никогда не отступаетъ, а все лезетъ впередъ и на проломъ.

*

Говорили, что Платовъ вывезъ изъ Лондона, куда ѣздилъ онъ въ 1814 году въ свитѣ Александра, молодую Англичанку въ качествѣ компаньонки. Кто-то—помнится, Денисъ Давыдовъ—выразилъ ему удивленіе, что, не зная поанглійски, сдѣлалъ онъ подобный выборъ. Я скажу тебѣ, братецъ, отвѣчалъ онъ: это совсѣмъ не для *хфизики*, а больше для *морали*. Она добрѣйшая душа и дѣвка благонравная; а къ тому-же такая бѣлая и дородная, что ни дать ни взять *Ярославская* баба.

*

Изъ дорожнаго дневника въ окрестностяхъ Карлсбада. По берегамъ рѣчки нѣсколько мельницъ. На мельницахъ промышленность дружится съ поэзіей. Это не то, что̀ фабрика или мастерская: тамъ духота физическая и нравственная, подобіе тюрьмы, родъ вольной, а на дѣлѣ невольной каторги. Мельницы обыкновенно строятся въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ. Движеніе, шумъ мельницы одушевляютъ картину. Мельникъ вообще какая-то особенная личность. Народная молва приписываетъ ему то лукавство, то колдовство съ примѣсью поэзіи. Аблесимовъ не даромъ выбралъ его въ герои оперы своей. Вѣтреныя мельницы могутъ быть очень полезны, но нѣтъ въ нихъ привлекательности мельницы водяной. Безобразны эти *огромныя руки* *), которыя махаютъ въ воздухѣ и вертятся. Да и нѣтъ главной прелести, души мельницы: нѣтъ воды, этой вѣчно живой, вѣчно движущейся, вѣчно говорливой, поющей стихіи.

Сегодня здѣшній праздникъ Петра и Павла. Ѣздили въ Эльбогенъ. По дорогѣ встрѣчали богомольцевъ. Передъ селеніями кукольныя изображенія святыхъ имянинниковъ въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, съ распущенными хоругвями и проч. Православнымъ глазамъ какъ-то странны и даже дики эти грубыя изваянія. Но вѣдь привыкли же мы къ грубой живописи нашихъ богомазовъ. Эти высокіе кресты, изображенія Дѣвы Пресвятой, которыя встрѣчаешь по дорогамъ, имѣютъ что-то народное и легендарное. Они напоминаютъ какое нибудь событіе, совершившееся на этомъ мѣстѣ. Рѣдкія наши часовни, которыя находимъ также на большихъ дорогахъ, имѣютъ свою религіозную и поэтическую прелесть. Помню, что, въ странствованіяхъ моихъ по неизмѣримымъ пространствамъ нашей матушки-Россіи, я всегда радовался подобной находкѣ и съ умиленіемъ останавливался предъ нею. Все же это было выраженіе мысли и чувства, живое преданіе чего-то, сочувственное, хотя и темное общеніе съ кѣмъ-то. Кто нибудь да построилъ же эту часовню, въ память былой радости или былой скорби. Молча совершаешь крестное знаменіе, поклоняешься этому безъименному памятнику и ѣдешь далѣе дорогою своею. Но минута взяла свое: она впечатлѣлась въ тебя, и ты откликнулся на голосъ далекаго, незнакомаго и чуждаго тебѣ брата. Помню двѣ или три такихъ часовни, построенныя при источникахъ. Это переноситъ въ знойныя пустыни мусульманскаго Востока. Тамъ также сооружены фонтаны, можно сказать, священные; на камнѣ вырѣзано изрѣченіе изъ Алькорана; подъ нимъ струится прохладная вода, Божія роса въ этой раскаленной степи.

Мѣстоположеніе Эльбогена очень красиво. Живописны его цѣпной мостъ и древній рыцарскій замокъ. О времена, о нравы! О насмѣшка судьбы! Замокъ служитъ теперь острогомъ для заключенныхъ преступниковъ. Впрочемъ, если хорошенько вникнуть въ дѣло, то выдетъ разница небольшая: вѣроятно многіе благородные, рыцарскіе обитатели этого замка были въ свое время и въ своемъ родѣ такіе же разбойники, какъ и нынѣшніе жильцы его.

*

*) Слышенъ Арзамасецъ. *П. Б.*

N N. говоритъ о Х., писателѣ расплывчивомъ: „онъ чернилами не пишетъ, а его чернилами слабитъ“.

*

Первая жена гр. Л. была женщина немолодая, некрасивая, ужасно худощавая, плоская, досчатая. Однажды, читая какую-то реляцію, спрашиваетъ она, что̀ значитъ Французское слово gorge на военномъ языкѣ. „Это значитъ входъ въ укрѣпленіе, отвѣчаетъ онъ. Говорятъ: attaquer une demi-lune par la gorge. Voyez-vous, ma chère, si, par exemple, vous étiez une forteresse, vous seriez imprenable“ *). Кажется и у насъ, по части фортификаціи, употребляется слово *горжа*, какъ входъ въ бастіонъ. Другое значеніе Французскаго слова gorge, которое къ графинѣ было непримѣнимо, покорнѣйше просимъ отыскать въ словарѣ.

Графъ Л. застаетъ эту-же сожительницу свою въ *преступномъ разговорѣ* (также и здѣсь отсылаемъ читателя или читательницу къ Англійскому словарю) съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ. „Поздравляю̀ васъ, любезнѣйшій, говоритъ онъ ему. Я хотѣлъ представи́ть васъ къ Аннѣ́ на шею̀, а теперь представлю̀ васъ къ шпагѣ́ за храбрость“.

Мужъ и жена были очень скупы; они жили въ домѣ на двухъ половинахъ. Вечеромъ, общая пріемная комната ихъ никогда не была освѣщена. Когда докладывали имъ о пріѣздѣ кого нибудь, онъ или она, смотря по пріѣзжему, т. е. его ли это гость или ея, выходилъ или выходила изъ внутренней комнаты со свѣчею въ рукѣ. Когда же гость могъ быть *обоюдный*, то мужъ и жена, являясь въ противоположныхъ дверяхъ и завидя другъ друга, спѣшили задуть свѣчу свою, такъ что гость оставался въ совершенныхъ потьмахъ.

*

*) Атаковать полумѣсяцъ горжею. Вотъ видите, моя милая: если бы вы, напримѣръ, были крѣпостью, васъ нельзя было бы взять.

Другой гр. Л... былъ также извѣстенъ скопидомствомъ своимъ и большимъ богатствомъ. Передъ кончиною своею послалъ онъ за патеромъ, чтобы пріобщиться святыхъ таинствъ. У Римскихъ католиковъ сей обрядъ совершается съ нѣкоторою торжественностію. Графъ приказалъ засвѣтить всѣ люстры, канделябры и подсвѣчники въ комнатахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить священникъ съ священными дарами. Тотчасъ, по исполненіи обряда и уходѣ патера, приказалъ онъ немедленно погасить всѣ свѣчи, по этому случаю зажженныя. Таково было послѣднее его хозяйственное распоряженіе, и едва ли не таковы были послѣднія предсмертныя слова.

*

Веронъ, Французскій писатель и содержатель Парижской оперы, разсказываетъ въ Запискахъ своихъ, что онъ посѣтилъ кн. Тюфякина въ день смерти его. Князь очень страдалъ и страданіями былъ ослабленъ. Завидя Верона, онъ съ трудомъ выговорилъ: „А Плонкетъ (извѣстная танцовщица) танцуетъ ли сегодня?“

Вотъ, можно сказать, автонагробное слово, которое произнесъ надъ собою нашъ соотечественникъ, впрочемъ человѣкъ любезный, бывшій нѣкогда директоромъ императорскихъ театровъ въ Россіи. Онъ провелъ послѣдніе годы жизни своей въ Парижѣ. Когда Русскимъ приказано было выѣхать изъ Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовалъ у императ. Николая позволеніе ему оставаться въ немъ, по причинѣ болѣзни. Впрочемъ онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, здоровья очень плохаго. Посолъ приглашаетъ его однажды на обѣдъ. Князь находитъ подъ салфеткою прибора своего высланное изъ Петербурга разрѣшеніе оставаться безсрочно въ Парижѣ. Князь такъ и вскочилъ со стула отъ удивленія и радости. Домъ его Парижскій былъ очень гостепріименъ для туземцевъ и для заѣзжихъ земляковъ, что̀ не всегда бываетъ, и часто не безъ причины: и

Англичане, которые большіе патріоты, на твердой землѣ осторожно обѣгаютъ наплыва соотечественныхъ туристовъ.

А вотъ еще историческое предсмертное слово. „Какъ скученъ Катенинъ!“ воскликнулъ В. Л. Пушкинъ умирающимъ голосомъ. Это исповѣдь и лебединая пѣснь литератора старыхъ временъ, т. е. литератора присяжнаго, литератора прежде всего и выше всего.

*

Племянникъ гр. Литты, кн. Владиміръ Голицынъ спросилъ его: А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровымъ? Вы графъ Литта, а онъ литографъ.

*

Въ слѣдствіе какой-то проказы за границею, тотъ же Голицынъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, на жительство въ деревнѣ своей безвыѣздно. Возвратившись въ отечество, онъ долгое время колесилъ его во всѣ направленія, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такимъ образомъ пріѣхалъ онъ, между прочимъ, въ Астрахань, гдѣ пріятель его Тимирязевъ былъ военнымъ губернаторомъ. Сей послѣдній немало удивился появленію его. „Какъ попалъ ты сюда, спрашивалъ онъ, когда повелѣно тебѣ жить въ деревнѣ?“—„Въ томъ-то и дѣло, отвѣчаетъ Голицынъ, что я все ищу, гдѣ можетъ быть моя деревня: объѣздилъ я почти всю Россію, а все деревни моей нѣтъ какъ нѣтъ, куда ни заѣду, кого ни спрошу“. Онъ былъ очень остеръ, краснобай, мастеръ играть словами и веселый разскащикъ. Московскій Англійскій клубъ 20-хъ и 30-хъ годовъ не разъ забавлялся его неожиданными и затѣйливыми выходками.

*

Графъ Гейнрихъ Ржевускій, Польскій писатель, извѣстный и прославившійся своими историческими романами, въ которыхъ воскрешалъ онъ нравы и бытъ старой Польши, былъ самъ кровный и *щирый* Полякъ. Онъ принадлежалъ старой *ойчизнѣ* душою, преданіями и убѣжденіями, пожалуй, и предубѣжденіями, ложно-историческими и клерикально-религіозными. Но все же эти убѣжденія, смѣшанныя съ предубѣжденіями, входили въ плоть и кровь его. Воля ваша, должно умѣть мириться и съ подобными людьми, а не забрасывать ихъ укоризнами и каменьями риторическаго патріотизма. Можно быть политическимъ противникомъ ихъ, но и въ борьбѣ должно уважать честнаго врага. Въ этой средѣ Ржевускій былъ единомышленникомъ собратій своихъ, но и отличался отъ нихъ. Въ немъ были патріотическія сожалѣнія и скорби, но не было безумныхъ упованій и самонадѣянныхъ требованій. Разсудокъ его не щетинился предъ силою вещей и приговоромъ совершившихся событій. Помимо страстей и закоренѣлыхъ сочувствій, онъ нерѣдко ясно и метко вглядывался въ вещи и видѣлъ ихъ такими, какими были онѣ въ самомъ дѣлѣ. У него было помѣстье въ южно-западной Россіи. Однажды съѣхались къ нему сосѣди. Скоро рѣчь зашла о томъ, чѣмъ была Польша нѣкогда и чѣмъ она теперь. Разговоръ, разумѣется, дошелъ до того, что такъ или иначе, а Польша въ свой урочный часъ возстанетъ и сплотится на старый ладъ. Хозяинъ, наскучившись этимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, сказалъ имъ: „А знаете ли, господа, какъ правительство могло бы совершенно *обрусить* деревню, въ которой имѣю нынѣ честь видѣть васъ и угощать? Стоило бы ему только вывезти отсюда меня, экономa моего и ксендза: за отсутствіемъ насъ троихъ, деревня сдѣлалась-бы сплошь чисто-Русская“.

Въ другой разъ вбѣгаетъ къ нему въ Петербургѣ Полякъ-студентъ, взволнованный и восторженный. Въ то время гдѣ-то въ Польшѣ возникли политическіе безпорядки, которые, по Польскому обычаю, могли возрости до кровавой смуты. „Что-же, графъ?“ спрашива-

етъ онъ: „скоро выѣзжаете вы изъ Петербурга?“—„За чѣмъ и куда?“ говоритъ графъ. „Какъ куда и зачѣмъ? Да развѣ не знаете вы, что въ Польшѣ зашевелились?“—„Нѣтъ, знаю, но именно потому въ Польшу и не ѣду, а остаюсь въ Петербургѣ“.—„Помилуйте, графъ, вамъ въ ваши лѣта не должно терять такой удобный случай: можетъ быть, это въ послѣдній разъ на вѣку вашемъ приходится быть свидѣтелемъ возстанія и принять въ немъ участіе. Я дѣло другое: я еще молодъ, могу подождать; впереди мало ли что еще будетъ, а вамъ ждать нечего“. Ржевускій въ тотъ же день разсказалъ мнѣ этотъ разговоръ.

Въ тоже время отправился онъ въ почтамтъ и объявилъ, что онъ ни съ кѣмъ переписки не имѣетъ и имѣть не хочетъ, и что, въ случаѣ полученія писемъ на имя его, онъ покорнѣйше проситъ почтовое начальство истреблять эти письма.

О пребываніи своемъ въ Петербургѣ Ржевускій забавно замѣчалъ: „Здѣсь всѣ любятъ быть при комъ нибудь, или при чемъ нибудь. Каждому нужно такъ или иначе числиться *состоящимъ*; единичныхъ личностей нѣтъ. Когда я бываю въ обществѣ, или гуляю по улицамъ, я, не принадлежащій никакому вѣдомству, никакому персоналу, могу вообразить себѣ, что вся эта административная махина, все это поголовное чиновническое ополченіе учреждены, бодрствуютъ, дѣйствуютъ только для меня, для личнаго охраненія личной моей безопасности и для моего удовольствія. Всѣ прочіе—звѣнья, взаимно сопряженныя въ одну цѣпь, которою держится общій порядокъ. Всѣ другъ дружкѣ помогаютъ, каждый дежурствомъ своимъ и поденнымъ трудомъ. Я одинъ не дежурю, никому не помогаю, ничего не дѣлаю, а пользуюсь усиленными трудами всеобщей бдительности и дѣятельности“.

„Полячка же (говорилъ онъ) напротивъ, любитъ всегда имѣть при себѣ кого нибудь, а сама быть не при чемъ. Русскіе, хотя иногда и безъ выгодъ, ищутъ быть безкорыстными кліентами; Полячка любитъ имѣть при себѣ чиновниковъ по особеннымъ порученіямъ, добровольныхъ невольниковъ. Полячка, гдѣ бы ни было, употребитъ всѣ усилія, всѣ уловки Польской своей натуры, чтобы завербовать подъ власть свою одну изъ мѣстныхъ предержащихъ властей: въ столицѣ-министра, въ губернскомъ городѣ—губернатора, или начальника внутренней стражи, въ уѣздномъ—городничаго, въ деревнѣ—квартирующаго съ отрядомъ своимъ армейскаго прапорщика. Въ этомъ выражается и общая женская потребность нравиться, и особенно Польская потребность имѣть при себѣ и всенародно угодника, приживала, болѣе или менѣе офиціальнаго, болѣе или менѣе титулованнаго. Какъ сосѣди ни раздѣляли Польши, еще все не могли они приступить къ *раздѣлу* этой женской національной силы“.

Какъ Ржевускій ни любовался и ни хвастался своею единичною независимостью, а кончилъ тѣмъ, что состоялъ, если не офиціально, то офиціозно, при князѣ Паскевичѣ въ Варшавѣ. Фельдмаршалъ (и ставимъ ему это въ число непослѣднихъ отличій его) чувствовалъ также потребность имѣть постоянно при себѣ умнаго человѣка. Такъ были при немъ Старынкевичъ, потомъ Козловскій, подъ конецъ Ржевускій. Ему нуженъ былъ разговорчивый и просвѣщенный собесѣдникъ, далеко заполуночный. Въ бесѣдахъ этихъ былъ онъ искрененъ, словоохотливъ и въ высшей степени занимателенъ. Но необходимъ былъ для такой бесѣды человѣкъ, умѣвшій давать *реплику*, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Ржевускій имѣлъ въ себѣ что-то и Старынкевича, и Козловскаго: трудно опредѣлить это неуловимое что-то, но оно угадывалось, чувствовалось. Первый, окромѣ того, что былъ очень уменъ и рѣчистъ, имѣлъ еще неистощимый запасъ всевозможныхъ воспоминаній, государственныхъ и біографическихъ свѣдѣній о событіяхъ, закулисныхъ и

заканцелярскихъ тайнахъ и лицахъ царствованія Александра. Между прочими зналъ онъ наизустъ князя Багратіона, Чичагова, Новосильцева. Самъ не игралъ онъ въ дѣлахъ видной роли, даже и второстепенной; но умѣлъ проницать источники, доискиваться ихъ, приближаться къ нимъ и черпать изъ нихъ ловкою и объемистою рукою. Сверстники и пріятели прозвали его: политическимъ Фигаро. Ржевускій не обладалъ, быть можетъ, вполнѣ изящными и сочувственными свойствами, которыми такъ богато и почти исключительно предъ другими былъ одаренъ Козловскій. Онъ не имѣлъ за собою, какъ Козловскій, и Европейской извѣстности, и Европейскаго авторитета. Но и онъ въ обществѣ, на вечерѣ, мало по малу забиралъ первенствующее мѣсто въ разговорѣ: всѣ охотно слушали его, забавлялись парадоксами, смѣялись остроумнымъ выходкамъ его, иногда фантазіямъ воображенія, въ которыхъ правдивый историкъ уступалъ мѣсто романисту, и слушатель не долженъ былъ ставить всякое лыко въ строку.

*

Кривцовъ (Николай Ивановичъ), возвратясь изъ Лондона, въ которомъ прожилъ онъ довольно долгое время, по службѣ при нашемъ посольствѣ, явился къ намъ большимъ англоманомъ. Онъ вывезъ изъ Англіи съ собою и въ себѣ многіе тамошніе обычаи, вкусы, повадки. Императоръ Александръ I очень благоволилъ къ нему и любилъ въ немъ молодаго безногаго ветерана послѣдней отечественной войны. Вскорѣ по возвращеніи своемъ назначенъ онъ былъ Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Туда перевезъ онъ и свою Англійскую обстановку. Тулякамъ это не нравилось. Они, то есть привычки, и желудки ихъ, не могли переваривать поздніе обѣды его, и у себя дома, и въ частныхъ домахъ, гдѣ давались обѣды въ честь его. Туляки мало обращали вниманія на то, что онъ былъ дѣятеленъ, правосуденъ, само собою разумѣется, и безкорыстенъ: къ небрежности въ дѣлахъ они приглядѣлись; къ взяткамъ они, по прежнимъ порядкамъ, успѣли попривыкнуть. Все это дѣло житейское и обыкновенное; но обѣдать въ шестомъ часу, но смотрѣть, какъ г. губернаторъ въ концѣ обѣда прохлаждается изюмомъ, орѣхами и медленно запиваетъ ихъ рюмкою портъ-вейна, вотъ уже чего никакъ не могла спокойно вынести ихъ домашняя и гражданская натура. Послѣ Тулы перешелъ онъ въ Воронежъ, изъ Воронежа поступилъ онъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ. Внѣшняя англоманія его, а можетъ быть, и нѣкоторая внутренняя неуступчивость и особливость въ нравѣ, попробуемъ сказать *особнячество* (жить особнякомъ) въ провинціальной средѣ, вездѣ вредили ему. Пошли служебныя пререканія, жалобы, доносы. Наконецъ долженъ онъ былъ сойти съ губернаторскаго поприща. Жаль, что гражданская дѣятельность его не долѣе продолжалась. Онъ могъ сначала, по неопытности, по малому знакомству съ административными Русскими порядками, иногда ошибаться и дѣлать легкіе промахи; но въ немъ были всѣ залоги хорошаго хозяина губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ вышелъ бы изъ него образцовый губернаторъ. Онъ часто говоривалъ: когда сужу себя, бываю собою недоволенъ; когда себя сравниваю со многими другими, я примиряюсь съ собою.

Но возвратимся къ Голицыну по поводу Кривцова. Между привычками, вывезенными имъ изъ Англіи, была и та, что за завтракомъ его стояла на столѣ хрустальная чаша съ вареньемъ. Когда онъ до нея дотрогивался, Голицынъ говорилъ ему: „Сдѣлай милость, не принуждай себя, не неволь себя; я и такъ буду всѣхъ увѣрять, что видѣлъ собственными глазами, какъ ты ѣшь варенье послѣ утренняго чая“.

Дополнимъ еще нѣсколькими почерками пера изображеніе Кривцова, слегка уже нами набросанное. Есть лица,

которыхъ портреты во весь ростъ не попадаютъ въ историческія выставки. Исторія ихъ не выдаетъ; но не менѣе того силуэты ихъ имѣютъ полное право занять мѣсто въ пріятельскомъ альбомѣ, или въ перечневой вѣдомости современныхъ личностей.

Послѣ своихъ губернаторскихъ неудачъ, Кривцовъ поселился въ Тамбовской деревнѣ Любичи. Рѣдко выѣзжалъ онъ изъ нея въ Москву на нѣсколько недѣль; еще рѣже являлся въ Петербургѣ, и то на время еще короче. Разумѣется, построилъ онъ въ деревнѣ каменную, готическую, Англійскую башню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ и большой деревянный домъ, красивый, хорошо расположенный и со всѣми возможными удобствами, какъ для себя и для своихъ, такъ и для гостей, навѣщавшихъ его. Изъ сосѣдей своихъ преимущественно сблизился онъ съ семействомъ князя Григорія Сергѣевича Голицына (котораго помѣщичья жизнь и домашняя обстановка ожидаютъ живописца для вѣрной и достойной обрисовки всей ея своеобразности), съ Баратынскими, съ Чичеринымъ. Отъ другихъ сосѣдей онъ уклонялся; а если необходимость вынуждала его принимать кого изъ нихъ, то онъ вымещалъ скуку свою на голодающемъ ихъ желудкѣ, и обѣдалъ еще позднѣе обыкновеннаго: сосѣди, измученные долгимъ отощаніемъ, не возвращались на дальнѣйшія пытки. Онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ; но съ прибылью ли, это неизвѣстно, да и сомнительно. Впрочемъ онъ не англизировалъ ни полей своихъ, ни хлѣбопашцевъ, а, кажется, держался отцовскихъ порядковъ въ обработываніи полей и въ прочемъ домостроительствѣ. Онъ вообще не былъ человѣкомъ ни увлеченія, ни утопіи. Былъ онъ болѣе человѣкомъ разсудка, разбора, анализа. Можно было признать въ немъ нѣкоторую холодность, нѣкоторый скептицизмъ. Не знаю, былъ ли онъ способенъ къ дружбѣ въ полномъ значеніи этаго слова, то есть съ ея откровенностію, горячностію, самопожертвованіями; но онъ питалъ въ себѣ чувства искренней пріязни и уваженія къ нѣкоторымъ исключительнымъ лицамъ и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ не былъ записанъ въ Арзамасскомъ штатѣ, но былъ пріятелемъ почти всѣхъ Арзамасцевъ. Учиться началъ онъ поздно и самъ собою, то есть чтеніемъ. Первоначальное образованіе его было, вѣроятно, слабо и поверхностно. Рано вступилъ онъ въ военную службу: тутъ было тогда не до ученія, а до ученій. Изъ первыхъ серіозныхъ книгъ имъ прочитанныхъ была кажется, исторія вѣка Людовика XIV-го, написанная Вольтеромъ. Подъ новостію и свѣжестію впечатлѣній своихъ, онъ, кстати и не кстати, все говорилъ объ этой эпохѣ. Кто-то изъ пріятелей его,—чуть ли не Блудовъ, сказалъ: Кривцовъ воображаетъ, что онъ открылъ вѣкъ Людовика XIV-го. Деревенская жизнь, съ своимъ спокойствіемъ, съ независимостью своею, годъ отъ году все болѣе привязывала его къ себѣ. Въ этой жизни было также что-то Англійское, частью, можетъ быть и привитое, но прививка попала на хорошій и родственный грунтъ. Англичане живутъ въ помѣстьяхъ своихъ: въ Лондонѣ они только гостятъ. Кривцовъ одичалъ къ обществу, которое, впрочемъ онъ, кажется, и въ молодости умѣренно любилъ *); но пріѣзду пріятеля онъ всегда былъ радъ. Бывало, предъ обѣдомъ спроситъ онъ его: какое вино хочетъ онъ пить? И спустившись въ погребъ, котораго ключь носилъ онъ всегда въ карманѣ, вынесетъ онъ, по желанію гостя, бутылку хорошаго бордо, рейнъ-вейна или шампанеи, какъ говаривалъ Американецъ Толстой. Хотя деревянная нога его была образцовая, щегольская, такъ что мудрено было разглядѣть, которая сдѣлана изъ дерева и пружинъ и которая изъ костей и мяса, но все же не могъ

*) Сколько намъ извѣстно, въ первой молодости Н. И. Кривцовъ любилъ бывать въ обществѣ. См. нашу замѣтку объ этомъ достопамятномъ лицѣ въ Р. Архивѣ 1864 г., стр. 1087. *П. Б.*

онъ много ходить. У подъѣзда деревенскаго дома его стояла постоянно таратайка, запряженная въ дежурную лошадь. Въ этомъ экипажѣ нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ онъ поля свои и осматривалъ хозяйственныя работы, и каждый вечеръ староста являлся къ нему съ докладомъ о трудахъ и событіяхъ дня.

Эти аудіенціи имѣли свой особый характеръ. Кабинетъ его, какъ и всѣ комнаты, содержались въ примѣрной, опять таки Англійской, чистотѣ. Полы обиты были мягкими, пушистыми коврами, мало удобными для гвоздями обитой обуви Русскаго мужика. И вотъ что придумано было помѣщикомъ. Онъ велѣлъ прорубить родъ окна въ стѣнѣ, выдающейся въ сѣни. Въ извѣстный часъ староста высовывалъ чрезъ это отверстіе голову свою, опушенную густою бородою, совершалъ свои доклады и принималъ приказанія и распоряженія барина на слѣдующій день. Въ послѣднее время онъ нѣсколько обрюзгъ тѣломъ, вѣроятно въ послѣдствіе увѣчья своего, но не обрюзгъ умомъ. Въ осенніе и зимніе вечера, послѣ поздняго обѣда, садился онъ въ кресла передъ каминомъ и дремалъ. Такъ въ одинъ вечеръ, неожиданная скоропостижная смерть тихо застигла его. Замѣчательно, что любимый братъ его, Павелъ, пріѣхавшій, послѣ смерти брата, изъ Рима въ Любичи, умеръ въ той же комнатѣ, предъ тѣмъ же каминомъ, и чуть ли не въ самыхъ тѣхъ креслахъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВОЙНѢ 1853—1856 ГОДОВЪ.

Дѣло на Черной рѣчкѣ 4 Августа 1855 года и князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Объ этомъ несчастномъ дѣлѣ говорено было много; но то, что́ сказано или не совсѣмъ вѣрно или относится къ отдѣльнымъ частямъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ.

Записка Д. А. Столыпина, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ 1874 года, дышетъ безъискуственной правдой, въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Вотъ почему я считаю долгомъ дополнить ее своими воспоминаніями, такъ какъ мнѣ пришлось въ дѣлѣ 4 Августа быть тѣмъ адъютантомъ главнокомандующаго, котораго онъ первого послалъ съ приказаніемъ: „*время начинать*“.

Въ диспозиціи, данной войскамъ на 4 Августа, было сказано: „*Войскамъ „быть на мѣстахъ къ 4 часамъ по „полуночи. Генералъ Липранди атакуетъ Телеграфную гору, а ге„нералъ Реадъ въ одно и тоже вре„мя открываетъ артиллерійскій огонь „по Ѳедюхинымъ высотамъ, давая „тѣмъ возможность удержаться на „Телеграфной горѣ. Главнокомандующій первоначально будетъ на ба„тареѣ, снаряженной морскими ору„діями, или иначе на редутѣ, а по„томъ переѣдетъ къ генералу Лип„ранди, гдѣ и рѣшитъ дальнѣйшій „ходъ дѣла*“.

Диспозицію эту я собственноручно десять разъ переписывалъ и зналъ буквально наизустъ.

Вообще главнокомандующій предполагалъ, смотря по тому, что́ окажется болѣе удобнымъ, или аттаковать Ѳедюхины высоты или Гасфортову гору, или наконецъ ограничиться однимъ усиленнымъ обозрѣніемъ.

Послѣднее видно изъ того, что, прибывъ на Мекензіеву гору, въ расположеніе штаба 6-го корпуса, князь Горчаковъ, съ вечера, отправилъ въ Петербургъ телеграмму, приблизительно такого же содержанія, съ при-

совокупленіемъ, что если ему, по обстоятельствамъ, и пришлось бы перейти къ наступленію, то на успѣхъ онъ не разсчитываетъ.

Переѣздъ съ Инкерманской позиціи на Мекензіеву гору главнокомандующій сдѣлалъ верхомъ. Погода была прекрасная, но не весело было на душѣ его; въ продолженіе всего пути, князь былъ молчаливъ: тяжкія думы тяготили его голову.

Прибывъ на Мекензіеву гору, князь долго бесѣдовалъ съ разными начальниками отдѣльныхъ частей и въ особенности съ генераломъ Липранди. Наконецъ, прощаясь съ генералъ-адъютантомъ барономъ Вревскимъ, онъ сказалъ: *„Ну-съ, пора и отдохнуть“*. На это баронъ Вревскій отвѣчалъ: *„Я завидую вашему сіятельству; „нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ „отъ дня вашей славы“*. — *„Что вы „говорите!* сурово замѣтилъ князь. *„Я знаю, что меня ожидаетъ зав„тра—прощайте!“*

Дежурнымъ адъютантомъ при главнокомандующемъ въ эту ночь былъ *князь Дмитрій Николаевичъ Долгоруковъ*, которому, а равно и мнѣ, князь приказалъ расположиться около его палатки. Мы оба были свидѣтелями весьма внушительной картины: около двухъ часовъ ночи мы видѣли князя въ слезахъ, молящагося предъ иконою Смоленской Божіей Матери *), на колѣняхъ. Трудно теперь догадываться о тайномъ смыслѣ этой горячей молитвы; но приходится думать, что это была молитва, вызванная борьбой съ самимъ собой, съ своимъ взглядомъ на будущее дѣло и съ тѣмъ высшимъ, которому онъ безусловно повиновался.

*) Икона эта находилась при войскахъ, привезенная изъ Смоленска, какъ въ 1812 году. *П. Б.*

Въ три часа утра главнокомандующій выѣхалъ съ Мекензіевой горы и, прибывъ на редутъ, увидѣлъ, что войска обоихъ отдѣловъ не приступили еще къ выполненію перваго момента диспозиціи. Князь, подозвавъ меня, сказалъ: *„Поѣзжайте къ гене„раламъ Липранди и Реаду и ска„жите имъ, что они стоятъ? Пора „начинать“*.

Я отправился, нашелъ Липранди съ отрядомъ, готоваго идти и получилъ въ отвѣтъ: *„сей часъ отправлюсь“*. Войска его начали двигаться къ Телеграфной горѣ. Затѣмъ я уѣхалъ искать Реада. Отрядъ Реада стоялъ еще на ночной позиціи; самъ онъ, съ частью своего штаба, выѣхавъ впередъ казачей цѣпи (тогда еще неубранной) осматривалъ въ трубу позицію непріятеля, расположеннаго на Ѳедюхиныхъ горахъ. Подъѣхавъ къ нему, я передалъ приказаніе главнокомандующаго и уже было отдалился на нѣсколько шаговъ, какъ онъ снова назвалъ меня по имени и спросилъ: *Однако, что же „это значитъ начинать? Вѣдь не „аттаковать же?“* Я повторилъ приказаніе князя, упирая особенно на первыя слова. Тогда Реадъ сказалъ: *„Хорошо, скажите князю, что я буду обстрѣливать мѣстность“*.

Измученный быстрой ѣздой на довольно большомъ разстояніи отрядовъ отъ редута и ихъ между собою, я возвращался къ главнокомандующему рысью и, передавъ отвѣты обоихъ генераловъ, прибавилъ: *„Какъ „бы, ваше сіятельство, еще не вы„шло чего-нибудь, потому что гене„ралъ Реадъ сказалъ: вѣдь это не „значитъ же аттаковать?“* Князь замѣтилъ, что это ничегоне значитъ, что генералъ Реадъ знаетъ, что ему

по диспозиціи слѣдуетъ дѣлать. Дѣйствительно все казалось такъ ясно, что главнокомандующій и не счелъ нужнымъ посылать другаго адъютанта для объясненій. Въ то время, когда я передавалъ главнокомандующему отвѣты отрядныхъ начальниковъ, Липранди не дошелъ еще до Телеграфной горы, а Реадъ не открывалъ артиллерійскаго огня; войска сего послѣдняго только еще двигались къ позиціи, съ которой слѣдовало открыть артиллерійскій огонь. Потомъ, когда главнокомандующій увидѣлъ, что Телеграфная гора занята и сталъ спускаться съ редута, направляясь къ Липранди, услышанъ былъ сильный ружейный огонь со стороны Реада, и вслѣдъ затѣмъ прискакалъ адъютантъ его Волковъ съ донесеніемъ: *„предмостное укрѣпле„ніе взято, Французы бѣгутъ“*. Главнокомандующій, удивленный этимъ нападеніемъ Реада, отдалъ ему черезъ Волкова приказаніе, чтобы генералъ Реадъ ожидалъ прибытія пятой дивизіи, самъ же поскакалъ на Телеграфную гору. Но не прошло и часу, какъ мы увидѣли наши колонны на Ѳедюхиныхъ горахъ. *Это была 12-ая дивизія безъ резервовъ.*

Дальнѣйшій исходъ дѣла извѣстенъ изъ реляціи и изъ записки Д. А. Столыпина.

Нѣкоторые полагаютъ, что прибытіе двухъ свѣжихъ дивизій (4-й и 5-й), горѣвшихъ желаніемъ вступить въ бой, рѣшило главнокомандующаго подѣйствовать на правый флангъ общей непріятельской позиціи, съ цѣлію отвлечь, хотя нѣсколько, силы союзниковъ отъ Севастополя. Нѣтъ, не это подвигнуло главнокомандующаго предпринять наступленіе. Въ это время непріятель былъ сильнѣе насъ, не считая ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій; очищеніе южной стороны Севастополя представляло величайшія опасности: нужно было черезъ бухту шириною въ 450 саженъ переправить огромный гарнизонъ. Мостъ, по тогдашнимъ расчетамъ, могъ быть готовъ только къ половинѣ Августа. Надо было показать непріятелю, что мы располагаемъ большими силами и въ состояніи долго еще защищать Севастополь; продолжать же защиту было необходимо, потому что, хотя Австрія въ это время обезоружилась и до весны съ этой стороны мы были покойны, но продолженіемъ защиты Севастополя достигалось то, что союзники, овладѣвъ городомъ, не могли, по случаю ненастной погоды, предпринять что либо серьезное противъ насъ внѣ полуострова. По мнѣнію, *которое было сообщено главнокомандующему*, наступательное движеніе это было необходимымъ также и для удовлетворенія общаго желанія Россіи, точно такъ какъ *Бородинское сраженіе* было необходимо прежде отдачи Москвы. Сколько мнѣ извѣстно, главнокомандующій предполагалъ сдѣлать движеніе это съ большою осмотрительностію, и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя онъ впрочемъ мало разсчитывалъ, онъ думалъ перейти къ дѣйствительному наступленію.

Изъ всего мною сказаннаго читатель видитъ, что приказаніе мною передано генералу Реаду, когда онъ еще не открывалъ артиллерійскаго огня и что онъ не увѣдомлялъ черезъ меня главнокомандующаго о томъ, что будетъ *аттаковать* Ѳедюхины горы. Переписывая нѣсколько разъ диспозицію, я зналъ ее твердо; да и вообще мнѣ кажется не нужно имѣть слишкомъ большаго соображе-

нія, чтобы не сказать: начинайте, когда уже дѣло начато. Причины, по которымъ генералъ Реадъ не выполнилъ диспозиціи, за его смертію и смертію начальника его штаба, остались неизвѣстны. Князь думалъ впрочемъ, что Реада увлекъ къ этому первый успѣхъ артиллерійскаго огня, вслѣдствіе коего Французы поспѣшно отступили за Черную. Я еще разъ ѣздилъ къ генералу Реаду, когда войска наши были уже за Черной, и онъ мнѣ ни слова не сказалъ о недоразумѣніи, въ которое онъ былъ будто бы поставленъ первымъ приказаніемъ главнокомандующаго.

*

Я оставилъ князя Михаила Дмитріевича въ 1859 году въ Варшавѣ намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ арміею.

Счастливо поставленный въ исключительно-близкія къ нему служебныя отношенія, я зналъ князя, какъ только можно знать человѣка, котораго изучаешь съ любовью. Вотъ почему я считаю своею нравственною обязанностью сказать о немъ все, что мнѣ положительно извѣстно, особенно въ виду тѣхъ рѣзкихъ, невѣрныхъ описаній его характера, которыя въ послѣднее время появились въ печати.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ принадлежалъ къ древнѣйшей фамиліи. Князья Горчаковы ведутъ свое происхожденіе отъ великихъ князей Черниговскихъ. Князь Петръ Ивановичъ Горчаковъ, защищавшій вмѣстѣ съ Шеинымъ Смоленскъ противъ Поляковъ въ 1609 году, былъ предкомъ князя Михаила Дмитріевича, оборонявшаго Севастополь.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ принадлежалъ къ весьма небогатому семейству Костромской губерніи, жилъ жалованьемъ и нерѣдко нуждался въ средствахъ.

Онъ служилъ въ гвардейской артиллеріи, былъ начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ 3-го. Въ 1829 году князь былъ уже генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

Въ 1807 году князь произведенъ былъ въ офицеры, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, былъ въ дѣлахъ подъ Бородинымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ.

Товарищамъ его памятна была его отчаянная храбрость.

Князь получилъ высокое образованіе, владѣлъ превосходно Русскимъ языкомъ, на которомъ, какъ и отецъ его, писалъ стихи.

Главная наука, которую князь зналъ въ совершенствѣ, была математика. Помню, какъ-то я читалъ ему вслухъ Популярную Астрономію Араго. Встрѣтилось что-то непонятное. Князь взялъ карандашъ, тотчасъ же *припомнилъ* всѣ формулы и объяснилъ то, что казалось темнымъ.

Князь имѣлъ умъ чрезвычайно острый и своеобразный. Его разъсѣянность и нѣкоторая небрежность во внѣшности составляли главную его прелесть и были причиною множества анекдотическихъ случайностей.

Въ манерѣ его говорить, въ движеніяхъ и пріемахъ, вездѣ просвѣчивала та замѣчательная доброта, которою онъ всегда отличался и которую многіе считали слабостью его характера.

До послѣдней минуты жизни, его занимали литературныя и политическія новости, живая, смѣлая мысль въ статьѣ, прекрасный стихъ.

Какъ полководецъ и государственный человѣкъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ принадлежитъ исторіи. Лица, говорившія о немъ и стоящія далеко отъ центра его управленія, не посвященныя въ тайны его сношеній съ высшею властью, не могли сказать ничего вѣрнаго: онѣ увлекались личными своими отношеніями. Даже будущему историку написать о восточной войнѣ истину возможно будетъ только тогда, когда ему откроютъ все, когда отъ него не утаятъ ни одной бумаги, ни однаго письма, которыя получалъ князь, а также и тѣхъ, которыя отъ него исходили.

Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ въ высшей степени замѣчателенъ. Это былъ человѣкъ характера исключительнаго, образованія глубокаго, самоотверженія рѣдкаго. Справедливо говорили *) о немъ, что не руку свою готовъ онъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы онъ въ пламя, если бы зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу государству.

Военная слава имѣетъ болѣе особую прелесть, чѣмъ всякая другая; но съ этой стороны можно указать нѣсколько рѣзкихъ примѣровъ его чрезвычайнаго самоотверженія. Когда князь предположилъ взять крѣпость Силистрію, *во что бы то ни стало* и когда, согласно данной имъ диспозиціи, войска стали на мѣстахъ, готовыя по сигналу ракеты броситься на штурмъ крѣпости, когда до спуска ракеты оставалось всего можетъ быть полчаса, то для князя довольно было высшаго указанія, полученнаго съ курьеромъ (Николаемъ Яковлевичемъ Протасовымъ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*если, въ минуту полученія этого письма, Силистрія не взята, то отступать*“. Письмо было прочитано при свѣтѣ фонаря, въ центрѣ 100/т. аттакующаго войска и, вмѣсто сигнальной ракеты для штурма, княземъ отдано было приказаніе возвратиться за Дунай!

Тотъ, кто могъ видѣть князя въ эту минуту, кто, передавая войскамъ приказаніе его объ отступленіи, слышалъ ихъ ропотъ, тотъ только въ состояніи понять все величіе этого самоотверженнаго поступка.

Легкомысленные люди приписывали это его безхарактерности, но князь Михаилъ Дмитріевичъ повиновался безусловно высшимъ указаніямъ; а ему сообщали тогда, что Австрія ведетъ себя крайне двусмысленно и что Австрійскія войска ежеминутно готовы двинуться въ тылъ нашей арміи.

Когда князь узналъ о чрезвычайно затруднительномъ положеніи нашей арміи въ Крыму, онъ, нисколько не колеблясь, не дожидаясь приказаній, послалъ на помощь князю Меньшикову не только большую часть своей южной арміи, но лучшихъ ея представителей: *князя Виктора Иларіоновича Васильчикова* и *Эдуарда Ивановича Тотлебена*. Затѣмъ посланы были порохъ, снаряды, кирки, лопаты и проч. Можно сказать, что былъ моментъ, когда всю южную армію составляли: кирасирскій корпусъ и конвой главнокомандующаго.

Честность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и безкорыстіе князя Михаила Дмитріевича были безпредѣльны и изумительны, особенно для нынѣшняго матеріальнаго времени. Немногіе знаютъ, что при назначеніи его намѣстникомъ Цар-

*) Московскія Вѣдомости 1861 года.

ства Польскаго, когда еще война не была окончена, онъ отказался отъ весьма значительной суммы, назначенной ему на обзаведеніе въ Варшавѣ. Надобно замѣтить, что князь не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однимъ жалованьемъ.

Покойный князь Михаилъ Дмитріевичъ не терпѣлъ лжи, сплетень и никогда не читалъ анонимныхъ писемъ. Однажды было получено имъ нѣсколько конвертовъ съ надписью „*въ собственныя руки*“. По своей привычкѣ, князь началъ искать подписи и, не находя ее, разорвалъ эти письма, не читая. При этомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ замѣтилъ: „*Вотъ „вамъ мой совѣтъ,—никогда не чи„тайте анонимныхъ писемъ; кто хо„четъ говорить правду, пусть гово„ритъ открыто*“.

Князь чуждался всякой изысканности, всего неестественнаго, бьющаго на эффектъ, и былъ замѣчательно простъ въ обращеніи со всѣми.

Терпѣть не могъ онъ офиціяльныхъ пріемовъ и парадныхъ встрѣчъ, которыя обыкновенно устраивали ему, по уставу, во время его переѣздовъ. Однажды не успѣли отмѣнить подобную встрѣчу въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. У дома гражданскаго губернатора, гдѣ была отведена ему квартира, собралось множество всякаго народа. Подъѣзжая къ дому, князь замѣтилъ: „*Удивительно, чего „ожидаетъ эта толпа, теряя вре„мя понапрасну? Стоятъ нѣсколько „часовъ, чтобы увидѣть, какъ выле„зетъ изъ кареты незнакомый имъ „старикъ*“.

Онъ былъ вѣренъ чувству дружбы и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всѣми друзьями и товарищами его молодости.

У меня сохранилось въ памяти одно письмо къ старому его другу, если не ошибаюсь, *Ивану Петровичу Бибикову*, въ которомъ сказано слѣдующее: „*Письмо твое отъ 17 „Мая получилъ я, Богъ знаетъ ка„кими путями, только въ концѣ Ок„тября, и нужно было время для „отысканія твоего сына, котораго „наконецъ нашли въ Симферополѣ*“. „*Я „дорожу въ высшей степени твоею „дружбою и помню съ душевною „благодарностью, что ты былъ не „только моимъ другомъ, но, такъ „сказать, опекуномъ моей молодо„сти, при первомъ вступленіи на „военное поприще*“. „*Твоего сына я „поручилъ особому попеченію пол„ковника Салова и буду за нимъ слѣ„дить, стараясь во всѣхъ отношені„яхъ быть ему полезнымъ, сколько „могу*“.

Еслибъ я захотѣлъ быть болѣе нескромнымъ, я могъ бы привести множество доказательствъ тому, что, не смотря на высокое положеніе, которое князь занималъ, онъ всегда оставался вѣренъ дружбѣ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Упрекаютъ его въ разсѣянности. Да, онъ былъ разсѣянъ, и это происходило отъ того, что какая нибудь мысль работала въ его головѣ. Онъ всегда находился, или подъ вліяніемъ чего нибудь прочтеннаго, или подъ впечатлѣніемъ какого нибудь серьезнаго разговора. Но всѣмъ извѣстно, что этотъ человѣкъ разсѣянный, говорившій довольно невнятно, въ пылу самаго жаркаго дѣла, являлся совершенно другимъ: одинъ выстрѣлъ перерождалъ его; онъ дѣлался опредѣлителенъ въ приказаніяхъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ словахъ.

Всѣ также знаютъ и въ свое время писали о томъ, что князь Горчаковъ никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира; забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное.

Говорили, что въ дѣлѣ на Черной онъ искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули. *Но это не справедливо.*

Послѣ послѣдней неудачной атаки Ѳедюхиныхъ горъ, узнавъ о смерти генерала Реада и выбытіи изъ фронта почти всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, онъ принялъ личное командованіе отступающими войсками и безъ сомнѣнія подвергался страшнѣйшей опасности, или, какъ говоритъ Д. А. Столыпинъ, дѣйствію сплошнаго слоя картечь и пуль.

Князь былъ необыкновенно деликатенъ въ сношеніяхъ. Всѣмъ извѣстно, въ какихъ краткихъ выраженіяхъ князь Меньшиковъ дѣлалъ свои донесенія Государю. Можно догадываться, какъ кратки были сообщенія, присылаемыя имъ князю. Вотъ, напримѣръ, какъ князь Александръ Сергѣевичъ увѣдомлялъ о Синопскомъ сраженіи: „*Поспѣшаю ваше сіятельство увѣдомить, что Турецкая эскадра, состоящая изъ семи фрегатовъ, одного шлюпа, двухъ корветовъ, одного парахода и нѣсколькихъ транспортовъ, всего 14 судовъ, вышедши изъ Константинополя съ десантнымъ войскомъ для нападенія на Сухумъ и соединенія съ горцами, 18 числа флотомъ нашимъ истреблена; командующій ею адмиралъ Османъ-Паша взятъ въ плѣнъ; поврежденія нашимъ кораблямъ значительны*“.

И ни слова болѣе. Вотъ тѣ немногія строки, которыя привезъ курьеръ изъ Севастополя въ Кишиневъ

Зная, что такое же краткое извѣщеніе послѣдуетъ и о дѣлѣ 13 Октября 1854 года, генералъ Липранди прислалъ князю Горчакову отъ себя лично подробное донесеніе объ этомъ сраженіи.

На это князь Михаилъ Дмитріевичъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „*Мы всѣ обрадованы вашимъ успѣхомъ. Отъ души поздравляю васъ съ прекраснымъ дѣломъ. Вы прислали мнѣ реляцію этаго сраженія; но такъ какъ всѣ войска ввѣренной мнѣ арміи, въ Крымъ мною отправленныя, должны состоять въ единомъ, непосредственномъ вѣдѣніи князя Меньшикова, и доставленіе подобныхъ донесеній мнѣ, какъ постороннему теперь лицу, было бы несовмѣстно, я прошу на будущее время присылку всякихъ донесеній ко мнѣ прекратить*“.

А между тѣмъ дѣйствительно о томъ же сраженіи князь Меньшиковъ прислалъ князю Горчакову извѣщеніе въ нѣсколькихъ строкахъ.

Я оставилъ князя до возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Многое, тамъ случившееся, приписывается слабости его характера и болѣзненному состоянію. Я замѣчу только, что, въ бытность свою въ Севастополѣ, князь часто высказывалъ убѣжденіе, что ему не придется возвратиться къ семейству, и когда мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, по назначеніи его намѣстникомъ, онъ въ минуту откровенности сказалъ: „*Никогда не воображалъ я, что могу возвратиться въ Варшаву и, признаться, не по мнѣ теперь это назначеніе. Мое единственное, искреннее желаніе: небольшой домикъ въ Швейцаріи съ выслуженными мною средствами къ жизни*“.

Въ чистотѣ и искренности этого желанія сомнѣваться нельзя никому, кто зналъ хоть немного князя; но, отдавъ всего себя на служеніе Государю, онъ повиновался Его волѣ.

Любовь его къ Государю была просто идеальная, возвышенная, нѣжная, безпредѣльная. Каждый пріѣздъ Его Величества въ Варшаву былъ для князя Михаила Дмитріевича торжествомъ его глубокой, безкорыстной привязанности.

Князь скончался въ Варшавѣ въ 1861 году 18 Мая, и съ нимъ сошелъ въ могилу нравственный герой, которому, по знаменію настоящаго времени, не скоро народиться. Обществу, въ которомъ существовали подобныя личности, надобно гордиться ими, какъ дорогими представителями прошедшаго, извинять нѣкоторые недостатки, свойственные каждому человѣку и никакъ не дѣлать ихъ предметомъ своей досужей фантазіи.

Знаменитый проповѣдникъ, преосвященнѣйшій Иннокентій, въ словѣ своемъ къ войскамъ Севастопольскимъ, выразился библейски, что каждый Русскій, которому суждено будетъ приблизиться къ этому городу, долженъ „*изути сапоги отъ ногъ своихъ*, „*ибо мѣсто сіе свято есть*“.

Такъ точно у могилы князя Михаила Дмитріевича Горчакова всякому Русскому слѣдуетъ остановиться съ благоговѣніемъ: она слишкомъ богата историческими уроками и чрезвычайно поучительна.

И. Красовскій.

2 Мая 1874 года.
Москва.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА.

(*Записаны и сообщены М. В. Юзефовичемъ*)

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,—
Клянусь, давно бы я оставилъ этотъ міръ:
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ.....

*

Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ;
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ....
Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ....
Какъ, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно!... И на жизнь гляжу печаленъ вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Mardi, 25 Juillet 1861.

Играй—покуда надъ тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй съ людьми, играй съ судьбою,
Ты, жизнь, назначенная къ бою,
Ты, сердце, жаждущее бурь.

Какъ часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взоръ туманится слезами.
За чѣмъ? Что общаго межъ нами?
Ты жить идешь—я ухожу.

Я слышалъ утреннія грезы
Лишь пробудившагося дня...
Но позднія, живыя грозы,
Но взрывъ страстей, но страсти слезы—
Нѣтъ—это все не для меня!

*

Но, можетъ быть, подъ зноемъ лѣта,
Ты вспомнишь о своей веснѣ....
О вспомни и про время это,
Какъ о забытомъ, до разсвѣта,
Намъ смутно грезившемся снѣ.

(Сообщено съ подлинника Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ.)

СТИХИ И. В. КИРѢЕВСКАГО МИЦКЕВИЧУ.

Въ знакъ памяти, предъ нашимъ разставаньемъ
Тебѣ подносимъ не простой стаканъ:
Онъ зачарованъ дружбы колдованьемъ,
На днѣ его положенъ талисманъ.

И если ты, среди пировъ веселья
Забывшися, вино въ него нальешь,
Не жди тогда въ немъ шумнаго похмѣлья,—
Грусть тихую о прежнемъ въ немъ найдешь.

Тогда, живая сила талисмана
Живыя крылья дастъ твоей мечтѣ,
И знай—мечту твою обнимутъ тѣ,
Чьи имена прочтешь вокругъ стакана.

И извѣститъ ихъ о твоей тоскѣ
Печальное изъ сердца содроганье,
И будутъ на твое воспоминанье
Согласной думой вторить вдалекѣ.

Но если ночью, посреди молчанья
Вдругъ, безъ причины, стукнетъ твой стаканъ,
Знай—это голосъ нашего мечтанья:
Его тебѣ примчалъ твой талисманъ.

Не вѣкъ же будетъ спутникъ твой страданье;
Быть можетъ, сердце радость оживитъ
Въ чужбинѣ; но когда воспоминанье
Тебѣ минуту счастья отравитъ,

И ты искать захочешь утѣшенья
Отъ грустныхъ думъ прошедшаго въ винѣ,
Не тронь нашъ кубокъ! Онъ не дастъ забвенья:
Въ немъ талисманъ лежитъ на свѣтломъ днѣ.

(1828)

Стихотвореніе это напечатано Латинскими буквами въ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ сочиненіямъ Мицкевича, изданнымъ на Французскомъ языкѣ сыномъ его Владиславомъ въ Парижѣ, въ 1872 году. Читатели Русскаго Архива уже знакомы съ этою книгою по статьѣ: „Мицкевичъ о Пушкинѣ“ (Р. Архивъ 1873, стр. 1057). Извѣстно также, что пока геній Мицкевича не омрачился политическою ненавистью къ Россіи, Русскіе люди окружали его любовію и уваженіемъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ Петербургъ въ 1828 году, въ квартирѣ Соболевскаго (между Большою Дмитровкою и Тверскою, въ домѣ нынѣ Лопыревскаго), на прощальномъ ужинѣ, Мицкевичу поднесенъ былъ золотой кубокъ съ вышеприведенными стихами. На кубкѣ вырѣзаны имена: Баратынскаго, двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, вотчима ихъ Алексѣя Андреевича Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полеваго, Шевырева и Соболевскаго. Шевыревъ также произнесъ восторженные стихи... Черезъ нѣсколько лѣтъ „знакомый голосъ злобнаго поэта“ сталъ доходить въ Москву. Но и тогда въ Москвѣ умѣли отличать Славянина-поэта и человѣка отъ дѣятеля политическаго. Пришло извѣстіе, что Мицкевичъ, больной и несчастный, живетъ въ крайней бѣдности въ Батиньолѣ, подъ Парижемъ. По мысли Хомякова, собрано было пять тысячъ рублей и послано къ Мицкевичу, безъ малѣйшей огласки. Случайно намъ довелось узнать объ этомъ отъ того самаго лица, которое, отъѣзжая за границу, получило отъ Хомякова эти деньги для доставленія Мицкевичу. Не нарушая скромности еще здравствующихъ участниковъ прекраснаго дѣла, назовемъ только умершихъ: это были, кромѣ главнаго жертвователя Хомякова, Баратынскій и Шевыревъ. Мицкевичъ, по словамъ доставителя, былъ изумленъ и тронутъ; обливаясь слезами, онъ принялъ Московскій даръ. *И. Б.*